ISSN 2312-0312

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.2014

ISSN 2312-0312

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2014, № 2 (52)

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (*главный редактор*)
С.С. Сибатрова (*зам. главного редактора*)
Т.Л. Молотова (*отв. секретарь*)
Л.Е. Кириллова
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
Э.И. Пекшеева
А.Н. Ракин
Л.С. Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Казанцев Д.Е. К теории словосложения. 3
Бландов А.А. Валдайские карелы в XVII – начале XVIII веков. 20
Калинина О.А. Историографический обзор источников и литературы о традиционной свадебной обрядности марийцев. 32

СООБЩЕНИЯ

Орлова О.В. Студенческая молодежь Республики Марий Эл о Родине и о себе. 50
Зеленеева Г.С. Сельская семья в Республике Марий Эл: от традиции к современности. 63
Молотова Т.Л. Особенности организации и проведения религиозных обрядов у марийцев Малмыжского района Кировской области. 70
Григорьева Л.Я. Журналистская деятельность Ю.В. Андуганова. . 78
Линкова Н.Ю., Попов А.А. «Финно-угорский мир: расширение культурного пространства». Межрегиональному телевизионному журналу «Финно-угорский мир» 21 год. 84

ПЕРСОНАЛИИ

Кузнецова М.Н. К юбилею Пауля Кокла. 88
Эрцикова Г.А. Ф.Т. Грачева – исследователь марийской фразеологии (к 80-летию со дня рождения). 92
Соловьев Б.С. Дороги. которые мы выбираем (к юбилею Т.Б. Никитиной. 95
Орлова О.В. Виталию Ивановичу Шабыкову – 60 лет. 99
Мустаев Е.Н. Ученый широкого диапазона (к 60-летию со дня рождения Н.Н. Глуховой). 102
Сергеев О.А., Максимов В.Н. Исследователь марийского языка из Суоми (к юбилею профессора С. Сааринен). 106
Сибатрова С.С. К юбилею М.Н. Кузнецовой. 115
Молотова Т.Л. К юбилею С.П. Манаевой-Чесноковой. 119

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Попов Н.С. Рец.: Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. Matkat udmurtien ja marien luo. Uno Holmbergin kirjeitä vuosilta 1911 ja 1913 years. Под редакцией С. Лаллукки, Т.Г. Миннияхметовой. Р.Р. Садикова. – Серия «Финляндия в России». – Изд-во «Европейский Дом». – Санкт-Петербург, 2014. – 224 с., илл. 122
Кошкина О.А. Рец.: Строительный комплекс Республики Коми в XX веке: Сборник документов и материалов / Сост. А.Н. Турубанов. – Сыктывкар. 2014. – 186 с. 127

ХРОНИКА

Соловьев Б.С. IV (XX) Всероссийский археологический съезд. 129
Памяти Л.С. Христолюбовой. 131
Сведения об авторах. 133

«Финно-угроведение», 2014, № 2

СТАТЬИ

Дмитрий Казанцев
Йошкар-Ола

К ТЕОРИИ СЛОВОСЛОЖЕНИЯ

1. История вопроса

После аффиксации словосложение является наиболее продуктивным способом словообразования. Но хронологически оно возникло раньше, чем аффиксация. Словосложение – это один из факторов, обогащающих лексический состав и грамматический строй языка. В свое время Г. Пауль писал, что единственным нормальным способом возникновения формальных элементов в языке является словосложение (1, с. 385). Его по праву можно назвать отцом теории словосложения. Позднее эту теорию разрабатывали многие лингвисты. Однако дискуссия о словосложении продолжается до сих пор. Прежде всего, она происходит из-за неточности и неопределенности самого понятия. Не совсем ясными остаются отличия сложных слов от производных, с одной стороны, и от словосочетаний – с другой. В испанском языке к сложным словам относят целые застывшие предложения типа *méto-me-en-todo* (2, с. 62), а во французском языке вплоть до настоящего времени сложными словами считаются такие словосочетания, как *chemin de fer* 'железная дорога'. В немецком языке сложные слова и отношения между их компонентами рассматриваются в одной плоскости со словосочетаниями. Такой подход наблюдается в первую очередь относительно определительных сложных слов: *Vaterhaus* 'отчий дом' = *Haus des Vaters* 'дом отца'. Смешение сложного слова и словосочетания привело некоторых немецких исследователей к выдвижению ими понятия раздельнооформленности сложных слов. Это понятие применяется главным образом к глаголам типа *aufstehen – stand auf – aufgestanden* 'вставать' (3, с. 266, 268). Но в современном языкознании утвердилось мнение, что сложное слово исторически восходит к словосочетанию. Но генетическая связь между ними нередко вскрывается с большим трудом, хотя словосложение типологически происходит одинаково во многих языках. Оно развивается двумя способами: 1) из словосочетаний, имеющих постоянный состав компонентов; 2) по моделям, уже существующим в языке. Согласно наблюдениям исследователей, сложных слов, образующихся по имеющимся моделям, значительно больше, чем сложных слов, возникающих на базе

словосочетаний, но порой трудно отличить первые от вторых (4, с. 40–41). Таким образом, основным признаком сложного слова является соотносительность со словосочетанием, которое существовало в языке до его появления. Образованию сложного слова способствовала частота употребления того или иного словосочетания (4, с. 75). Сложное слово – это результат свертывания словосочетания. Не случайно между ними имеются различия.

2. Отличие сложных слов от словосочетаний

Переход словосочетания в сложное слово – процесс длительный и непрерывный. На протяжении столетий они могут сосуществовать рядом друг с другом, и лишь на определенном этапе исторического развития языка обрывается связь между ними. Поэтому установить границу, где кончается словосочетание, а где начинается сложное слово, довольно трудно. Первое отличие словосочетания от сложного слова А.И. Смирницкий видит в характере их оформленности. Сложные слова им характеризуются как **цельнооформленные** образования, в отличие от них словосочетания, которые состоят не менее чем из двух слов, определяются как образования **раздельнооформленные**. Это различие он поясняет следующим примером. В английском языке имеются два образования: *shipwreck* 'кораблекрушение' и *(the) wreck of (a) ship* 'крушение корабля'. Они включают одни и те же корневые элементы и обозначают одно и то же явление действительности, существенно не отличаясь по своему значению, но различаются по своей оформленности. Первое образование, представляющее собой сложное слово, является цельнооформленным, а второе, характеризуемое как раздельнооформленное образование, относится к словосочетаниям (5, с. 364–365).

Между словосочетанием и сложным словом имеются и другие различия, которые можно определить как синтаксические, семантические, структурные, морфологические и фонетические.

1. Синтаксические отличия. Отмечаются такие особенности:

1) в составе сложного слова свободное словосочетание сужает свои возможности. Компонент сложного слова в отличие от слова в словосочетании не может быть членом предложения (6, с. 251);

2) словосочетание выражает расчлененное понятие, поэтому оно состоит из двух или более слов, которые легко выделяются в потоке речи. Иное дело со сложными словами. В процессе длительного исторического развития языка происходит деформация или полное слияние их компонентов, этимологию которых можно определить только при помощи сравнительно-исторического метода, ср. венг. *nép* 'народ' = *nő* 'женщина' + *p* (< *f* : *fi* 'мужчина' (коми-зыр., удм. *пи* 'мальчик'); венг. *egyház* 'церковь' = *egy* (< *id* 'святой') + *ház* 'дом' (7, с. 150); эрз. *урьва* 'сноха' = *уре* 'раб, рабыня' + *ава* 'женщина' (8, с. 92–93); мар. *пондаш* 'борода' = *пон* (мокш. *пон*, эрз. *пона* 'шерсть') + *таш* (коми-зыр., удм. *тош* 'борода').

2. Семантические отличия. Началом образования сложного слова считается тот момент, когда общий смысл словосочетания перестает совпадать с

суммой значений его компонентов. Сложное слово, возникшее на базе словосочетания, выражает одно новое понятие (1, с. 390–391. Обычно это происходит тогда, когда один из компонентов в данном словосочетании начинает употребляться в обобщенном значении (6, с. 391). Современные исследователи рассматривают это свойство сложного слова как проявление его спаянности, семантической компрессии и обобщенности (9, с. 354). Показательны в этом отношении факты русской топонимики. Так, названия городов *Белгород* и *Новгород* еще в XVII в. были не композитами, а словосочетаниями (*въ бѣлѣ городѣ, въ новѣ городѣ*). В современном языке они воспринимаются не как словосочетания, а как сложные слова, передающие единое понятие (4, с. 27, 106). В английском языке из словосочетания *black bird* 'черная птица' образовалось сложное слово *blackbird* с новым значением 'дрозд' (6, с. 190, 245–246). В немецком языке на основе словосочетания *edel man* 'благородный человек' возникло сложное слово *der Edelmann* 'дворянин' (10, с. 36). В марийском языке словосочетание *йошкар ог* 'красная грудь' явилось базой для сложного слова *йошкарог* 'снегирь'. Сходным способом образовалось название снегиря в татарском языке: *кызыл түш* 'красная грудь' → *кызылтүш* 'снегирь' (11, с. 112). В мордовских языках следующие словосочетания превратились в сложные слова: мокш. *калма ланга* 'поверхность могилы' → *калмаланга* 'кладбище', *ки ланга* 'поверхность дороги' → *киланга* 'дорога, путь' (8, с. 100–101). В мансийском языке словосочетание *эт вит* 'ночная вода' дало сложное слово *этвит* 'роса'. Можно привести и другие примеры на этот случай из мансийского языка: *най йив* 'горящее дерево' → *наив* 'дрова' (12, с. 73), *тӣр хӣл* 'озерная рыба' → *тӣрхул* 'карась'. Долгота гласного во втором элементе последнего композита утрачивается (13, с. 22).

Таким образом, до появления сложных слов в языке существовали словосочетания. По сравнению с ними сложные слова обладают более высокой степенью обобщения. Но одна семантика не может выявить специфику сложных слов как особых языковых единиц. Для определения различий между словосочетанием и сложным словом необходимо учитывать также их структурные особенности.

3. С т р у к т у р н ы е о т л и ч и я. Можно назвать такие структурные особенности:

1) как отмечено выше, сложное слово характеризуется цельнооформленностью, а словосочетание – раздельнооформленностью. Цельнооформленность – это диахронический процесс, который обычно выражается в слитности написания. Словосочетание состоит из самостоятельных слов, а сложное слово – из основ, не имеющих самостоятельной оформленности (3, с. 271); ср., например: *в три дороги* (XVII в.) → *втридорога*, *дѣет сказать* → *дескать*, *спаси бог* → *спасибо*, *то перво* → *теперь*, *стремо* 'прямо' + *глава* 'голова' → *стремглав* 'вниз головой' (4, с. 23, 76, 81);

2) компоненты сложного слова занимают контактное положение. Поэтому они в отличие от членов словосочетания неделимы, образуют неразрывное единство. Так, в английском языке слово *black* 'черный' в словосочетании *black birds* 'чер-

ные птицы' может быть уточнено определением *very* 'очень' (*very black birds* 'очень черные птицы'), но это слово в сложном образовании *blackbird* 'дрозд' такого определения иметь не может (6, с. 251). В марийском языке *йошкарон* 'снегирь' является сложным словом, в выражении *йошкар онан ӧри* 'красногрудый снегирь' (14, с. 12) оно перестает быть таковым. Единство сложных слов доказывается фактами татарского языка. В татарском языке имеется сложное слово *аккош* 'лебедь', которое в случае разделения третьим словом превращается в свободное словосочетание: *күлдә ак, соры кошлар йөзеп йөри* 'в озере белые, серые птицы плавают' (11, с. 111);

3) порядок следования компонентов в сложных словах постоянный, строго фиксированный, тогда как в словосочетаниях (особенно флективных языков) переменный (6, с. 247). Изменение порядка следования компонентов сложного слова дает уже другое слово (15, с. 163; 10, с. 33); ср., например, в немецком *Hochhaus* 'высотный дом' и *haushoch* 'высотой с дом' (15, с. 163), в марийском *чывиге* 'цыпленок' и *тыгычыве* 'курица-молодка';

4) один из членов сложного слова в отличие от компонентов словосочетания перестает употребляться самостоятельно (1, с. 391, 409). Примеры на это отличие сложных слов от словосочетаний можно найти в языках разных систем. Так, в немецком *Nachtigall* 'соловей' второй компонент, восходящий к *gala* 'певица', в настоящее время как особое слово не встречается (1, с. 408). К числу таких слов в русском языке можно отнести прилагательные *длинноногий* и *большеголовый* (16, с. 157). В них компонентом, самостоятельно не употребляющимся, является второй, как и в упомянутом немецком примере. А в марийском языке самостоятельно могут не употребляться как первый (*пул-вуй* 'колено', *пак-кӱзӧ* 'складной нож'), так и второй (*ош-киза* 'белая жимолость', *лу-леге* 'скелет') компоненты. Аналогичные примеры имеются и в венгерском языке. Так, в слове *mendemonda* 'молва, слух; пустые разговоры' первый компонент не употребителен, а второй компонент *monda* 'былина' встречается самостоятельно. Противоположное соотношение наблюдается в слове *csigabiga* 'улитка'. В нем первый компонент *csiga* 'улитка' употребляется самостоятельно, а второй компонент *biga* не встречается (7, с. 154).

4. Морфологические отличия. К их числу можно отнести такие:

1) сложное слово в отличие от словосочетания имеет производные формы (1, с. 392) и одно окончание (17, с. 95), типичные для простого слова. Эта особенность ярко проявляется во многих языках: нем. (*der*) *Stadtbewohner* (им. пад.) 'житель города' – (*des*) *Stadtbewohners* (род. пад.) 'жителя города' (3, с. 270), англ. *shipwreck* (им. пад.) 'кораблекрушение' – *shipwrecks* (род. пад.) 'кораблекрушения' (5, с. 365), рус. *железобетон* (им. пад.) – *железобетона* (род. пад.), мар. *издер* (им. пад.) (букв. *изи* 'маленький' + *тер* 'сани') 'санки' – *издерым* (вин. пад.) 'санки';

2) способы соединения компонентов в словосочетаниях и сложных словах разные. В одних сложных словах первый компонент может присоединяться ко второму непосредственно: ср., например: англ. *railway* 'железная дорога', фин. *rautatie*

'железная дорога', нем. *Schwarzbrot* 'черный хлеб', рус. *двухпудовка*, мар. *пӧрткайык* 'воробей'. В других сложных словах между компонентами могут появиться соединительные элементы. Такими элементами, которые называются также интерфиксами, являются в немецком *-es-*, *-en-*, *-er-*, *-e-*: *Bergesgipfel* 'вершина горы', *Heldentat* 'геройский поступок', *Bücherschrank* 'книжный шкаф', *Tagebuch* 'дневник' (15, с. 164). В английском языке в роли интерфиксов выступают *-of-* или *-in-*: *man-of-war* 'военный корабль', *brother-in-law* 'зять'. Они по происхождению являются предлогами и пишутся через дефис. В русском языке соединительными элементами являются гласные *-о-* и *-е-*: *водовоз*, *паровоз*, *снегопад*, *нефтепровод*, *сталевар*. В словосочетаниях соединительные элементы, как правило, отсутствуют;

3) особенности в морфологическом строе языков. Известно, что в немецком языке существительные бедны суффиксами. Вследствие этого многим производным словам русского языка в немецком соответствуют сложные слова. Такое расхождение бросается в глаза, например, в названиях ягод. В русском языке они образуются при помощи суффиксов *-ика*, *-ника: голубика*, *ежевика*, *земляника*, *клубника*. В немецком языке им соответствуют сложные слова, второй компонент которых составляет существительное *Beere* 'ягода': *Brombeere* 'ежевика', *Erdbeere* 'земляника', *Schwarzbeere* 'черника', *Steinbeere* 'костяника' (18, с. 138). Иную картину наблюдаем в тюркских и финно-угорских языках. В татарском языке названия лесных ягод (*җиләк* 'ягода') представляют собой словосочетания (19, с. 125–126), тогда как в марийском им (за исключением названия ежевики) соответствуют простые слова:

Татарский	Марийский	Русский
җир җиләге	*мӧрӧ*	*клубника*
каен җиләге	*снеге*	*земляника*
кара бөрлеган	*шем энгыж*	*ежевика*
кара җиләк	*модо*	*черника*
кура җиләге	*энгыж*	*малина*
кызыл бөрлеган	*шымаш*	*костяника*
лүк җиләге	горн. *пӧчӹж*	*клюква*
парат җиләге	*пӧчыж*	*брусника*

4) по характеру второго компонента сложные слова могут быть именами существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, глаголами и наречиями.

5. Фонетические отличия. Они проявляются достаточно разнообразно:

1) члены сложного слова в устной речи теснее примыкают друг к другу, чем члены словосочетания (1, с. 389). Правда, в словосочетаниях, имеющих проклитику (от греч. *proklitikos* 'наклоняющийся вперед') или энклитику (от греч. *enklitikos* 'наклоняющийся назад'), отношения между их членами могут быть такими же тесными, как и между членами в сложных словах. Несмотря на это, признак непрерывности нельзя не учитывать при разграничении словосочетаний и сложных слов;

2) в словосочетаниях каждый из членов имеет собственное ударение. В сложном слове, как и в словосочетании, выделяется два ударения, но в отличие от него одно из ударений является главным, а другое – побочным (1, с. 389). В английском языке главное (сильное) ударение падает на первый компонент, а второй компонент характеризуется более слабым ударением (6, с. 246). Такое же соотношение главного и второстепенного ударений наблюдается в сложных словах немецкого (10, с. 34) и венгерского (7, с. 149) языков. В венгерском языке сложное слово *kisasszony* 'барышня' произносится совсем не так, как словосочетание *kis asszony* 'маленькая женщина'. В отличие от названных языков в русском, марийском и татарском сильное ударение падает на второй компонент, а слабое – на первый: рус. *сѐнокóс*, мар. *йошкӓрóн* 'снегирь' (букв. 'красная грудь'), тат. *кызылтүш* 'снегирь' (букв. 'красная грудь'). Таким образом, в сложных словах ударение является более объединяющим фактором, чем в словосочетаниях;

3) в словосочетаниях звуковой состав компонентов, имеющих свое ударение, в целом постоянный, а звуковой состав компонентов в сложных словах чаще всего переменный. На стыке компонентов он может подвергаться фонетическим преобразованиям, которые отсутствуют между членами словосочетаний (6, с. 247). Г. Пауль называет три типа звуковых изменений, происходящих в индоевропейских языках при образовании сложных слов (1, с. 407–408). В других языках их может быть несколько больше, как показывают, например, факты марийского языка. В нем на границе основ в сложных словах отмечаются следующие фонетические процессы:

а) выпадение одного (как правило, безударного) из двух гласных, сочетающихся на стыке основ: *пелий* 'полугодие' (*пеле* 'половина' + *ий* 'год'), *лудиге* 'утенок' (*лудо* 'утка' + *иге* 'детеныш'). Так устраняется зияние, не особенно характерное для марийского языка;

б) выпадение одного из двух одинаковых или подобных слогов (гаплология): *киндерке* (*кинде* 'хлеб' + *терке* 'плоская посуда с широким дном') 'хлебница', *кугече* (*кугу* 'большой' + *кече* 'день') 'пасха', *кугорно* (*кугу* 'большой' + *корно* 'дорога') 'большак'. Примеры на гаплологию имеются и в русском языке: *разноличный* → *различный*, *благовоние* → *благовоние* (4, с. 55);

в) выпадение одного из двух согласных (диэреза): *икече* (*ик* 'один' + *кече* 'день') 'в прошлый раз, недавно', *коло* (*кок* 'два' + *лу* 'десять') 'двадцать';

г) озвончение глухих согласных в двух положениях:

между гласными: *шымавуч* (*шыма* 'нежный' + *пуч* 'стебель') 'дягиль лекарственный', *тагачы* (*та* 'это' + *кечы* 'день') 'сегодня'. Озвончение глухих согласных в интервокальном положении, как известно, связано с одновременным действием предвосхищения и инерции;

после сонорных и звонких согласных (прогрессивная ассимиляция): *йолгорно* (*йол* 'нога' + *корно* 'дорога') 'тропинка', *урвоч* (*ур* 'белка' + *поч* 'хвост') 'хвощ полевой' (ср. коми-зыр. *урбӧж* 'хвощ луговой');

д) комбинация разных фонетических процессов (гаплологии, диэрезы, ассимиля-

ции и т.д.): *кайвозаш* (*каен* [*ка(йэ)н*] ‘уйдя’ + *возаш* ‘ложиться’) ‘упасть’, *налияш* (*на(лын)* ‘взяв’ + *лияш* ‘прийти’) ‘принести’, *наггаяш* (*на(лы)н* ‘взяв’ + *каяш* ‘уйти’) ‘унести’.

В языках мира имеются языковые образования, промежуточные между сложным словом и словосочетанием. Это нередко проявляется в колебаниях их написаний (1, с. 388), которые иногда вызывают острую дискуссию среди специалистов. К промежуточным явлениям в марийском языке можно отнести *маска иге* ‘медвежонок’, *сӧсна иге* ‘поросенок’, *шорык пача* ‘ягненок’. Все они выражают новое понятие, но каждый из их компонентов характеризуется собственным ударением. Тем не менее в последнем орфографическом словаре марийского языка эти слова рекомендуется писать слитно (14, с. 12, 185, 226, 337). Двоякие написания имеются и в современной русской орфографии; ср., например: *слабо развитый* и *слаборазвитый*, *долго играющий* и *долгоиграющий* (20, с. 195). Такие колебания в написании одних и тех же образований обычно объясняют отсутствием четких критериев, разграничивающих сложное слово и словосочетание.

3. Отличие сложных слов от фразеологических единиц

Сложные слова и фразеологические единицы имеют определенное сходство между собой. Оно проявляется в том, что как те, так и другие характеризуются наличием одного значения и в предложении выступают в качестве одного члена предложения. Но между ними существуют и различия:

1) сложные слова в отличие от соотносительных фразеологических единиц состоят из основ-морфем (примеры см. выше). Компоненты фразеологических единиц, как и свободных словосочетаний, являются самостоятельными языковыми единицами: рус. *бить баклуши* ‘бездельничать’, *собаку съел* (на чем-либо) ‘основательно научился’; мар. *чара коля* ‘голая мышь’ (в значении ‘нищий’), *ночко пре-зе* ‘мокрый теленок’ (в значении ‘глупыш, несмышленыш’); коми-зыр. *кос пу йылысь тури висьталны* ‘рассказывать о журавле, сидящем на сухом дереве’ (в значении ‘врать, обманывать’) (21, с. 162); фин. *nyt hänet paha peri* ‘теперь его черт возьмет’ (в значении ‘теперь он за это поплатится’) (22, с. 161); тат. *карт төлке* ‘старая лиса’ (в значении ‘хитрец’) (11, с. 114); чув. *ял йыттти* ‘деревенская собака’ (в значении ‘человек, который шатается по деревне, заходя из одного дома в другой’) (23, с. 135);

2) компоненты сложных слов, за исключением парных слов, объединяются одним основным ударением. Фразеологические единицы, как и свободные словосочетания, в зависимости от строения имеют два или более основных ударений: рус. *держать язык за зубами* ‘молчать’; мар. *йошкар ате* ‘красная посуда’ (в значении ‘горло’); коми-зыр. *лы пытшкӧ пырны* ‘внутрь кости проникнуть’ (в значении ‘льстить’) (21, с. 163); фин. *syödä sanansa* ‘съесть свое слово’ (в значении ‘нарушить свое слово’) (22, с. 164); тат. *эт токымы* ‘порода собак’ (в значении ‘собачье отродье’) (11, с. 114); чув. *тимĕр пăрҫа* ‘железный горох’ (в значении ‘очень скупой’) (23, с. 137), ср. мар. *кӱртньӧ пурса*;

3) большинству фразеологических единиц в отличие от сложных слов свойственна образность (см. пункты 1 и 2). Но фразеологические единицы могут переходить в сложные слова. Так, в русском языке сложное слово *вертихвостка* соотносится с фразеологизмом *вертеть хвостом* 'кокетничать', а сложное слово *головомойка* восходит к фразеологической единице *мыть голову* 'очень бранить кого-то' (24, с. 329). В финском языке к сложным словам, образованным от фразеологических оборотов, относят, например, *hienohelma* (*hieno* 'тонкий, нежный, изящный' + *helma* 'подол') 'кокетка' и *onnenonkija* (*onni* 'счастье' + *onkija* 'удильщик') 'авантюрист, карьерист' (22, с. 166). Сложные слова, восходящие к фразеологическим единицам, имеются в коми языке: *гöгöрвоны* (*гöгöр* 'кругом' + *воны* 'прийти; дойти') 'понять', *вежавидзны* (*вежа* 'святой, почтенный' + *видзны* 'держать') 'быть почтительным, вежливым' (21, с. 165). В немецком языке сложное слово может иметь как прямое, так и переносное значение. При этом переосмыслению подвергается все соединение в целом: *Himmelsschlüssel* (букв. 'ключи царства небесного') 'первоцвет', *Hahnenfuss* (букв. 'петушиная нога') 'лютик', *Brummbär* (букв. 'медведь') 'ворчун, брюзга' (1, с. 397).

Переход фразеологических единиц в сложные слова – процесс, безусловно, длительный. Такие композиты возникают в результате утраты устойчивыми словосочетаниями образности, экспрессивности. Поэтому между сложными словами и фразеологическими единицами могут быть переходные явления (11, с. 115). Приведенные слова, являясь по структуре сложными, в какой-то степени еще сохраняют экспрессивность, присущую устойчивым оборотам.

4. Классификация сложных слов

Она производится по трем признакам: 1) по принадлежности сложных слов к определенной части речи. Этот признак относится к числу морфологических критериев; 2) по отношениям между компонентами сложных слов. Данный признак является синтаксическим; 3) по хронологии образования сложных слов.

1. Принадлежность сложных слов к определенной части речи. По этому признаку они делятся на именные и глагольные, имеющие много общего в способах образования. Первые распространены больше, чем вторые (17, с. 96), и имеют характер универсалий. Часть речи сложных слов зависит от второго элемента, представляющего всю грамматику композита (от лат. *compositum* 'составление'). При этом в качестве первого элемента могут выступать основы разных частей речи (10, с. 37; 15, с. 163).

2. Отношения между компонентами сложных слов. Связи между компонентами бывают двух типов: сочинительные и подчинительные. В зависимости от этих связей сложные имена подразделяются на соединительные, или копулятивные (от лат. *copula* 'связка'), и определительные, или атрибутивные (от лат. *attributum* 'присовокупление').

Копулятивные сложные имена. Они состоят из двух грамматически равноправных элементов. Основными признаками этой группы сложных слов являются

следующие: 1) каждый из двух соединительных элементов сохраняет свое лексическое значение, но в совокупности они обозначают нечто новое; 2) определение, общее для обоих членов, не повторяется дважды; 3) первый элемент, как правило, не изменяется; 4) каждый из элементов, входящих в сложное имя, характеризуется собственным ударением (1, с. 392–394); 5) между элементами копулятивных сложных имен можно предположить сочинительный союз (10, с. 42–43): лат. *duodecim* 'двенадцать' (*duo* 'два' + *decim* 'десять'), нем. *taubstumm* 'глухонемой' (*taub* 'глухой' + *stumm* 'немой'), рус. *изба-читальня*, мар. *кӱмыж-совла* 'посуда' (*кӱмыж* 'блюдо' + *совла* 'ложка'), коми-зыр. *ныр-вом* 'лицо' (*ныр* 'нос' + *вом* 'рот'), манс. *sampae* 'зрение' (*sam* 'глаз' + *pae* 'ухо').

Для обозначения сложных имен, называемых копулятивными, в современном языкознании используется термин *двандва* (санскр. *dvandva* 'пара'), заимствованный из древнеиндийских грамматик. Э. Бенвенист (25, с. 242) считал, что классические примеры двандва дает ведийский язык – один из культовых языков Древней Индии: *небо-земля* (= 'вселенная'), *отец-мать* (= 'родители'). В греческом языке примером парного образования, по его мнению, может служить *ночь-день* (= 'сутки'). Удивительно, но факт: однотипные сложные имена, выражающие собирательное значение, употребляются в марийском языке: *ача-ава* 'отец-мать' (= 'родители'), *йӱд-кече* 'ночь-день' (= 'сутки'). Образование парных слов является одним из удобных способов создания новых единиц языка. По мнению некоторых лингвистов, подобные слова возникают на примитивной стадии развития мышления, которое неспособно было к абстракции. Каждый из компонентов парных слов может изменяться в отдельности: венг. *szivvel-lélekkel* (букв. 'сердцем-душой') 'всей душой' (социатив), мар. *ачаге-аваге* 'вместе с отцом и матерью' (комитатив).

Атрибутивные сложные имена. Они обычно объединяют два элемента. Из них первый определяет второй, который служит видовой характеристикой первого элемента. Сложные имена этого типа в отличие от копулятивных могут включать в свой состав более двух компонентов. Многочленные сложные имена преимущественно встречаются в немецком языке в научной и технической литературе. В.Г. Адмони в качестве примера на этот тип сложных имен приводит немецкое слово из 36 букв. Оно переводится на русский язык как 'фрикционное резьбонарезное приспособление' (26, с. 36). Несмотря на это, многосоставные сложные имена, как и другие сложные слова, обычно образуются из двух основных частей, каждая из которых по структуре может быть сложной. Э. Бенвенист писал по этому поводу так: «... сложное имя заключает в себе всегда два и только два слова. Но из двух компонентов сложного имени один сам может быть сложным... в новом сложном имени компонентов опять будет только два» (25, с. 242). Он приводит, например, такие слова: нем. *Bleistifthalter* (*Bleistift* 'карандаш' + *Halter* 'держатель, ручка') 'наконечник карандаша', англ. *cocktail-mixer* 'миксер для коктейля'. В венгерском языке подобное многосоставное сложное имя представляет *főhadnagy* (*fő* 'старший' + *hadnagy* 'лейтенант') 'старший лейтенант' (7, с. 154). С точки зрения при-

веденного объяснения марийское *кугырӱдывондо* 'бузина' состоит из трех компонентов (*куго* 'большой', *рӱдӧ* 'сердцевина', *вондо* 'куст, стебель'), объединенных в две основные части: *куго* 'большой' + *рӱдывондо* 'стебель с сердцевиной'. В марийском языке соотношение между основными частями сложного составного имени может быть и обратным: *пундыштӱнгонго* 'опенок' (*пундыш тӱнг* 'основание пня' + *понго* 'гриб').

В некоторых языках сложные имена могут включать четыре компонента, которые, как и в рассмотренных примерах, объединяются в две основные составные части.

3. Хронология образования сложных слов. Впервые на вопрос о времени образования сложных слов, исходя из материалов индоевропейских языков, обратил внимание Я. Гримм. Позднее этот вопрос более детально был исследован Г. Паулем. Он в индоевропейских языках выделял два слоя сложных слов: 1) более ранний и 2) более поздний (1, с. 386). Предложенного деления, по всей вероятности, недостаточно, как показывают факты других языков. Между двумя крайними слоями может быть выделен третий – промежуточный.

Более ранний слой. Этот слой Г. Пауль делит на две группы сложных слов. К первой относятся сложные слова, которые либо непосредственно восходят к праязыку, либо возникают по аналогии с праязыковыми образцами (1, с. 386). Такими являются словосложения типа *медведь* (**medhw-ed* 'едок меда', вед. *madhw-ád*, ст.-слав. *mědъ-edь* (17, с. 96), возникшие на ранней стадии индоевропейского праязыка – в дофлективный период. Они не имеют соединительных элементов. На более поздней стадии развития праязыка, когда появились флексии, образовались сложные слова, основы которых связаны соединительными гласными *o* / *e* и согласными (4, с. 45). В современных индоевропейских языках они сохранились по-разному.

Для индоевропейского праязыка реконструируются как копулятивные, так и атрибутивные сложные слова, рефлексы которых имеются в современных языках. Сложные имена, отношения между членами которых характеризуются как сочинительные и как подчинительные, предполагаются в праязыках других семей. О вероятности существования сложных слов в финно-угорском праязыке свидетельствует, в частности, такое соответствие: венг. *éjfél*, мар. *jütpel*, удм. *üjpal* 'полночь' (букв. 'половина ночи') (27, с. 160). А соответствие типа венг. *tegnap* (*nap* 'солнце; день'), мар. *тенгече* (*кече* 'солнце; день') и коми-зыр. *тӧлун* (*лун* 'день; юг') 'вчерашний день, вчера' (коми-перм. *тӧн* 'вчера') возникло в родственных языках по аналогии с праязыковыми моделями.

Более поздний слой. Этот слой составляют сложные слова, возникшие в период самостоятельного существования языков. Образование сложных слов этого слоя происходит на наших глазах в одних случаях по аналогии с праязыковыми моделями, а в других – независимо от них, но всегда на основе синтаксических словосочетаний. В настоящее время установлено, что в отдельных финно-угорских языках или в их группах по праязыковой модели образовано название лица, сложное по морфологической структуре: венг. *orca* (*orr* 'нос' + *sza* 'рот'), манс.

n 'olius (*n 'ol* 'нос' + *ius* 'рот'), хант. *n 'otseem* (*n 'ot* 'нос' + *seem* 'глаз'), коми-зыр. *nyrvom* (*nyr* 'нос' + *vom* 'рот'), удм. *ytnyr* (*yt* 'рот' + *nyr* 'нос'), эст. (диал.) *suusilmad* (*suu* 'рот' + *silmad* 'глаза') (27, с. 168).

Промежуточный слой. Сложные слова этого слоя возникают в эпохи, промежуточные между праязыком и временем появления исторически засвидетельственных языков. Мысль о существовании в отдаленном прошлом промежуточных общих языков в лингвистике не нова. Она высказана А. Мейе (28, с. 22). Сложные слова промежуточного слоя можно выделить в финно-угорских языках. Так, в марийском и мордовских языках встречаются слова, состоящие из генетически общих элементов: мар. *тачe* – мокш. *тячи*, эрз. *течи* 'сегодня' (указательные слова *та*, *тя*, *те* 'это' + мокш. *чи* 'день'); мар. *тений* 'нынче, в этом году' – мокш. *тяни* 'сейчас, теперь' (указательные слова *те*, *тя* 'это' + мокш. *ни* 'уже', эрз. *ней* 'теперь'). Такие сходные образования могли появиться после распада финно-угорского праязыка в эпоху волжской общности, хронологически относимой к IV в. до н.э. – VI в. н.э. (27, с. 189–190). Сложные слова промежуточного слоя, несомненно, имеются и в других ветвях финно-угорских языков.

5. Характер распространения сложных слов в разных языках

Сложные слова известны с глубокой древности. Но они встречаются далеко не во всех языках, но в каждом языке сохраняют национальную специфику. Считают, что основной тип сложного слова восходит к тому времени, когда любой праязык знал только основу без окончаний. Процесс образования сложных слов, начавшийся в праязыке, после его распада в каждом языке развивался своим собственным путем. Этот вывод подтверждается данными индоевропейских языков. В санскрите словосложение было одним из распространенных способов словообразования (см. 29, с. 93). Сложных слов достаточно много в греческом языке, в славянских и германских языках. Их меньше в латинском языке, а литовский язык вовсе не знает сложных слов. Романские языки менее способны к образованию сложных слов по сравнению со славянскими. Относительно интенсивности словосложения в славянских языках вплоть до настоящего времени идут споры. Одни утверждают, что оно более развито в сербском языке, а другие, наоборот, считают, что болгарский и русский языки имеют большее количество сложных слов в сравнении с сербским, хотя значительно уступают в этом отношении немецкому языку, в котором словосложение является весьма продуктивным способом словообразования (4, с. 15–16; 35, 38). Существует мнение, что немецкое словосложение (оно в основном определительное) оказывало влияние на славянские, а также на эстонский и финский языки. Влияние прибалтийско-финских языков ощущается и в марийском языке, особенно в его современной орфографии. Это вовсе не случайно. Составителями нынешней орфографии, действующей с 2011 года, были языковеды, владеющие эстонским и финским языками. Г.И. Лаврентьев обратил внимание на то, что отдельные словосочетания марийского языка в настоящем орфографическом словаре пишутся слитно по аналогии с их соответствиями в эстонском и финском языках

(30), хотя Э. Итконен еще в 1960 году – задолго до появления упомянутого словаря – отмечал, что слитное и раздельное написание слов в финском и марийском языках отличается. Многие словосочетания, которые в марийском языке пишутся раздельно, в финском оформляются слитно (см. 31, с. 104).

Различия в орфографиях двух родственных – финского и марийского – языков обусловлены особенностями их исторического развития. Ф. де Соссюр писал: «Прежде всего, язык непрестанно развивается, тогда как письмо имеет тенденцию к неподвижности» (32, с. 65). Некоторые наши коллеги, по-видимому, не знают эту историческую закономерность. Они думают по-другому. Следствием чего является то, что за последние 40 лет (т.е. в течение жизни одного поколения) орфография марийского языка пересматривалась три раза (в 1972, 1992 и 2011 гг.). Это означает: марийская орфография не является устойчивой. На то, что орфография обязана быть именно такой, в свое время указывали авторы «Тезисов Пражского лингвистического кружка» (1929): «Частое изменение орфографических правил, особенно если это не служит их упрощению, находится в противоречии с принципом устойчивости» (33, с. 139). По их мнению, орфография должна быть легкой и ясной. Но современная марийская орфография не является ни ясной, ни легкой, особенно в написании сложных слов*. По сравнению с предыдущими орфографическими словарями в последнем словаре значительно увеличилось количество композитов:

1) к сложным словам отнесены свободные словосочетания, общее значение которых равняется сумме значений их отдельных компонентов: *куэвӱд* 'березовый сок', *йошкаршоптыр* 'красная смородина', *шемшоптыр* 'черная смородина', *кӱдырсӱан* 'тетеревиная свадьба'. Как сложные слова представлены названия этнографических групп марийцев: *курыкмарий* 'горные марийцы', *олыкмарий* 'луговые марийцы', *эрвелмарий* 'восточные марийцы', *ончылмарий* 'передние марийцы' (марийцы, живущие ближе к Казани), *шергелмарий* 'задние марийцы' (уржумские и сернурские марийцы). Если верить орфографии, то нет единого марийского этноса.

---

* Термин *йыгырмут*, употребленный в орфографическом словаре, является не совсем удачным. В переводе на русский язык он означает 'слово-близнец'. Обычно под словами-близнецами подразумеваются парные слова, компоненты которых фонетически соотносительны между собой (7, с. 153). В марийском языке к словам-близнецам чаще всего относятся звукоподражательные слова, характеризующиеся следующими признаками: 1) слова, первый компонент которых представлен неогубленными гласными, а второй компонент – огубленными: *йышт-йошт* (подражание быстрому, резкому движению), *кыгыр-кугыр* (подражание извилистому движению), *мыге-муго* (подражание плохой видимости); 2) слова, первый компонент которых имеет гласный переднего ряда, а второй компонент – гласный заднего ряда: *кигик-когок* (подражание крику гусей), *тик-так* (подражание тиканью часов). Компоненты слов-близнецов в отдельности не имеют значения. Они лишь вместе формируют общую семантику этих образований.

Во всех языках сложные слова образуются путем соединения разных основ (морфем). Этот способ является типичным и для марийского языка. Отсюда вытекает, что вместо термина *йыгырмут* оправданным было бы употребление составного термина – *ушымо мут*.

Авторы словаря, очевидно, полагают, что понятия выражают только простые и сложные слова, количество которых, по их мнению, свидетельствует о лексическом богатстве языка. В равной мере понятия могут выражать и словосочетания, даже аббревиатуры (РФ – Российская Федерация, вуз – высшее учебное заведение);

2) в орфографическом словаре 2011 года как сложные слова даны фразеологические единства, одним из основных признаков которых является наличие переносного значения: *кужу пылыш* 'длинное ухо; заяц' (34, с. 105) → *кужувылыш*; *вияш шоло* 'прямая кишка; болтун, болтунья' (35, с. 136) → *вияшшоло*; *тореш товар* 'мотыга; непослушный человек' (35, с. 136) → *торештовар*; *чара коля* 'голая мышь; нищий человек' (35, с. 128, 145) → *чараголя*;

3) в словосочетаниях на месте безударного (а иногда и ударного) гласного пишется буква *ы*, выступающая как буферная. Так словосочетание превращается в сложное слово: *кугывараш* 'коршун', *кугылогар* 'зоб', *кугылудо* 'кряква', *кугымӧр* 'клубника', *кукшылогар* 'трахея', *куткышуэ* 'муравейник', *корныет* 'путник', *черкывуй* 'колокольня; башня с колокольнями', но *кужувоч* 'стрекоза', *кужувылыш* 'заяц', *кужунер* 'комар';

4) в живой речи глухие согласные подвергаются озвончению. Это изменение при образовании сложных слов происходит в двух случаях: а) в интервокальном положении: *агагучем* (кучем), *азагӱпчык* (кӱпчык), *азадувыр* (тувыр), *аракавулеж* (пулеж), *арвагомдо* (комдо), *арвагудо* (кудо), *игывун* (пун), *изивӧчыж* (пӧчыж), *изигиса* (киса), *иминьыгорно* (корно); *куэвонго* (понго), *куэгичке* (кичке), *кугывӱкш* (пӱкш), *кужувоч* (поч), *кӱртньыдувыр* (тувыр); б) в положении после сонорных согласных: *вожынвоч* (поч), *вожынгопшанге* (копшанге), *ирвелчан* (пелчан), *ирвызле* (пызле), *иргаза* (каза), *ирдар* (тар), *йолварня* (парня), *йолвун* (пун), *йолвундаш* (пундаш), *йолгорно* (корно), *йолгурык* (курык), *пувурса* (пурса), *пунгудо* (кудо).

Редукция гласных и озвончение глухих согласных – это фонетические законы, открытые младограмматистами. Они же доказали, что фонетические законы имеют исключения (1, с.87; 36, с. 196). Однако в орфографическом словаре действие фонетических законов проводится весьма последовательно, вопреки нормам произношения. Такой подход оказывает негативное влияние на живую речь. Необходимо помнить следующие слова Ф. де Соссюра: «Произношение слова определяется не орфографией, а историей… Единственно, что подлежит рассмотрению – это происхождение слова, его этимология» (32, с. 69). Но такие слова, как *тӧнеж*, *тувыра*, *шанче* и некоторые другие, вошедшие в орфографический словарь, не имеют ни истории, ни этимологии. Не случайно Ф. де Соссюр предупреждал: тирания буквы, подчиняя себе массу говорящих, может влиять на язык и менять его. В такой обстановке зрительный образ способен создавать ошибочные произношения (32, с. 69). Нельзя забывать это предостережение.

В действующей орфографии марийского языка к сложным словам часто относятся синтаксические сочетания слов, которые при переводе, например, на русский

язык могут быть заменены одним простым или одним сложным словом, ср.: *изиет* 'дитя, ребенок', *лумӱдыр* 'снегурочка', *шӱдий* 'столетие', *кумшӱдӧ* 'триста' и т.д. Так искажается национальная специфика языка. Но некоторые сложные слова представляют собой просто-напросто смысловой перевод соответствующих образований русского языка: *арвернумалше* = грузчик, носильщик, *кӱртьыдувыр* = кольчуга. Сомнительно, что эти слова являются композитами.

6. Этимологии компонентов сложных слов

Процесс образования сложных слов является чрезвычайно разнообразным. Разнообразными могут быть и компоненты сложных слов по своему происхождению. Это различие не так-то просто демонстрировать на материале нескольких языков. Поэтому в качестве базового избран марийский язык. В нем можно выделить следующие типы сложных слов по этимологии их компонентов:

1. Оба компонента исконные по происхождению: *йолгорно* 'тропинка' = *йол* 'нога' (фин. *jalka* 'нога') + *корно* 'дорога' (фин. *kuirta* 'желоб, канавка, сток; бороздка'); *кидпӱан* 'согнутая в локте рука' = *кид* 'рука' (морд. *кедь, кядь* 'рука') + *пӱ* (коми-зыр. *пий* 'пазуха') + суффикс *-ан*; *шоягорем* 'затылок' = *шоя* 'задний' (коми-зыр. *сай* 'место за чем-либо') + *корем* 'овраг; ложбина' (< *кораш* 'рыть, ковырять', ср. мокш. *карамс* 'ковырять, рыть'); суффикс *-ем* (*-эм*), образующий имя существительное от глагола, имеется также в удмуртском языке: *пукыны* 'сидеть' → *пукем* 'сидение' (> мар. *пӱкем* → *пӱкен* 'чурбан; табуретка').

2. Один из компонентов сложного слова исконный, а другой – заимствован: *почменгге* 'столбик в ткацком станке' = *поч* 'хвост' (коми-зыр. *бӧж* 'хвост') + *менгге* 'столб' (н.-перс. *тēх* 'гвоздь; столб, кол'); *тумлеге* 'желудь' = *тумо* 'дуб' (фин. *tammi* 'дуб') + *леге* (чув. *йĕкел* 'желудь'); *пакӧзӧ* 'перочинный нож' = *пак* (тат. *пәке* 'складной нож') + *кӱзӧ* 'нож' (венг. *kés* 'нож'); *ракывод* 'раковина, ракушка' = *рак* (рус. *рак*) + *под* 'котел' (фин. *pata* 'чугун, горшок').

3. Оба компонента заимствованы из разных языков: *пӧръеҥ* 'мужчина' = *пӧр-* (ягн. *pir* 'старший') + *еҥ* 'человек' (чув. *çын* 'человек'); *Коркашӱдыр* 'Большая медведица' = *корка* 'ковш' (чув. *курка* 'ковш') + *шӱдыр* 'звезда' (ягн. *sitōra* 'звезда').

* * *

1. Создание сложных слов нельзя понимать как простое соединение двух самостоятельно существующих знаков. Если бы дело обстояло именно так, то нельзя было бы объяснить, почему такие образования, сходные между собой, могут появиться в разных языках.

2. Импульс, обусловивший развитие сложных слов, исходил не из морфологии (в этом случае сходных образований в языках было бы значительно меньше), а из синтаксиса. Именно синтаксическая модель лежит в основе морфологического словосложения. Свободное сочетание, переходя в новый ярус, ограничивает свои

прежние возможности. Его компоненты в составе сложных слов утрачивают большинство синтаксических связей. Но это обеднение синтаксического выражения при преобразовании в морфологическое выражение компенсируется другими языковыми средствами.

3. В сложных словах действуют те же законы деэтимологизации, опрощения и переразложения основ, а также утраты и модификации фонетических единиц, которые характерны для простых слов.

4. Сложное слово, как и словосочетание, отражает национальное своеобразие языка. Об этом говорят следующие факты: 1) неодинаков удельный вес сложных слов в разных языках; 2) различный порядок следования компонентов внутри сложного слова; 3) разнообразные изменения в структуре сложного слова; 4) неодинаковая изменчивость семантики компонентов сложных слов.

5. История словосложения показывает общее направление развития языков – переход от более длинных единиц к более коротким, обусловленный принципом экономии. «Язык – бережливый хозяин», – писал М. Мюллер (37, с. 202).

СОКРАЩЕНИЯ

англ. – английский язык
венг. – венгерский язык
горн. – горное наречие марийского языка
коми-зыр. – коми-зырянский язык
коми-перм. – коми-пермяцкий язык
лат. – латинский язык
манс. – мансийский язык
мар. – марийский язык
мокш. – мокшанский язык
нем. – немецкий язык
н.-перс. – новоперсидский язык
рус. – русский язык
ст.-слав. – старославянский язык
тат. – татарский язык
удм. – удмуртский язык
фин. – финский язык
хант. – хантыйский язык
эрз. – эрзянский язык
эст. – эстонский язык
ягн. – ягнобский язык

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Пауль Г.* Принципы истории языка. – М., 1960.

2. *Кубрякова Е.С.* Что такое словообразование. – М., 1965.

3. *Левковская К.А.* Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. – М., 1962.

4. *Василевская Е.А.* Словосложение в русском языке. – М., 1962.

5. *Смирницкий А.И.* Проблема отдельности слова (из книги «Лексикология английского языка». – М., 1956) // Общее языкознание. Хрестоматия. – Минск, 1976.

6. *Блумфилд Л.* Язык. – М., 1968.

7. *Майтинская К.Е.* Венгерский язык. Часть II. Грамматическое словообразование. – М., 1959.

8. *Келин М.А.* Процессы образования сложных слов в мордовских языках // Вопросы мордовского языкознания. – Саранск, 1967. – Вып. XXXII.

9. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М., 1972.

10. *Iskos A., Lenkova A.* Deutsche Lexikologie. – Leningrad, 1960.

11. *Ганиев Ф.А.* К вопросу о сложных словах в современном татарском языке // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Казань, 1976.

12. *Баландин А.Н., Вахрушева М.П.* Мансийский язык. – Л., 1957.

13. *Ромбандеева Е.И.* Структура мансийского (вогульского) языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Йошкар-Ола, 1988.

14. Марий орфографий мутер. – Йошкар-Ола, 2011.

15. *Левковская К.А.* Лексикология немецкого языка. – М., 1956.

16. *Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. – М., 1956. – Т. I.

17. *Одри Ж.* Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. XXI.

18. *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. – Казань, 1913.

19. *Бурнашева С.А.* Некоторые вопросы лексики татарского языка // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. IV. Лексика. – М., 1962.

20. *Дудников А.В.* Современный русский язык. – М., 1990.

21. Современный коми язык. Лексикология. – М., 1983.

22. *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Лексикология и синтаксис.– М., 1955. – Ч. II.

23. *Чернов М.Ф.* Фразеология чувашского языка. Избранные труды. – Чебоксары, 2006.

24. *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. – М., 1990.

25. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М., 1974.

26. *Admoni W.* Der deutsche Sprachbau. – Л., 1960.

27. *Décsy Gy.* Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. – Wiesbaden, 1965.

28. *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. – М., 1954.

29. *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. IV.

30. *Лаврентьев Г.И. Ялозанлык, шочмэл, куртньывошпыр* але *ял озанлык, шочмо эл, кӱртньо вошпыр*? // Марий Эл. 2013, 25 декабрь.

31. *Пустяков А.Л.* К 100-летию со дня рождения Эркки Итконена // Финно-угроведение. 2013, №2.

32. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. – М., 1977.

33. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965. – Часть II.

34. *Казанцев Д.Е.* Типологии и универсалии языков. История и современное состояние. – Йошкар-Ола, 2010. – Часть I: Синхрония.

35. *Казанцев Д.Е., Патрушев Г.С.* Современный марийский язык. Лексикология. – Йошкар-Ола, 1972.

36. *Дельбрюк Б.* Введение в изучение языка (извлечения). Аналогия // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1960. – Ч. I.

37. *Мюллер М.* Лекции по науке о языке. – СПб., 1865.

Dmitriy Kazantsev

ON THE THEORY OF COMPOUNDING

Compounding is one of the intractable problems of diachronic linguistics. After affixing it is the most productive way of word formation. Chronologically compounding arose before affixation. Typologically it occurs equally in many languages – by rolling phrases. Therefore, between phrases and compound words there are similarities and differences. The main difference between compound words from the phrase is in the specifics of their design. Compound words formed from the basics, are characterized as whole design units and phrases that emerged on the basis of independent words, defined as separate design. Between the two language educations, there are other differences – syntactic, semantic, structural, morphological and phonetic.

In the long process of historical development of languages phraseological unity could become in the composites. In every language composites reflect its national identity. Moreover, members of the composites may have various origins.

«Финно-угроведение», 2014, № 2

Алексей Бландов
Санкт-Петербург

ВАЛДАЙСКИЕ КАРЕЛЫ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКОВ*

Юго-восточные районы Новгородской области традиционно характеризовались сложным этническим составом населения. Помимо русских, там проживали карелы, эстонцы, латыши, поляки и представители других этносов. Так, еще несколько десятилетий назад в окрестностях Валдая можно было услышать карельскую речь. В XIX и XX вв. лингвистами была проделана большая работа по изучению так называемого валдайского говора карельского языка (1). Однако в целом история и культура этнографической группы валдайских карел исследованы далеко не полностью, а после того как в 1990-е гг. была засвидетельствована ее окончательная языковая ассимиляция, все исследования в этом направлении и вовсе прекратились. В частности, малоизученным остался период зарождения рассматриваемой этнографической группы. В обобщающих трудах А. С. Жербина (2) и В. Салохеймо (3) данная тема не получила всестороннего освещения.

Доподлинно известно лишь то, что процесс переселения карел на Новгородские земли был растянут во времени и занял не одно десятилетие. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют говорить как минимум о двух крупных переселенческих волнах. Неслучайно в 1650-е гг. поселившихся вблизи Валдая карел уже делили на «старинных» и «новопришлых» (4, стб. 254–255).

При этом появление карел в окрестностях Валдая, по всей видимости, следует связывать с событиями начала XVII в., когда Северное Приладожье и Карельский перешеек – историческая родина карельского этноса – были захвачены шведами. Экономические и религиозные притеснения со стороны последних стали причиной массового бегства коренных жителей на приграничные российские территории. Этому движению не препятствовали и московские власти, стремившиеся за счет «выходцев из-за шведского рубежа» увеличить численность населения наиболее пострадавших в годы Опричнины и Смуты регионов своей страны. К числу таких регионов, без всякого сомнения, относился Валдай, практически обезлюдивший к началу XVII в. Как видно из сохранившихся документов, к тому времени населе-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Валдайские карелы: историко-этнографическое исследование», проект 14-51-00010.

ние отсутствовало почти во всех малых деревнях и в большинстве некогда крупных населенных пунктов Валдайской округи (5, с. 182–183; 6, л. 57; 7, с. 73–74). Именно такой – запустелой и безлюдной – эта территория и предстала перед первыми переселенцами.

Анализ всей совокупности источников свидетельствует, что поначалу выходцы из-за шведского рубежа селились преимущественно на дворцовых землях. Но со временем значительная часть такого рода территорий была пожалована ряду строившихся монастырей. Так, в 1654 г. села Валдай (Богородицыно), Едрово и Яжелбицы, а также окружавшие их деревни со всем русским и карельским населением были закреплены за недавно учрежденным Валдайским Иверским монастырем (4, стб. 93–94; 8, с. 12–21). Недовольные таким решением карелы составили челобитную, где, помимо всего прочего, сообщалось: «В прошлые… годы от немецких людей от тесноты вышли мы, бедные сироты твои, в твою, великого государя, сторону… и пристали мы, сироты, жить в Новгородском уезде в Деревской пятине, и по твоему, великого государя, указу… воевода князь Григорий Семенович Куракин поселил нас, сирот… на пустые, лесом поросшие земли… и на тех пустых участках лес расчистили и распахали в пашню… И после того… приезжал из Великого Новгорода сотник стрелецкий Леонтий Аристов и отвел он нас, сирот, за Иверский монастырь и за Галилейскую пустынь… и от того мы, сироты, в конец погибли и разорились» (9, л. 9–10).

Нужно полагать, что в числе челобитчиков были как «старинные», так и вновь прибывшие на Валдай карелы, ведь именно серединой XVII в. датируется вторая и, по-видимому, более мощная волна карельской миграции, связанная уже с событиями русско-шведской войны 1656–1658 гг.

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что второй переселенческий поток был намного более организованным. Прибывавшие в Новгород карелы записывались в специальные книги, получали от государства «хлебное и денежное жалованье», после чего направлялись на жительство в тот или иной регион страны. Однако одновременно с мероприятиями, проводимыми государством, привлечь переселенцев на свои земли стремились и власти Иверского монастыря. Последние обещали предоставлять беженцам ссуды на покупку скота и посевной материал. Разумеется, те карелы, которые успели получить государево жалованье и «порядились на пустую государеву землю» не имели право селиться в монастырских владениях. Но численность беженцев была столь велика, что отследить исполнение данного указа не представлялось возможным. Так, в 1667 г. сообщалось, что с 1658 по 1662 гг. денежное и хлебное жалованье в Великом Новгороде получили 5578 семей, из которых лишь 1430 остались жить на дворцовых землях, а остальные, «взяв оное великого государя жалованье, разошлись» в монастырские и другие вотчины (в частности, во владениях Иверского монастыря сыщики выявили 106 беглых семей). Дабы возвратить их на дворцовые земли, правительство регулярно издавало указы, предписывавшие выводить карел из помещичьих и монастырских деревень. Но власти Иверской обители в ответ лишь заявляли, что «те выходцы многие при-

ходили в те наши монастырские вотчины жить за тебя, великого государя, до войны и до строения Иверского монастыря… а иных выходцев после того принимали патриарховы приказные люди, потому что заказу о том твоего государева не бывало, да и потому что те выходцы сказывали им, [что они] вольные люди и твоего государева жалованья они не имали, и для того [их] ссужали хлебом и деньгами, и скотом и давали льготы» (10, л. 1–2, 5, 14; 11, л. 1; 12, л. 1–2; 13, с. 49–52; 14, л. 3–7).

Большая часть карельских беженцев прибыла на Валдай в 1650-е и в 1660-е гг. Но, справедливости ради, отметим, что переселение карел на Новгородские земли продолжалось как минимум до конца XVII в. Например, в 1690-е гг. в д. Борисово объявился уроженец «немецких людей», живший ранее «близ города Орешка в посаде во крестьянах» (15, л. 1–2; 16, с. 292). Так, постепенно вокруг Валдая, в границах Еглинского, Нерецкого, Короцкого, Городенского, Михайловского, Вельевского, Яжелбицкого, Локоцкого, Ситенского, Ужинского, Туренского и некоторых других погостов (ныне – Валдайский, Окуловский, Крестецкий и Демянский р-ны Новгородской обл.) формировались кусты деревень с преимущественным карельским населением (см. рис. 1). Только в вотчине Иверского монастыря таких поселений было более 25. В документах XVII–XVIII вв. они именовались «карельскими деревнями Валдайской округи».

Однако источники свидетельствуют, что с самого начала в некоторых из этих населенных пунктов проживали не только карелы. Так, в 1660-е гг. в д. Середея поселились уроженцы Луцкого (Великолукского) уезда. Правда, через четыре года они перешли оттуда в Старую Руссу, но затем вновь вернулись в Середею, спустя еще один год сошли в д. Мишнево Туренского погоста, а в 1671 г. объявились в д. Гагрино (17, л. 15–16). Примерно в те же годы в Валдайской округе появился «уроженец польских земель», бывший житель г. Белая (ныне – в Тверской обл.), представившийся Василием. Он покинул родину в 1654 г. в связи с начавшейся русско-польской войной, некоторое время «кормился по миру», затем пришел в вотчину Иверского монастыря, где «пристал» сначала в д. Лобаново, через несколько лет перешел в карельскую д. Бор и, наконец, поселился в соседней д. Фалево (17, л. 52). Как показала З.А. Тимошенкова, немало «польских выходцев» (главным образом белорусов) было и в карельских деревнях Вельевского погоста (18, с. 142).

В свою очередь, карелы иногда селились в деревнях, которые в документах традиционно именовались «русскими». Известно, например, что во второй половине XVII в. выходцы из-за шведского рубежа «приставали» в дд. Плотично, Мококово и Наволок (10, л. 27; 19, л. 19; 20, л. 1; 21, л. 138). Осмелимся предположить, что в то время карелы также проживали в «русских» дд. Козлово, Новинка, Буяково и Ивантеево. По крайней мере, в XIX в. перечисленные населенные пункты безоговорочно считались карельскими (22, с. 37–39). Отметим также, что в XVII столетии уроженцы Корельского уезда числились в ряде деревень Локоцкого погоста (23, л. 1–9; 9, л. 3; 24, л. 4; 25, л. 10; 26, л. 20; 27, с. 124), а также в дд. Большие Миронеги и Малая Миронушка Еглинского погоста (28, л. 9; 9, л. 7; 24, л. 4; 29, л. 12а). За пределами Валдайской округи карелы были известны в д. Речка Пи-

росского погоста (ныне – Боровичский р-н Новгородской обл.) (30, л. 2–8 об.), в с. Березовский рядок и в его окрестностях (ныне – Бологовский р-н Тверской обл.) (31, л. 1; 32, л. 38–43), во многих деревнях Старорусского уезда (2, с. 67; 33, с. 72; 34, с. 462) и даже в самой Старой Руссе (35, с. 99, 100, 104). Кроме того, в начале XVIII в. прозвища Корела, Корелин и Корельчонок носили несколько жителей с. Валдай (36, л. 3 об.–6; 37, л. 1–8), а «корелянином» называл себя один монах Иверского монастыря (38, л. 41).

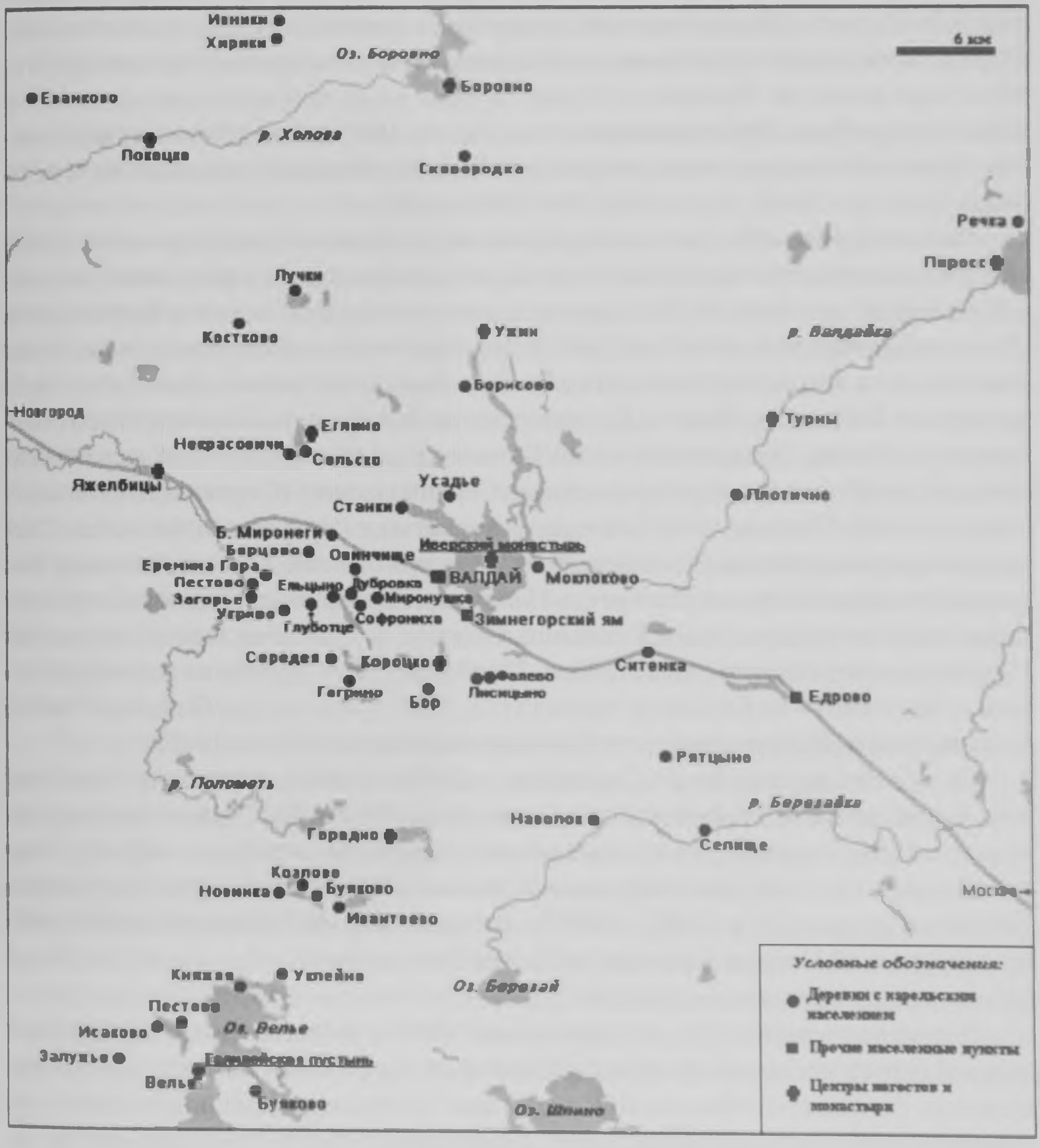

Рис. 1. Карельские деревни Валдайской округи в XVII веке.

Сохранившиеся архивные документы в некоторых случаях позволяют определить точное время появления карельских переселенцев в том или ином населенном пункте. Например, пустошь Еванково в Локоцком погосте превратилась в деревню в 1689 г., когда туда были «перепущены» карелы из дд. Пестово и Еремина Гора (24, л. 4; 25, л. 10). Первыми поселенцами на пустоши Ситенка, что близ с. Едрово, стали «гулящие» плотники, пришедшие в 1671 г. из Корельского уезда (39, л. 1). Пустоши Рятцыно (Рядчино) и Селище в Михайловском погосте оказались обжитыми еще раньше, после того как в 1654 г. они вместе с другими землями Новгородского Лисьего (Лисицкого) монастыря были приписаны к Иверской обители. Судя по имеющимся источникам, основателями новых поселений явились крестьяне из карельских дд. Борисово и Угриво, а также вновь прибывшие выходцы из-за шведского рубежа. Примечательно, что, когда в 1667 г. Лисий монастырь снова стал самостоятельным, переселить карел обратно в Иверскую вотчину не успели (40, л. 1; 41, л. 4, 5; 42, л. 1; 4, стб. 730–733; 8, с. 19).

Финский ученый В. Салохеймо, обработавший значительное количество документов, предполагал, что большинство карельских выходцев, пришедших на Валдай во второй половине XVII в., происходило из северных погостов Корельского (Кексгольмского) уезда (34, с. 462, 463). Действительно, судя по нашим неполным данным, в то время в окрестностях Валдая чаще всего можно было встретить уроженцев Кидецкого (Китее), Пелкозерского (Пялкъярви) и Тогмозерского (Тохмаярви) погостов. Но кроме того, в XVII столетии на Валдай переселилось немало выходцев из Приладожья, в частности, из Сердовольского (Сортавала), Соломенского (Салми), Сустомского (Суйстамо) и Угнемского (Уукуниеми) погостов. Также в некоторых деревнях Валдайской округи осели бывшие жители Заонежья, Корельского города и Ореховского уезда. Например, карелы, поселившиеся на упоминавшихся выше пустошах Рятцыно, Селище и Ситенка, происходили из Сердовольского погоста (40, л. 1; 10, л. 28; 41, л. 5; 39, л. 1), многие жители д. Локоцко (Локотско) – из Кидецкого погоста (23, л. 1–9), а семьи, прибывшие в 1661 г. в д. Овинчище (Новинчище), – из Тогмозерского погоста (10, л. 21–22).

По подсчетам того же В. Салохеймо, в XVII столетии на Валдай переселились как минимум 403 семьи из Корельского уезда (34, с. 462). Однако, необходимо отметить, что далеко не все из этих семей задержались в регионе надолго. Так, судя по переписи 1669 г., в 25 карельских деревнях Валдайской округи было всего 130 жилых дворов (24, л. 2–4), а в 1680 г., по сведениям Новгородского дворцового приказа, во всей Иверской вотчине, включая Старорусский уезд, проживали лишь 658 «корелян» мужского пола (13, с. 51).

Важно подчеркнуть, что на протяжении XVII в. численность населения Валдайской округи не была постоянной. Далеко не все карельские выходцы сразу определялись с новым местом своего жительства. Например, вышедший в 1660 г. из Сустомского погоста Дорошка Иванов сначала «пристал» в Олонецком уезде, затем перешел в Иверскую вотчину, где сперва поселился в д. Ельцыно (Ельчино), а впоследствии жил в д. Угриво. Оттуда он решил перейти на дворцовые земли в

Заборовский погост (ныне – в Вышневолоцком р-не Тверской обл.), однако этому воспрепятствовали монастырские власти (10, с. 24).

Такого рода примеры не единичны. Как свидетельствуют источники, в середине XVII в. многие карелы в поисках лучшей жизни уходили из Иверской вотчины на дворцовые земли (то есть в «государев круг»), хотя монастырская администрация и делала все возможное, чтобы остановить данный процесс. Так, крестьянин, «порядившийся» в 1661 г. в Заборовский погост, жаловался, что его не отпустили туда власти Иверского монастыря, опечатав все его имущество (10, л. 17). В Осеченскую волость (ныне – в Вышневолоцком р-не Тверской обл.) не смог уйти бобыль д. Рятцыно, которого пришлось даже «держать в цепи» в течение трех ночей (10, л. 28).

Стоит отметить, что иногда выходцы из-за шведского рубежа удерживались монастырскими властями незаконно. Многие карелы, получившие в Новгороде государево жалованье и поселившиеся в вотчине Иверского монастыря, не давали последнему «порядных записей» и не намеревались надолго задерживаться на его землях. Однако были и такие крестьяне, которые проживали в Иверской вотчине с момента основания обители и лишь использовали случай, чтобы поменять место жительства да вдобавок получить от государства хлебное и денежное жалованье. И, если верить монастырской администрации, таких мошенников было несколько десятков человек (12, л. 1–2). Приведем конкретный пример. В 1668 г. бил челом крестьянин Зеновейка Федотов, рассказавший, что он совсем недавно вышел из Корельского уезда, остановился в д. Середея, вскоре «порядился» в дворцовую волость в Михайловский погост, но был остановлен монастырскими властями, которые посадили его «в цепь» и хотели «совсем его у себя поработить во крестьянство вечное». Однако архимандрит Иверского монастыря опроверг все вышесказанное, заявив, что «тот Зеновейка… в челобитье своем солгал, [называв себя] нововыходцем воровски ложно, а он, Зеновейка… живет в Волдайском кругу лет с тридцать» (43, л. 1–2).

Отложившиеся в архивах документы свидетельствуют, что предпринимавшиеся карелами попытки бегства нередко заканчивались неудачами. Но едва ли не больше карельских крестьян успешно выходили из Иверской вотчины и благополучно селились на дворцовых землях. Например, в 1667 г. сразу несколько человек из деревень Валдайской округи сумели бежать в Толмачевский погост (ныне – в Лихославльском р-не Тверской обл.) (10, л. 19–20). Дабы пресечь такие переходы, в ноябре 1673 г. в д. Софрониха пришлось даже направить отряд стрельцов, так как монастырским властям «ведомо учинилось, что той деревни крестьяне хотят из той деревни бежать со всеми своими животами» (17, л. 49). Но, несмотря на такие меры, в тот год Иверский монастырь недосчитался 43 человек в 14 карельских поселениях (17, л. 58).

В большинстве случаев валдайские карелы переходили жить на дворцовые земли в Осеченскую волость, в Заборовский, Толмачевский и некоторые другие погосты, способствуя тем самым формированию этнографической группы твер-

ских карел. Но нередко монастырские крестьяне обосновывались и в соседних с Иверской вотчиной дворцовых селениях. Например, в 1683 г. по меньшей мере семь человек из карельских деревень Валдайской округи проживали в дд. Залужье и Исаково, относившихся к Вельевскому погосту (44, л. 3–4). Также несколько монастырских крестьян жило в дворцовой д. Костково Еглинского погоста (45, л. 83).

Причины бегства были различными. Одни крестьяне тяготились принудительными работами на Иверский монастырь, другие же надеялись таким образом улучшить свое материальное положение. Так, в 1670-е гг. «от хлебной скудости» из д. Пестово бежали братья Архиповы. Сначала они остановились на дворцовых землях в Полоновском погосте (ныне – Демянский р-н Новгородской обл.), через 15 лет перешли в помещичью д. Уклейно соседнего Вельевского погоста, где жили еще по меньшей мере 25 лет. Лишь в 1722 г. один из беглецов был обнаружен за сотни километров от Валдая, в Шлиссельбургском уезде (46, л. 1–2).

Интересно, что в первые годы после переселения карелы не порывали связей со своей родиной, следили за происходившими там событиями и, возможно, рассчитывали со временем туда вернуться. По крайней мере, они периодически использовали данный аргумент, чтобы добиться от монастырской администрации тех или иных послаблений. Например, когда жителей карельских деревень решили привлечь к кирпичному делу, они заявили: «Будет-де станет с нас великий государь имать детей наших в кирпичное дело, и мы-де разбредемся розно, что нам такое дело не за обычай». А власти Иверского монастыря добавили: «И ныне… заслыша с немцами мирное поставление, и они… люди усердые, слух носится, хотят бежать на старину» (9, л. 14; 4, стб. 381).

Отметим также, что на протяжении всего XVII столетия валдайские карелы регулярно ездили «за шведский рубеж» и привозили оттуда контрабандный табак, в то время официально запрещенный в России (впервые на этот факт обратила внимание З.А. Тимошенкова: 47, с. 360). При этом, судя по сохранившимся спискам, в 1680-е гг. «в немцы по табак» ездили не менее 16 человек из 9 карельских деревень Валдайской округи (хотя некоторые из них и отрицали свою причастность к контрабандной торговле, заявляя, что они «за тем делом не ездили, а ездили по обещанию в Печоры Пресвятой Богородице помолиться») (48, л. 41 об.; 49, л. 183; 50, л. 69). Кроме монастырских крестьян в торговле табаком были задействованы и карелы, проживавшие в помещичьих и дворцовых деревнях Новгородского и соседних уездов. В частности, много «табачников» жило в окрестностях с. Кесьма (ныне – Весьегонский район Тверской области) (51, с. 86).

Любопытно, что между артелями контрабандистов существовала жесткая конкуренция. Так, в 1689 г. крестьянине д. Сельско Еглинского погоста хотели подать челобитную на жителей других карельских деревень Валдайской округи, «которые ездят за рубеж по заповедный товар и многих государевых дворцовых волостей и иных монастырских, и многих помещицких крестьян с собою берут и проводят за рубеж, и велят называться Иверского монастыря крестьянами», отчего челобитчикам чинились сплошные убытки (50, л. 68; 51, с. 87).

Сопряженные с большими рисками, поездки в Швецию зачастую оканчивались ничем. Так, крестьянин д. Борисово, отправившийся в 1673 г. «табаку купить», «приехав-де до немецкого рубежа, воротился назад домой, для того что за рубеж не ездят, что не смирно» (52, л. 14), а житель д. Лисицыно (Лисичино) хоть и смог вывезти свертки с табаком из Швеции, но уже дома их украли беглые крестьянине из соседней д. Лобаново, которые затем преподнесли их «в почесть» своему помещику (53, л. 15, 32). Также беспрепятственной торговле мешали действия новгородского воеводы. Посылаемые им стрельцы периодически ловили контрабандистов, доставляли их в Новгород и требовали за них выкуп. Но как показал П.В. Седов, доходы от торговли табаком были столь велики, что никакие меры властей не могли искоренить данный вид промысла. Более того, незаконную деятельность валдайских карел всячески покрывала монастырская администрация, которая, как никто, была заинтересована в материальном благополучии своих крестьян (51, с. 86–91).

Деятельность особых промысловых артелей, состоявших исключительно из карел, свидетельствует о существовании прочных социальных связей между жителями разных карельских поселений. Несмотря на значительные расстояния, валдайские карелы поддерживали постоянные отношения со своими знакомыми и родственниками в других населенных пунктах, ездили к ним на праздники, вели с ними торговлю, при необходимости брали у них в долг, давали друг по другу поруки, а иногда даже выступали вместе в коллективных челобитных. Так, в 1670 г. под челобитной, поданной от жителей карельских деревень Иверского монастыря, подписался и староста д. Княжая (Княжево) Вельевского погоста, принадлежавшей Галилейской пустыни (9, с. 7–8). Контакты поддерживались даже с карелами, осевшими на берегах реки Мсты. Например, один из жителей Сеглинского погоста (ныне – в Бологовском р-не Тверской обл.) имел сродичей в д. Глуботце (Глуботец) недалеко от Валдая, а в 1673 г. приезжал в д. Станки, чтобы купить там лошадей (52, л. 9, 12). В свою очередь, жители дд. Борисово и Глуботце периодически бывали в деревнях Чернецкой волости, в окрестностях с. Кесьма (ныне – Весьегонский р-н Тверской обл.) и, по-видимому, занимались совместно с крестьянами тех мест торговлей табаком (54, л. 17–18).

Однако даже такие тесные внутриэтнические связи не могли препятствовать начавшемуся процессу языковой ассимиляции. Надо полагать, что уже к концу XVII в. значительная часть населения карельских деревень Валдайской округи была двуязычной. Судя по сохранившимся документам, карельские крестьяне без каких-либо сложностей общались с жителями соседних русских деревень и с представителями монастырской администрации. Известен лишь один случай, когда власти Иверского монастыря были вынуждены при переводчике допрашивать карела из д. Борисово (15, л. 1–2).

В то же самое время в таком вопросе как выбор брачного партнера этническая принадлежность еще долго играла первостепенную роль – в документах XVII–XVIII вв. нам не встретилось ни одного примера смешанных русско-карельских

браков. Случалось, правда, что карельские девушки выходили замуж в отдаленные погосты, однако непременно в карельские деревни. Например, житель д. Ельцыно, что близ Валдая, выдал трех своих дочерей замуж в карельские дд. Балуево, Залужье и Уклейно, находившиеся в Вельевском погосте (55, л. 29 об.; 56, стб. 238). Напротив, крестьянин д. Пестово Вельевского погоста сосватал за себя девицу из д. Бор Еглинского погоста (57, л. 13).

Кроме того, этническая принадлежность и знание карельского языка имели значение при выборе священнослужителей. Например, карелы Вельевского погоста, желавшие возобновить у себя приходскую церковь, избрали священником «бродягу корелянина Григория Ерофеева», пришедшего в д. Пестово в 1692 г. (4, стб. 956–957). Точно так же жители Еглинского погоста избрали себе иереем Якова Яковлева, аргументируя свой выбор тем, что «он, священник, по-русскому и нашему карельскому языку разумеет» (58, л. 12 об.; 59, с. 482).

Однако, несмотря на такие шаги, остановить процесс обрусения было уже невозможно. Начиная со второй половины XVII в. значительная часть жизни валдайских карел стала проходить в русскоязычной среде. Многие карелы наряду с жителями русских деревень участвовали в строительстве Иверского монастыря, затем отправлялись на работы в Ново-Иерусалимский монастырь под Москвой, а в XVIII в. трудились на строительстве различных объектов в Санкт-Петербурге и его окрестностях. В частности, с 1703 г. жители карельских деревень Валдайской округи принимали участие в возведении Петропавловской крепости (60, с. 92).

Кроме того, по воле помещиков или же по собственному желанию в начале XVIII в. некоторые карелы навсегда покинули окрестности Валдая и поселились вблизи строившейся столицы. Известны даже случаи, когда знание карельского языка (во многом схожего с языком ингерманландских финнов) помогало валдайским крестьянам устроиться на новом месте жительства. Так, крестьянин, вышедший в 1710-е гг. из д. Усадье, стал работать в Шлиссельбургском уезде, женился там на вдове-чухонке, через некоторое время ушел жить в Шлиссельбург, а оттуда в д. Манушкино, «что за Ижорою», «и жил в той и в других… деревнях у крестьян-чухн в работниках из найма года с четыре». Примечательно, что и его сын, родившийся уже в Шлиссельбургском уезде, также жил у чухонца в д. Рябово, что за Охтой (61, л. 145–146 об.).

Судя по всему, в начале XVIII в. закончилось формирование новой этнической территории карел на Валдае. Этот процесс занял не одно десятилетие, а границы данной территории постоянно менялись – как в силу микромиграций, так и в связи с неизбежной ассимиляцией небольших и периферийных групп карельских поселенцев. Быстрому обрусению карел во многом способствовали изначальная этническая неоднородность населения Валдайской округи, развитие транспортной инфраструктуры региона, церковные службы на русском языке и отхожие промыслы в Санкт-Петербурге. Не удивительно, что в XIX в. процесс ассимиляции имел уже необратимый характер.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Palmeos P.* Karjala valdai murrak. (Emakeele seltsi toimetised. Nr. 5). – Tallinn, 1962.

2. *Жербин А.С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. – Петрозаводск, 1956.

3. *Saloheimo V.* Pohjois-Karjalan historia. II: 1617–1721. – Joensuu, 1976.

4. Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные о. архимандритом Леонидом. (Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 5. – СПб., 1878.

5. *Гурлянд И.Я.* Новгородские ямские книги 1586–1631 гг. – Ярославль, 1900.

6. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 815. Оп. 2. 1718 г. Д. 61.

7. *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. – Л., 1980.

8. *Тимошенкова З.А.* Землевладение Иверского монастыря в XVII веке // Вестник Псковского Вольного университета. Т. 3. 2000. № 1–3.

9. Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПбИИ РАН). Ф. 181. Оп. 1. Д. 1577.

10. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1214.

11. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1288.

12. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1609.

13. *Гневушев А.М.* Новгородский дворцовый приказ в XVII веке. (Краткий очерк деятельности приказа и документы). – М., 1911.

14. РГИА. Ф. 815. Оп. 4. 1730 г. Д. 100.

15. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5890.

16. *Тимошенкова З.А.* Промысловые занятия населения вотчины Иверского монастыря во второй половине XVII – начале XVIII в. // Петербургские чтения–95: Материалы научной конференции 22–26 мая 1995 года. – СПб., 1995. С. 290–293.

17. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2042.

18. *Тимошенкова З.А.* Белорусы на Северо-Западе России в XVII в. // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы международной научно-практической конференции к 135-летию со дня рождения В. И. Пичеты, Минск–Витебск, 9–11 октября 2013 г. – Витебск, 2013. С. 140–143.

19. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1352.

20. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1872.

21. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4799.

22. *Богословский Н.[Г.]* Материалы для истории, статистики и этнографии Новгородской губернии, собранные из описаний приходов и волостей // Новгородский сборник. Вып. 2. – Новгород, 1865. С. 5–153.

23. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1417.

24. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1960.

25. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3814.

26. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4472.

27. Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). – Л., 1989.

28. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 757.

29. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 222.

30. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4277.

31. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1175.

32. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 244.

33. *Тимошенкова З.А.* Формирование населения вотчины Иверского монастыря во второй половине XVII в. // Новгородский край: Материалы научной конференции «Новгород древний – Новгород социалистический. Археология, история, искусство», состоявшейся 13–15 октября 1982 г. и посвященной 50-летию археологических раскопок в Новгороде. – Л., 1984.

34. *Салохеймо В.* Рождение Тверской Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. – Ювяскюля, 1995.

35. *Рабинович Г. С.* Город соли – Старая Русса в конце XVI–середине XVIII вв. (к вопросу о генезисе капитализма в русской промышленности). – Л., 1973.

36. РГИА. Ф. 815. Оп. 1. 1713 г. Д. 25.

37. РГИА. Ф. 815. Оп. 2. 1719 г. Д. 103.

38. РГИА. Ф. 815. Оп. 4. 1722 г. Д. 110.

39. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1876.

40. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 185.

41. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1458.

42. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1473.

43. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1307.

44. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3230.

45. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1587.

46. РГИА. Ф. 815. Оп. 4. 1723 г. Д. 23.

47. *Тимошенкова З.А.* Торговля крестьян Иверской вотчины во второй половине XVII–начале XVIII в. // Петербургские чтения–96: Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург–2003». – СПб., 1996.

48. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3205.

49. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3228.

50. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3816.

51. *Седов П. В.* Контрабандная торговля табаком в порубежных территориях Новгородской земли во второй половине XVII в. // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. (Сер. Гуманитарные исследования. Вып. 3).

52. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2239.

53. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1066.

54. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3819.

55. РГИА. Ф. 815. Оп. 1. 1714 г. Д. 23.

56. Описание архива Александро-Невской лавры за время царствования императора Петра Великого. Т. 1: 1713–1716 годы. – СПб., 1903.

57. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2000.

58. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5342.

59. *Тимошенкова З.А.* Приходские церкви и крестьянский мир на Северо-Западе России во второй половине XVII – начале XVIII в. // Средневековая и Новая Россия: Сб. научн. ст. к 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. – СПб., 1996.

60. *Базарова Т. А.* Новгородские крестьяне на городовом строительстве в Ингерманландии в 1702–1703 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Девятой ежегодной международной научной конференции (10–11 апреля 2007 г.). – СПб., 2008.

61. РГИА. Ф. 815. Оп. 4. 1728 г. Д. 198.

Aleksei Blandov

THE VALDAI KARELIANS IN THE 17th – THE BEGINNING OF THE 18th CENTURY

The article, which is based on the archival sources, is devoted to the history of the Karelian migration from the north to Novgorod region. Special attention is paid to those Karelians who settled around Valdai and in such a way formed the special ethnographical group. The author states that most of the migrants came to Valdai at the second half of the 17th century from the northern parts of Kexholm province and from Ladoga Karelia. However later on some of them moved further to Tver region. In the opinion of the author, in spite of the strong interethnic social ties and the attempts to avoid mixed marriages, even at the beginning of the 18th century the Valdai Karelians could hardly cope with the overwhelming influence of the Russian culture.

«Финно-угроведение», 2014, № 2

Ольга Калинина
Йошкар-Ола

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ О ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ МАРИЙЦЕВ

Для современного периода характерно возросшее внимание к проблемам семьи, семейных традиций и обрядов. Это связано, прежде всего, с поисками новых форм сохранения и развития семейной обрядовой культуры, а также с попытками утверждения национального самосознания, национальной самобытности народов. С семейными обрядами связаны знаменательные события в жизни семьи, отдельных ее членов. Свадьба в системе семейной обрядности является наиболее выделяемым и значительным торжеством, сосредотачивающим в себе различные жанры и формы песенно-танцевального творчества и материальной культуры.

Марийская свадьба с давних времен отличалась своей самобытностью и уникальностью, объединяла комплекс разнообразных обрядов и обычаев, магических действий, которые имели социальное, правовое, мировоззренческое и религиозное значение (1, с. 156). Они были призваны обеспечить вновь созданной семье будущее потомство, достаток и благополучие в семейной жизни, оградить молодых от различного рода негативных воздействий. Кроме того, свадьба включала в себя большое количество таких элементов, как свадебные песни, музыку, танцы, развлекательно-игровые представления, нарядные костюмы и украшения, которые придавали ей особую яркость и зрелищность.

Свадебная обрядность развивалась в разные исторические эпохи, менялась и обновлялась, приобретала новые черты, но до настоящего времени смогла сохранить и донести отдельные традиционные формы, которые составляют сегодня культурное наследие марийского народа.

Настоящая статья посвящена анализу источников и литературы о свадебной обрядности марийцев с XVIII века до современности, которые могут помочь не только при исследовании свадебной обрядности, но и, возможно, в восстановлении некоторых свадебных обычаев и ритуалов.

Посредством анализа представленных материалов сделана попытка показа локальных особенностей свадебных обычаев и обрядов всех этнографических групп марийцев – горных, луговых, восточных в их историческом развитии.

Свадебные обряды, отличавшиеся своим разнообразием, насыщенностью драматургических действ, красочностью форм с давних пор привлекали внимание уче-

ных, путешественников, иностранных дипломатов, священников-миссионеров, краеведов. Благодаря им мы сегодня располагаем достаточно богатой источниковой базой, информацией о свадебной обрядности всех этнографических групп марийцев. Материалы по свадебной обрядности разнообразны и обширны. Правда не все они равномерно представляют свадьбу, одни довольно подробно рассматривали свадебные обряды и обычаи, другие ограничивались незначительными сообщениями – давали сведения, которые лишь констатировали наличие тех или других обычаев. Однако все они ценны, так как в них представлены фактические материалы, раскрывающие своеобразие марийской свадьбы.

Краткие сведения, касающиеся семьи, семейной обрядности марийцев впервые были даны в путевых заметках немецких путешественников XVI–XVII веков – барона С.Герберштейна (1517, 1526), ученого, дипломата А.Олеария (1633–1634, 1635–1639) (2; 3). Путешествуя по России с дипломатическими целями, они наблюдали за бытом, нравами не только русских, но и других народов, населяющих земли Московского царства. Так, А.Олеарий близ г.Васильсурска смог увидеть марийцев и даже пообщаться с ними через переводчика, узнать немного о жизни и быте, культуре народа. После этой встречи он писал, что марийцы вступают в брак с четырьмя и пятью и более женами, не обращая внимания на то, что они родные сестры (4). Как отмечает С.Я. Черных, в описываемый период марийцы в основном жили моногамной семьей, т.е. мужчина имел одну жену, а женщина – одного мужа, но многоженство в марийских селениях и на луговой, и на горной стороне было довольно частым явлением, что подтверждают данные переписных книг XVIII века, приведенные ученым (5, с.7–23). Но, надо заметить, на двух-трех женщинах (редко на четырех), женились лишь зажиточные и крепкие здоровые мужчины, которые материально могли содержать своих жен и детей.

Описания С.Герберштейна и А.Олеария, как видно из их записей, не совсем отличались большой достоверностью, однако они передают такие сведения из обрядовой жизни марийцев, которые вызывают интерес у современных исследователей. М.Загоскин по поводу сочинений А.Олеария писал: «они (сочинения) послужили твердым основанием для начавшегося, вслед за тем, стремления западной Европы к ознакомлению с русским востоком» (4, с.12).

Более подробные описания свадебной обрядности появились в XVIII–XIX веках. В 1725 году по указу Петра I была учреждена Академия наук, которая стала организовывать и направлять в разные уголки России Академические экспедиции с целью сбора сведений о народах, населяющих Российское государство. Так участники этих экспедиций смогли ознакомиться с жизнью и бытом марийцев. Книга Г.Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то: черемис, чуваш, вотяков» стала первой значительной работой, где было дано наиболее содержательное описание семейно-брачных отношений марийцев (6). В работу Г.Ф. Миллера вошли сведения о заключении марийцами брака, собранные во время сибирской экспедиции (1733–1743). Как заметил автор, девушек даром не выдавали, за нее жених платил деньги – *олно*, который им приравнивался к калыму.

Платили *олно* по-разному, смотря по красоте, богатству и знатности невесты – от 10 до 30 рублей, а в Кунгурском уезде – по 100 и более рублей. Значимую роль играло и то, какое приданое принесет в дом жениха невеста.

Коснувшись возраста вступления в брак, Г.Ф. Миллер писал, что девушек выдают замуж старше двадцати лет, а по поводу мужчин – их могут женить еще детьми 5–6 лет с намерением иметь в домашней работе вспоможения (6, с.68). Насчет возраста женихов, Г.Ф. Миллер, возможно, дал не совсем верную информацию, т.к. И.Г. Георги вслед за ним в своем «Описании…», опубликованном в 1791 году, писал о покупке жен 16-летним сыновьям, а девушка должна была быть не моложе 15 лет (7). Автор обратил внимание также на обряд *шерган ваштaлтымаш* (обмен кольцами), который происходит во время сговора, и отметил о выкупе, который платил отец жениха. Если семья была состоятельной, сумма достигала до 100 рублей, бедные же, не имея денег, невест вынуждены были похищать.

Труды Г.Ф. Миллера и И.Г. Георги были достаточно содержательными для своего времени, исследователи до настоящего времени обращаются к ним. Достоинством работ является не столько подробность в описании, а сколько то, что в них уделено внимание на важные детали жизни и быта марийцев, в том числе и на свадебные обряды.

Во второй половине XVIII в. Академия наук, кроме экспедиций, использовала и другие формы для сбора сведений о народах, например, рассылала на места в разные уголки Российского государства анкеты. Результатом явились разнообразные сведения по статистике, экономике, географии, истории и этнографии. Так, среди документальных публикаций начала XVIII века можно отметить материалы ответов на вопросы анкеты В.Н. Татищева (1736, 1738) жителей уральской деревушки Байтемировка Бисертской волости Верхотурского уезда (ныне Пермский край) (8). Этот документ был обнаружен в 1965 году Г.А. Сепеевым в Архиве РАН Санкт-Петербурга, и, по его мнению, он является одним из ранних отечественных описаний культуры восточных марийцев (9, с.83–92).

Среди представленных в анкете различных вопросов, были и такие, которые касались «церемонии супружества». Жители марийской деревни достаточно подробно ответили, что браки заключаются похищением и по сватовству, при женитьбе за невесту дают калым от 15 до 30 рублей, а женят своих детей от 15 лет. Было указано также, если муж умрет, то его младший брат может жениться на его жене, что отмечал и Г.Ф.Миллер.

В Архиве РАН в Санкт-Петербурге марийский историк А.Г. Иванов нашел еще одну анкету – от имени Шляхетского корпуса* , касающегося Марийского края начала 60-х годов XVIII века (10, с. 79–91). Анкета была составлена Г.Ф.Милле-

---

* Закрытое учебное заведение для дворян, где готовились кадры для административной, военной, гражданской и придворной службы. Указом Сената от 13 декабря 1760 года корпусу надлежало собрать анкеты «к сочинению географического описания Российского государства».

ром. Ответы на вопросы анкеты были получены в 1761 году из Уржума, Козьмодемьянска и Царевосанчурска. На вопрос об обрядах, супружестве, Уржумская воеводская канцелярия ответила: черемисы (марийцы), проживающие в Уржумском уезде, женятся по сватовству, а за невесту платят калым деньгами, вместо венчанья вокруг дома три раза по солнцу объезжают. Также по солнцу жених с невестой обходят вокруг стола, после этого на голову невесты надевают головной убор замужней женщины *шурку*. В ответе описывается и обряд развода супругов.

В XIX веке этнографическому изучению народного быта стали уделять больше внимания, но в первой его половине, как отмечает И.Н. Смирнов, в изучении марийской семьи не было значительных успехов (11, с. 160). В этот период сообщения о жизни народов, их материальной и духовной культуре большей частью появлялись лишь в местных губернских ведомостях, статистических описаниях уездов.

Интересным является рукописный материал «Статистическое описание Царевококшайского уезда» известного земского деятеля А.А. Келлера, служившего Земским Исправником в Царевококшайском уезде (12). Составленное им в 1837 году описание хранится сегодня в отделе редких книг Национальной библиотеки им. С.Г. Чавайна в Йошкар-Оле. В нем имеются сведения о годовых праздниках, семейных, религиозных обрядах. Довольно подробные сведения даны о свадебной обрядности марийцев, где выделены их конфессиональные различия.

Заслуживает внимания появившаяся в 1840 году работа А.Фукс, которая стала одной из значительных публикаций о марийцах для того периода (13). В ней заметное место занимает показ свадебной обрядности марийцев. А.Фукс отметила взаимоотношения молодежи, формы заключения брака. Она описала сговор и помолвку, при этом отмечала, что родители чаще учитывают интересы жениха и невесты, но бывают и принудительные браки. А.Фукс писала, что молодые после свадьбы в первое время спали в амбаре, т.к. по народным приметам это принесет им счастье и богатство. Несмотря на некоторые неточности в описании свадебной, праздничной обрядности, работа до сих пор остается востребованным источником для исследователей.

В 1870 году была издана на русском языке работа прусского чиновника, барона А.Гакстгаузена под названием «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (14). В ней были даны сведения о жизни и быте горных марийцев, хозяйственной деятельности, об одежде, семейной обрядности и т.д. Эти сведения им были собраны в Козьмодемьянске и в марийской деревне Куликалы во время путешествия по России летом 1843 года с целью исследования аграрной культуры и крестьянской общины. А.Гакстгаузен отметил, когда мужчины женятся, то они платят выкуп *олно*, который иногда достигает до 100 рублей. А жены получают из дома «известное число рубашек и позднее в подарок от отца – часть его движимого имущества» (14, с. 95). Здесь имелось в виду приданое, которое она получала из дома. Парни, как он заметил, стараются жениться как можно раньше, чтобы обзавестись отдельным хозяйством.

С середины XIX века публикации, посвященные этнографии марийского населения, появляются все чаще. В оживлении этнографических исследований большую роль сыграло Русское географическое общество (1845). Одним из значимых его отделений стало отделение этнографии, которое определило свои задачи: изучить народы и их быт, религию, нравы, обряды, жилища и т.д. Были составлены специальные программы для сбора этнографических материалов, по которым члены Общества, краеведы со всей России собирали сведения о народах. Они в виде статей, очерков печатались в губернских ведомостях, различных журналах, таких, как «Этнографический сборник РГО», «Записки РГО по отделению этнографии», «Известия Общества истории, археологии и этнографии», журналах «Живая старина», Министерств народного просвещения и Министерства государственного имущества и т.д. В этот период выходит все больше публикаций, отражающих жизнь и быт, культуру, религиозные верования разных этнографических групп марийцев.

Заслуживает внимания работа о свадьбе горных марийцев С.М. Михайлова, чувашского просветителя, этнографа, фольклориста. Он был хорошо знаком с жизнью и бытом горных марийцев, т.к. жил и работал в Козьмодемьянске, сам имел марийские корни. Очерк был напечатан в Казанских губернских ведомостях в 1854 году (15). С.М. Михайлов отмечал, что марийцы горной стороны, так же, как и луговые, справляют свадьбы летом перед сенокосом – в первых числах июля месяца. Однако под влиянием русских, пишет он, свадьбы стали устраивать и в зимнее время. Брак заключался путем сватовства. Выкуп за невесту составлял от 28 до 57 рублей серебром, что считалось большой суммой, малый выкуп – до 26 рублей серебром. Автор рассмотрел все обряды, совершаемые в период подготовки и проведения свадьбы: сватовство, обручение, заключение договора, свадьба, благословение родителей с обеих сторон (невесты, жениха), венчание, смена головного убора, дарение подарков, хождение молодушки за водой, послесвадебные посещения молодоженов своих родственников. Довольно большое внимание уделено описанию свадебного костюма поезжан, показу свадебных чинов. Было также отмечено то, что горные марийцы женятся непременно по достижению узаконенных лет и после рекрутской повинности, а девушки выходят замуж в цвете лет. Описание свадьбы стало одним из лучших публикаций, посвященных свадьбе горных марийцев того периода.

Следует отметить и статью священника, краеведа-просветителя М.Кроковского, который описал первый день свадьбы горных марийцев (16). Интересным является его замечание о том, что жених, получив от невесты дары в виде рубахи, пояса и штанов, надевал их после купания в реке. Отметил он и то, что свадебный поезд, под шум барабанов и волынок, сопровождали несколько парней верхом на лошади.

О свадебной обрядности горных марийцев писали священник И.Яблонский и деятель народного образования, краевед И.А. Износков. И.А. Износков опубликовал достаточно много работ по краеведению, в том числе и статью о горных марийцах (17). Касаясь вопроса семейной жизни, он отметил, что марийцы редко

вступают во внебрачное сожительство. А.Ф. Риттих, автор известной монографии под названием «Материалы по этнографии России» заметил, свадебные обряды горных марийцев схожи с чувашскими: «те же поезжане, такие же шилики, церемонии при отъезде и въезде, одинаковое одевание, прощанье и употребление нагайки» (18).

Член уфимской статистической комиссии М.В. Лоссиевский в своей работе рассматривал свадебные обряды марийцев Оренбургской губернии (19). Он подметил, что родители невесты спрашивали большой выкуп за дочерей, это, видимо, входило в быт марийцев от соседей-тюрков. Из-за этого молодые люди, не имея таких фиансовых средств, не могли вовремя вступить в брак или женились, похищая невест. О браке марийцев через похищение в Красноуфимском уезде Пермской губернии писал и Г. Городской (20).

В.М. Шестаков в своем описании уделил внимание показу свадебного обряда некрещеных и крещеных марийцев Уржумского уезда (21). Как пишет автор, больших различий в проведении свадьбы у них нет, кроме того, что некрещеные в доме жениха после надевания на невесту женского головного убора *шымаки*, водят ее на гумно вместе с поезжанами, чтобы приобщить ее к духу-покровителю семьи жениха, а крещеные венчаются в церкви.

В работе А.Ф. Риттиха «Материалы для этнографии России» в очерке «Черемисы» значительное место уделено описанию праздничной и семейной обрядности (22). При написании этих разделов он использовал источники известных в то время авторов: А.Фукс, П.Знаменского, Л.Износкова и др. Надо заметить, А.Ф. Риттих подходил к объектам исследований с новых позиций, т.е. он хотел показать «инородцев» людьми не второго сорта. «Смею уверить каждого, что они не хуже русских, – писал он, « а что инородцев у нас не знают, доказывается скудостью наших этнографических сведений».

С 1878 года начался новый этап в изучении народов Поволжского региона – было создано Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Оно сделало большой прорыв в изучении народов, населяющих этот регион, в том числе и марийцев. Большая часть работ, исследований о марийцах относится именно на период основания Общества и до начала XX века – времени самой активной его деятельности. В состав Общества входили С.К. Кузнецов, И.Н. Смирнов, Т. Семенов, С.Нурминский, В.М. Васильев и др., которые много писали о марийцах.

Большое внимание семейно-брачным отношениям марийцев уделял С.К. Кузнецов (23). Описывая свадебный обряд малмыжских марийцев, он указывал, что марийцы не спешили с венчанием в церкви, они могли венчаться, когда имели уже детей, т.е. для них главным являлся не церковный обряд, а проведенная по своим обычаям традиционная свадьба. Его замечание, что основной формой брака марийцев являлось языческое умыкание – было не совсем точным, т.к. похищение происходило часто по договоренности жениха с невестой.

С.К. Кузнецова интересовала также и обрядовая жизнь сектантов «Кугу сорта». Из краткого описания о бракосочетании сектантов можно узнать об особенно-

стях их религиозной жизни, о том, насколько сдержанно без особой суеты они проводят свои семейные обряды – даже свадьбу (24, с. 55–57).

Описание горномарийской свадьбы, данное П.С. Кушелевым, содержит достаточно интересные сведения (25). Например, на смотрины девушки, а они обычно проходили во время праздника, пешком не ходили, а обязательно ехали на лошади, если даже жили совсем рядом. Прежде чем провести свадьбу, молодые венчались, а сам свадебный пир со всеми традиционными ритуалами организовывался через 2–3 дня после этого. П.С. Кушелев и другие авторы обращали внимание на то, что дружки жениха всегда ехали за невестой верхом на лошадях, за ними следовали *сӱанвуй* (глава свадьбы), *кого вӱге* (большой зять), жених и остальные участники свадьбы. Во время свадебного пира у невесты пели все и мужчины, и женщины, что придавало свадьбе более веселый характер. Свадьба продолжалась, не считая венчания, 3 дня: 1-й день – сама свадьба, 2-й день – молодая угощала гостей обрядовым кушаньем *лашка*, приготовленным из ячменной муки, 3-й день – новобрачные ехали к родителям невесты показать *шартан* – головной убор замужней женщины. К ним молодые ездили еще и осенью – после уборки урожая, затем зимой – за обещанным даром (домашней скотиной).

Подробные сведения о свадебной обрядности горных и луговых марийцев содержатся в книге Г.Яковлева «Религиозные обряды черемис» (26). Родом с горной стороны, он долгое время жил среди луговых марийцев, поэтому его описания всегда строились на сравнениях, что имеет большую ценность. В прошлом, как отмечал Г.Яковлев, отличий при проведении свадьбы почти не было. Описывая свадьбу горных марийцев, он отмечал, что они оставляют многие языческие верования, на праздниках и свадьбах на волынках играют мало, а больше – на скрипках и гармони. Свадебные чины, как он заметил, немного отличаются от луговых марийцев: у горных нет такого лица как *карт*, его заменяет *сӱанвуй*, вместо одного *савуша* у луговых – у горных два парня *орвиггы* , нет и посаженной матери, называемой *киамат ава*. Голову невесты обертывает сваха – ее сестра или сноха. Свадебные ритуалы проходят в *шилыке*, огороженном месте во дворе. Другие обряды, по мнению Г.Яковлева, схожи с обрядами луговых марийцев.

О бытовании межэтнических браков между горными марийцами с соседями-чувашами писал врач, профессор Казанского университета М.Ф. Кандаратский в своей работе «Признаки вымирания луговых черемис Казанской губернии» (27).

Историко-этнографический очерк «Черемисы» ученого-этнографа, профессора Казанского университета И.Н. Смирнова является известной в России монографией о марийцах (28). Одна из глав книги посвящена семье. Опираясь на имеющиеся литературные и архивные источники, собственный полевой материал, собранный в Казанской, Нижегородской , Вятской, Костромской, Уфимской губерниях, И.Н. Смирнов изложил в этой главе историю становления семьи, попытался выяснить эволюцию форм заключения брака, отметил взаимосвязь семейно-брачных обычаев и обрядов с верованиями и культами марийцев.

В 80–90-х годах XIX века было опубликовано значительное количество работ, посвященных свадебным обрядам марийцев. Известными авторами этих публикаций являлись и выходцы из марийской среды Т.Семенов, П.Ерусланов, Г.Мендиаров, И.Моляров (29; 30; 31). Интересные сведения о свадебной обрядности марийцев зафиксированы в сообщениях Н.Троицкой, К.Рябинского, В.Филоненко (32; 33; 34).

В начале XX века значительный вклад в изучение свадебной обрядности внесли финские ученые-исследователи – члены Финно-угорского общества. Исследование о марийской свадьбе разных групп луговых марийцев провел А.Хямяляйнен. Оно вошло в его монографию «О свадебных обрядах мордвы, черемисов и вотяков», изданную в 1913 году в Хельсинки (35).

Интересными являются описания свадебных обрядов луговых и горных марийцев, записанные известным венгерским ученым-языковедом Э.Беке (36). Эти сведения были получены от военнопленных солдат-марийцев, участников Первой мировой войны, содержащихся в лагерях на территории Австро-Венгрии. Они отличаются достаточной подробностью и сегодня представляют большую этнографическую ценность.

После Октябрьской революции, этнографическим изучением марийцев стали заниматься В.М. Васильев, Т.Е. Евсевьев, Т.Ефремов, Ф.Е. Егоров, М.Н. Янтемир. Непосредственно семейными обрядами, праздниками занимались В.М.Васильев, Т.Е. Евсевьев (37; 38). Ими было собрано много музыкально-песенного фольклора, среди которых большое количество свадебных песен.

В 1920 году вышла работа Н.В. Никольского «История черемис», где он, используя работы исследователей XIX века, дал описание свадьбы марийцев (39).

Значительную работу по изучению свадебной обрядности сектантов «Кугу сорта» провел В.М. Васильев (40). Он отметил, что бракосочетание сектантов происходит с помощью сватовства, во время которого родители договаривались относительно калыма и приданого. Свадьба проводилась спустя семь недель после заключения договора. Другая большая работа, посвященная свадебным обрядам, была написана позже и содержит весьма подробную информацию о проведении свадьбы луговыми марийцами в сравнении с восточными (41). В ней в деталях показаны, как проводятся обряды во время свадьбы, указаны все свадебные чины, участвующие на свадебной церемонии.

Т.Е. Евсевьев, известный краевед, музейный работник, вместе с В.М. Васильевым изучал, собирал этнографические материалы и экспонаты. Его работы сегодня являются ценнейшим материалом для современных исследователей. Т.Евсевьев уделил немало времени и изучению семейной обрядности. Он подробно описал обычаи и поверья при сватовстве, во время свадьбы. В работе «Важнейшие моменты правового быта и обычного права марийского народа» он впервые изучил и описал семейно-брачные права (42).

Свадебную обрядность уральских марийцев описал П.Сигов в своем историко-этнографическом очерке «Марийцы Уральской области» в 1928 году (43).

В 40–50-е годы XX века изучение свадебной обрядности специально не велось. В научно-рукописном фонде хранятся записи, сделанные в 40-е годы, научным сотрудником МарНИИ А.М. Бердниковым во время экспедиций в Кировской области, Косолаповском районе Марийской АССР. Среди них есть сведения и о семейной обрядности – свадебной, похоронной (44). Имеются записи о свадебных обрядах горных и луговых марийцев группы *сорокан марий* марийского композитора К.А. Смирнова, С.Кожемяки (45; 46).

С конца 1940-х годов этнографические исследования стали вести этнографы Т.А. Крюкова (Ленинград) и К.И. Козлова (Московский государственный университет). Если первая больше внимания уделяла рассмотрению материальной культуры, то К.И. Козлова обращала внимание на этническую историю марийского народа, духовную культуру, семейный быт. К.И. Козлова часто приезжала в Марийскую республику и проводила экспедиции для сбора полевого этнографического материала. Эти сведения вошли в ее монографию «Очерки этнической истории марийского края» (47). В главе «Этнографические районы Марийского края» имеются сведения и о свадебных обрядах марийцев, проживающих в этих районах – Козьмодемьянско-Ветлужском, Кокшайско-Приволжском, Санчуро-Яранском, Уржумско-Вятском.

Заслуживает внимания подробное описание свадьбы краеведом В.М. Мамаевым из д.Мустаево Сернурского района (48). Сегодня его материалы востребованы многими исследователями – этнографами, фольклористами, историками.

Изучением свадебной обрядности в 80-е годы прошлого века успешно занимался научный сотрудник отдела этнографии МарНИИЯЛИ И.Н. Смирнов. Им написано большое количество научных статей, посвященных семье и семейным обрядам, в том числе и свадебной обрядности (49; 50).

В настоящее время вопросы свадебной обрядности марийцев интересуют современных исследователей. Защитили диссертации: Л.В. Ямурзина по теме «Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода (на примере восточных мари), где она рассмотрела свадебную обрядность восточных марийцев, В.Белевцова – «Марийская свадебная обрядность: традиционная структура и трансформация», Д.А. Байдемиров – «Культура повседневности народа мари: историко-культурологический аспект» (51; 52; 53). Исследованием музыкально-песенных традиций в свадебной обрядности марийцев занимается музыковед М.Н. Мамаева (54). Свадебному фольклору посвящены работы О.М. Герасимова, И.С. Иванова, а Т.Л. Молотова, И.Лехтинен рассматривали в своих работах свадебные костюмы марийцев (55; 56; 57; 58).

Рассмотрев источники, можно сказать, что свадебной обрядности со стороны исследователей уделялось достаточно внимания. Свадьба значила для марийцев многое, она утверждала положение семьи в обществе, продолжение рода, обеспечение преемственности поколений, приобретение новых родственников. Она относилась к обрядам перехода и «санкционировала переход жениха и невесты в новую социальную категорию» (50, с.78). Вступление в брак повышало социальный ста-

тус молодого человека. Женившись, он оказывался полноправным хозяином, мог обзаводиться своим домом, хозяйством, скотом, наделом земли. Девушка, вышедшая замуж, переходила в род мужа, становилась членом новой семьи и также приобретала определенное положение в семье и в обществе. В первое время молодые поселялись в доме родителей мужа, начинали жить, опираясь на их поддержку и помощь, вели общее хозяйство, со временем выделялись в отдельную самостоятельную семью.

Заключение брака считалось обязательным. Сельская община негативно относилась к неженатым мужчинам. Те, кто не заводил семью, становились объектом насмешек, осуждений односельчан, которые высказывали им мнение о нарушении обычаев предков.

Родители полностью несли ответственность перед сельской общиной за то, чтобы дети – сыновья, дочери вовремя обзаводились своими семьями. Они прилагали все усилия, чтобы определить их, найти им достойные пары, старались создать условия для знакомств с подходящими претендентами на брак. Как писал Г.Мендиаров, «черемисы смотрят на брак как на священное дело, уклонение от брака холостого человека повлекут на него кару Божию…» (59, с. 23).

В прошлом часто браки происходили без согласия молодых людей, за своих детей решали родители – за кого выдать замуж или на ком женить. Они могли одобрить брачный выбор своих детей, возникших у них на основе личных симпатий, любви, если социальное и имущественное положения парня или девушки оказывались по их представлениям выгодными. Чем зажиточнее была семья, то в ней хотели видеть равных себе брачных партнеров. Таким образом, жених и невеста становились средством укрепления экономического состояния двух семей. Обращалось внимание и на умственные и физические данные, трудоспособность будущей невестки или зятя, чистоплотность, умение ими вести домашнее хозяйство. Родители не давали своего согласия на брак, если возлюбленные сына или дочери были другого вероисповедания или являлись представителями другой этнической группы. Смешанные в национальном отношении браки также не приветствовались. Крайне редко марийцы вступали в супружескую связь с русскими и почти никогда – с татарами (38, с. 66). Препятствием таким бракам были, прежде всего, религиозные различия. А вот горные марийцы, проживающие по соседству с чувашами, нередко роднились с ними.

Особая строгость распространялась на браки между родственниками, не допускался брак до седьмой степени родства. Нежелательным было также девушке выходить замуж за молодого человека из родной деревни матери. Большое внимание уделялось репутации семей жениха и невесты, личным качествам его членов, поэтому при подготовке к браку обе стороны старались собрать больше информации о будущих родственниках.

В большинстве марийских семей по обычаю сначала устраивали семейную жизнь старших детей, а затем уже младших. Такой порядок, по мнению Т.Евсевьева, соблюдался довольно строго (38, с. 66). В основном это касалось дочерей. По

народному поверью, если младшая сестра выйдет замуж раньше старшей, она забирает ее счастье. Исходя из этого, а также по материальным соображениям, родители готовили приданое в первую очередь старшей дочери и всячески содействовали ее браку.

В XIX – начале XX веков брачный возраст молодых людей составлял от 16 до 24–25 лет, девушки могли выходить замуж с 16 лет (иногда и с 15 лет), парни – жениться с 18 лет. Но были и исключения. Известны браки, когда несовершеннолетних мальчиков женили на взрослых девушках, которые оказывались намного старше их. Это было связано с тем, чтобы получить в семью лишнего здорового, работоспособного члена. Отголоски этих традиций среди марийцев были видны и в 20-е годы XX века (43, с.31, 114).

Имеющиеся этнографические материалы свидетельствуют о том, что у марийцев браки в XIX и начале XX в. заключались по сватовству и похищением. Действительно, в этот период свадьбы с похищением невесты имели место (чаще у восточных марийцев), однако в большинстве случаев это происходило по обоюдному согласию жениха и невесты, но против воли родителей невесты. Чаще это происходило из-за высокого калыма (*олно*) за невесту, которую устанавливали родители невесты. Повсеместного распространения похищение уже не имело, молодые женились и выходили замуж по сватовству и с исполнением традиционного свадебного ритуала.

Свадебный ритуал марийцев состоял, как у многих народов, из трех периодов: предсвадебного – предшествующего свадьбе (смотрины, сватовство, сговор); свадьбы как торжественного акта и послесвадебного (хождение за водой, угощение гостей супом *лашка*, блинами (*оръеҥ мелна)*, «разрубание порога» – посещение родственников мужа (*кепиыл руымаш, омса лондем руымаш)*, первое посещение новобрачными родителей невесты (*первый йӱмаш, ончыл йӱмаш*). Все периоды были насыщены своеобразными обрядами, выполнение которых проходило под руководством родителей и других членов семьи. За всем происходящим наблюдали и соседи. Они являлись также активными участниками проводимых обрядов, оказывали посильную помощь в подготовке к свадьбе и ее устройстве (изготовление приданого, одаривание деньгами, приглашение и угощение поезжан). Считалось, если свадьба проходила с соблюдением всех этапов традиционной обрядности, жизнь молодой семьи будет крепкой и благополучной.

Время свадеб определялось земледельческим календарем. Свадьбы проводились в период, свободный от сельскохозяйственных работ, большей частью летом – до сенокоса и жатвы, в период праздников *Семык* и *Сӱрем*.

Следует отметить, традиционные марийские свадьбы различались довольно большим локальным разнообразием, почти в каждом населенном пункте были свои отличия в исполнении свадебного ритуала, обрядов, в составе участников свадьбы и проявлении ими ролей, песенно-музыкальном оформлении и т.д. Марийский этнограф И.Н. Смирнов, посвятивший многие годы изучению свадебных обрядов марийцев, отмечал, что это связано с различиями, которые существова-

ли и существуют до настоящего времени между этнографическими группами марийского этноса (горные, луговые, восточные); различиями внутри этнографических групп марийцев (горные: кырык мары, кажла мары; луговые – сорокан марий, шымакшан марий, нашмакан марий); конфессиональными различиями – крещеные и некрещеные (50, с.25). Он также выделял на территории Марийского края несколько характерных традиционных свадебных комплексов – западный (горномарийский), центральный (йошкаролинско-медведевский), северо-восточный (сернурско-торъяльский), юго-восточный (моркинско-волжский). Каждый комплекс объединял свои субэтнические группы, которые имели языковое единство, культурную общность, схожесть в семейно-брачных обрядах.

На формирование локальных вариантов свадьбы марийцев оказало и территориальное разделение (47, с. 231). У восточных марийцев также существовали локальные особенности, что было связано с существованием 4 территориальных групп (60, с.17).

В свадебных комплексах различных групп марийцев выделяются и свои особенности, и общие черты. Свадьбы всех групп марийцев и в прошлом, и сегодня представляют значимое событие. Они всегда проходили при участии большого количества народа – родственников, односельчан. Ко второй половине XIX века у всех этнографических групп марийцев сформировался единый свадебный ритуал, состоящий из следующих этапов: выбор невесты, сватовство, сговор, свадьба, послесвадебные обряды (61, с.99). Все группы соблюдали названные этапы свадьбы. Но при общих чертах и схожести имелись различия.

Луговые марийцы – самая большая этнографическая группа, имеющая локальные различия. Они различаются костюмными комплексами, конфессиональной принадлежностью.

В свадебных обрядах различных подгрупп луговых марийцев больше общих элементов, чем отличий. Рассматривая свадебные комплексы, надо отметить, что у луговых марийцев преобладал брак со сватовством и свадьбой. Похищение невест, которое отмечалось ранее, на территории их расселения к началу XX века наблюдалось редко (61, с. 102).

При заключении брака по сватовству у всех групп соблюдались все этапы свадебных обрядов – предсвадебный (обычаи от смотрин до свадьбы), свадебный, послесвадебный.

Сравнивая свадебные комплексы луговых марийцев, можно выделить некоторые их особенности. У моркинско-волжской группы свадьба сопровождалась многочисленными песнями и плясками (47, с. 284), у них были даже свои специальные свадебные танцы. Главным во время проведения свадьбы лицом был сват *тулар*, который исполнял роль главы свадьбы *сӱанвуй*. Помощниками главы свадьбы являются *пӱрашмарий – пӱрашвате*, этих чинов нет у других групп. *Пӱрашмарий-пӱрашвате* везут мешок с хлебом, когда едут к невесте, а обратно приезжают с хлебом невесты. Обряд надевания женского головного убора выполняется в доме у женщины-родственницы жениха, называемой *вуй пулчышо*, к которой сначала

заезжает свадебный поезд. В свадебном обряде у моркинской группы сохранялось много традиционных обычаев, все обряды сопровождались благословением карта, старших членов семьи.

Сернурско-торъяльская группа также немного отличалась исполнением обрядов. Здесь роль главы свадьбы *сӱанвуй* выполнял *кугывеге* – родственник жениха. Он отвечал за доставку хлеба к невесте (два мешка перекидывались у него через плечо). В обрядах свадьбы наблюдается влияние церкви, моления проходят перед православной иконой и зажиганием свечи перед ней. Отличительным является проведение обряда *пӱраш пура* (свадебное пиво), во время которого карт молится за здравие молодых перед сваренным из солода жениха пивом. Обряд одевания невесты в рубаху *кавыше тувыр* в доме жениха выполнялся только у сернурско-торъяльской группы.

Пошкар-олинско-медведевский свадебный комплекс испытал влияние проживающих рядом русских. Здесь быстрее уходили из быта традиционные обряды, произошло сокращение свадебных чинов. Благословление родителей проходило с иконой. При прощании мать дарила дочери икону. Обязательным было венчание в церкви. Как у всех групп луговых мари исполнялись обряды одаривания родственников жениха, смены головного убора.

Горномарийский свадебный комплекс отличался тем, что в нем наблюдалось влияние русских и чуваш, проживающих рядом с горными марийцами. Все исследователи, изучающие горномарийскую свадьбу, подчеркивали это. Браки заключались только в своем этнографическом кругу, не роднились с луговыми марийцами, русскими. За чуваш выходили замуж и женились в тех населенных пунктах, где они жили рядом по соседству. Во время исполнения некоторых свадебных обрядов наблюдались древние традиции, например, во время сватовства кусочки лепешки, привезенные женихом, бросали в огонь, жертвуя богам. Все свадебные ритуалы начинались и завершались молением перед иконой. Мать иконой благословляла дочь.

Отличия видны в свадебных чинах и выполнении ими своих функций. Вместо карта луговых марийцев, у горных эту роль исполнял на свадьбе *сӱанвуй* – голова свадьбы. А вместо савуша назначались два молодых парня *арвитгы* – дружка и полдружка. Они всегда ехали впереди свадьбы верхом на лошади. Они же созывали поезжан на свадьбу. У горных не было таких чинов, как посаженные отец и мать.

Свадебный поезд, отправляясь к невесте, ни к кому не заезжал, а ехал сразу в деревню или село к невесте домой. Обязательным было венчание в церкви, что выполнялось неукоснительно всеми молодыми. После венчания новобрачной надевали женский головной убор *нашмак* и *шарпан*, делала это сваха.

Свадьбы, как и все марийцы, горные проводили летом, поэтому пир устраивали во дворе в *шилыке* – месте, специально огороженном досками в виде буквы П.

После свадьбы молодые посещали родных жениха, где невеста дарила лепешку, испеченную ею, и клала немного денег, эти действия скрепляли родственные связи.

В поездке к родителям невесты есть свои отличия: первый раз невеста с мужем ездили *шарпан анжикташ* (показать головной убор *шарпан*), второй раз – осенью после уборочных работ, и эта поездка называлась *вынге браш*, третий раз ездили за обещанной во время свадьбы скотиной, четвертая поездка под названием *туклар браш* была совместно с родителями жениха.

У подгруппы горных мари, называемой *кожла мары*, проживающих на левом берегу Волги есть лишь небольшие отличия. Например, обязательно нужно было выкупить бочонок с пивом у подруг невесты, когда свадьба отправлялась к жениху.

Свадебный обряд восточных марийцев имел общие черты с обрядами луговых марийцев, но в нем были и отличия. Марийцы восточной группы проживали в окружении различных народов – татар, башкир, русских, удмуртов, чуваш, поэтому они испытали влияние иноэтнической культуры (51).

Браки заключались большей частью похищением, чем сватовством. Выплата олно за невесту намного превышало олно в других группах марийцев (влияние тюркоязычных народов), поэтому часто случались похищения невест. Но традиционно свадьбы заключались, как у всех, с помощью сватовства (*сӧрасымаш*). Этот этап свадьбы имел много особых обрядовых действий. Предложение родителям невесты о сватовстве, соглашении о калыме олно, договор (*келшымаш*) – все это проходило через лиц, выполняющих роль сватов. Предбрачный пир в доме у родителей невесты проходил с участием обеих сторон – жениха и невесты. Отличием было то, что это был пир, равный свадьбе в доме невесты. После пира невесту увозили к посаженным родителям (*пуртымо ача-ава или кшамат ача-ава*) со стороны жениха и до настоящей свадьбы она находилась там. Она готовила там приданое. Жених в условленные дни посещал ее. В день свадьбы до приезда жениха девушка-невеста участвовала в обряде *ӱдыр модыш*, где ей устраивали веселье девушки и парни, а она угощала их, но сама не пела и не плясала. Свадебный пир проходил у посаженных родителей, что не было характерно для других групп марийцев. В дом мужа она переходила после получения оставшегося приданого от своих родителей (51, с. 54).

В начале XX века свадьбы игрались в традициях XIX века. Но постепенно, с проникновением общесоветских гражданских обрядов, начинается ломка традиционных форм (50, с.30).

Свадебная обрядность с изменениями, происходящими в обществе, трансформируется, меняется. И.Н. Смирнов, изучавший свадебную обрядность марийцев, выделил несколько периодов (с 1917 по 1980-е годы), указав – какие изменения в проведении свадьбы происходили в эти периоды (75). Так, в 1917–1930 гг. – происходит перестройка быта в период до коллективизации. При сохранении традиционных черт свадьбы существенно изменился характер заключения браков – повышается роль вступающих в брак, отмирает плата за невесту (*олно*).

1931–1950-е гг. – коллективизация, Великая Отечественная война, первые послевоенные годы. Постепенное сокращение свадебного цикла и состава активных участников свадьбы.

1951–1970-е гг. – становление современной гражданской свадебной обрядности. Оживление традиционных форм свадьбы и в то же время быстрые изменения содержания традиционных форм, которые приобретают игровой, шуточный характер, исчезает их религиозно-магическое значение.

1971–1980-е гг. – сохраняются традиционные формы, но слабо связаны между собой и не представляют целостного комплекса. Наблюдается локальная специфика свадьбы луговых, горных, восточных марийцев.

В 1990–2000-е годы марийская свадьба претерпела большие изменения, в ней продолжают сохраняться отдельные традиционные обряды, но они не несут той серьезной нагрузки, каковыми являлись в прошлом. Степень их сохранности и жизненности в большей степени находится в зависимости от того, придерживаются ли в семьях традиций и обычаев. Если и родители молодых, и сами молодые проявляют интерес к своей национальной культуре, свадьбы обычно оформляются в традиционном стиле. В целом же свадебный обряд марийцев в настоящее время существует в связи с остатками древних ритуальных действий и с современными элементами.

На сегодня основная структура свадьбы, состоящая из 3-х этапов – предсвадебный, свадьба и послесвадебный, остается без изменений, но содержание каждого этапа видоизменяется, вводятся новые элементы или наоборот – какие-то элементы ритуала уходят. Так, в предсвадебный этап входят знакомство и выбор молодых, объявление будущих молодоженов родителям о своих намерениях выйти замуж или жениться, подача заявлений в ЗАГС, подготовка к предстоящей свадьбе (приданое, подарки от невесты для родственников жениха, приглашения на свадьбу родственников и друзей, подготовка поезжан, распределение чинов, определение места проведения свадьбы). Сватовство как обязательный обряд в прошлом, утратил свое значение, стал носить условный характер, соединившись со сговором, где участвуют лишь близкие родственники – родители жениха и невесты, молодые. Они собираются в доме у родителей жениха или невесты, знакомятся друг с другом, обговаривают характер проведения свадьбы, предстоящие расходы и т.д. (52)

Свадьба – сложный комплекс традиционно-бытовой культуры. Пройдя долгий путь развития, с течением времени, свадьба, в зависимости от социально-экономических условий жизни, трансформировалась, менялась, сложные ритуальные элементы превращались в простые обряды, вырабатывались новые, нарушалась бывшая некогда строгая последовательность обрядовых действий. Но в целом традиции свадебных торжеств, которые развивались веками, полностью не исчезали, оставалась неизменной также основная структура свадьбы. Свадебный обряд марийского народа и в настоящее время существует в тесной связи с древними традициями и с современными элементами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Попов Н.С.* Свадьба // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Коллективная монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005.

2. *Олеарий А.* Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. – М., 1870.

3. *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. – СПб., 1908;

4. *Загоскин М.* Из волжской старины (Из прошлого Волги и Поволжья) // Вятские губернские вести. 1891, № 10.

5. *Черных С.Я.* Ожнысо илышын йыжыгже. – Йошкар-Ола, 1990.

6. *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то: черемис, чуваш, вотяков…. – СПб., 1791.

7. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 1. – СПб., 1799.

8. *Иванов А.Г., Сепеев Г.А.* Материалы анкеты В.Н. Татищева о марийцах Приуралья 30-х годов XVIII века // Марийский археографический вестник. 1994, № 4.

9. *Сепеев Г.А.* Архивный документ первой половины XVIII века о восточных марийцах // Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья (сборник статей). – Казань, 1965.

10. *Иванов А.Г.* Материалы анкеты Шляхетского корпуса о Марийском крае начала 60-х годов XVIII века // Марийский археографический вестник. 1993, № 3.

11. *Смирнов И.Н.* Изменение традиционной свадебной обрядности марийцев в годы Советской власти (на примере Йошкар-олинско-медведевского свадебного комплекса) // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. Вып. 11. 1987.

12. *Келлер А.* Статистическое описание Царевококшайского уезда. Описание за 1837 год.

13. *Фукс А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань, 1848.

14. *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. I. – М., 1870.

15. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. – Чебоксары, 1972.

16. *Кроковский М.* Горные черемисы в Казанской губернии // ЖМВД. Ч. 41, кн. 1–3. – СПб., 1853.

17. *Яблонский И.* Исторические и этнографические сведения о нагорных черемисах уездов: Васильского Нижегородской и Козьмодемьянского Казанской губерний // Современный листок. 1865, № 55–56.

18. *Риттих А.Ф.* Материалы по этнографии России. XIV. – Казань, 1870.

19. *Лоссиевский М.* Свадьба черемис Оренбургской губернии // ОГВ. 1850, №6.

20. *Городской Г.* Заметки о черемисах, проживающих в Красноуфимском уезде Пермской губернии // Этнографический сборник РГО. Вып. VI. – СПб., 1864.

21. *Шестаков В.* Быт черемис Уржумского уезда. Циркуляр по Казанскому учебному округу. №№ 16–19. – Казань, 1866.

22. *Риттих А.Ф.* Материалы по этнографии России. XIV. – Казань, 1870.

23. *Кузнецов С.К.* Очерки из быта черемис // Древняя и новая Россия. 1877, № 8.

24. *Кузнецов С.К.* Черемисская секта Кугу Сорта // Этнографическое обозрение. № 4. – М., 1909.

25. *Кушелев П.* Черемисская свадьба (Из быта черемис Козьмодемьянского уезда Казанской губернии) // Марийский археографический вестник. №8. – Йошкар-Ола, 1998.

26. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. – Казань, 1887.

27. *Кандаратский М.Ф.* Признаки вымирания луговых черемис Казанской губернии. – Казань, 1889.

28. *Смирнов И.Н.* Черемисы. – Казань, 1889.

29. *Семенов Т.* Черемисы. Этнографический очерк. – М., 1893.

30. *Еруслапов П.* Очерк быта и преданий восточных черемис. Вып. 4. – Оренбург, 1884.

31. *Мендиаров Г.* О черемисах Уфимской губернии // ЭО. 1894.

32. *Троицкая Н.* Черемисы Арбанской волости. – Казань, 1893.

33. *Рябинский К.* Ардинский приход Козьмодемьянского уезда. – Казань, 1900.

34. *Филоненко В.* Погребальные и свадебные обряды черемис Уфимской губернии. № 2. – Уфа. 1912.

35. *Hamalainen A.* Mordvalaisten, tseremissen ja votjakkienkosinta – ja haatavoista. Vertaileva tutkimus // SUSA 29. – Helsinki, 1913.

36. *Beke Ödön.* Volksdichtung und Gebriuche der tscheremissen. – Budapest, 1951. I band. S. 56–85.

37. *Васильев В.М.* Права и обязанности имущественного порядка, связанные с брачными обрядами и семейной жизнью // Ончыко. 2004, № 11.

38. *Евсевьев Т.* Важнейшие моменты правового быта и обычного права марийского народа // Марий Эл. 1928.

39. *Никольский Н.В.* История мари (черемис). Вып.II. – Казань, 1920.

40. *Васильев В.М.* Марийская религиозная секта «Кугу сорта». – Краснококшайск, 1927.

41. *Васильев В.М.* Права и обязанности имущественного порядка, связанные с брачными обрядами и семейной жизнью // Ончыко. Родство и свойство в представлениях марийского народа. 2004, № 11.

42. *Евсевьев Т.* Обычаи, верования и суеверия марийцев // Марий Эл. 1927, № 10.

43. *Сигов П.* Марийцы (черемисы) в Уральской области // Марий Эл. 1928. № 5–6. С. 114.

44. *Бердников А.М.* Историческое значение свадебного обряда мари // Оп. 1. Д. 334. Л. 22–33.

45. *Смирнов К.* Йошкар-Ола районын сӱанже // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 329.

46. *Кожемяка С.* // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 321. Л. 9–12.

47. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. – М., 1978. С. 231.

48. *Мамаев В.М.* Мустай ялын илыш корныжо // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 116.

49. *Смирнов И.Н.* Изучение марийской семьи в дореволюционной этнографической литературе // Историография и источниковедение по археологии и этнографии марийского края // АЭМК. Вып. 7. – Йошкар-Ола, 1984.

50. *Смирнов И.Н.* Изменение традиционной свадебной обрядности марийцев в годы Советской власти (на примере Йошкар-олинско-медведевского свадебного комплекса) // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 11. 1987.

51. *Ямурзина Л.В.* Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода (на примере восточных мари). Дисс. на соискание ученой степени доктора философии. – Тарту, 2011.

52. *Белевцова В.О.* Марийская свадебная обрядность. Традиционная структура и трансформация. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2013.

53. *Байдимиров Д.А.* Культура повседневности народа мари: историко-культурологический аспект. Дисс. на соискание ученой степени кандидата культурологических наук. – Казань, 2013.

54. *Мамаева М.Н.* О систематизации марийских свадебных песен // Финно-угроведение 2008. № 2.

55. *Герасимов О.М.* Свадебные песни мари; Игровые и плясовые песни мари. – Йошкар-Ола. 1993.

56. *Иванов И.С.* Поэтические особенности марийских свадебных песен // Вопросы марийского фольклора и искусства. 1980, № 1.

57. *Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. – Йошкар-Ола, 1992.

58. *Лехтинен И.* Положение марийских женщин. Свадебная одежда марийцев // Cogressus Octavus InternationalisFenno-Ugristarum. – Jyvaskula, 1995.

59. *Мендиаров Г.* О черемисах Уфимской губернии // Этнографическое обозрение. Издание этнографического отделения Императорского общества любителей естествознания антропологии и этнографии. 1894, № 3.

60. *Сепеев Г.А.* К вопросу о формировании этнографических особенностей восточных марийцев. Научная сессия по этногенезу марийского народа (Тезисы докладов и сообщений). – Йошкар-Ола. 1965.

61. *Смирнов И.Н.* Обрядовые параллели в традиционных свадебных ритуалах марийцев и русских // Этнокультурные традиции марийского народа. АЭМК. Вып.10. – Йошкар-Ола. 1986.

Olga Kalinina

HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF SOURCES AND LITERATURE ABOUT THE WEDDING RITUALS OF MARIS

Wedding in the family rites occupies an important place. Mari wedding since ancient time differed originality and unique, integrated set of diverse rites and customs, magical actions that had a social, legal, ideological and religious significance. This article analyzes the sources and literature about wedding ceremonies of Mari since the 18th century to the present. By analyzing the materials the author showed local features of wedding customs and ceremonies of all ethnic groups of Maris.

СООБЩЕНИЯ

Ольга Орлова
Йошкар-Ола

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ О РОДИНЕ И О СЕБЕ*

Понятие «Родина» является одним из основополагающих в мировоззрении человека. Оно может быть формализовано, выражено словами, а может быть интуитивным. Самым простым определением можно считать следующее: «Родина – это то место, где человек родился». По результатам опроса наибольшее число респондентов (78,7%) проводят ассоциацию понятия «Родина» со страной Россией. Вторым по популярности стал вариант ответа «С моим регионом» (52,3% от общего числа опрошенных). Также треть опрошенных выбрала такие варианты ответа, как «с историей России» и «с моим городом» (по 33,3% и 32,7% от общего числа опрошенных соответственно). Это прежде всего подтверждает осознанность ответов. Все респонденты имеют сформированный образ понятия «Родина». Однако для каждого он свой.

Оценивая результаты в разрезе вузов, прослеживается аналогичная тенденция по частоте выбора ответов. Поэтому с уверенностью можно утверждать о сбалансированности мнения респондентов по данному вопросу (Таблица 1).

Отметим, что в декабре 2012 года сотрудники отдела социологии МарНИИЯЛИ им.В.М.Васильева провели социологическое исследование «Социальный портрет студенческой молодежи Республики Марий Эл». На вопрос «Что означает для Вас понятие «Родина» большинство студентов ответили: это место, где я родился – 55,0%, Россия – 24,2%.

Каждый человек, живущий на нашей планете, испытывает чувство гордости за свою Родину, свой народ и страну. Олицетворяют родную землю ее символы. Среди опрошенных респондентов наиболее часто называемыми и наиболее известными стали такие символы России, как флаг и герб. Ассоциация Родины с данными символами возникает у 36,4% от общего числа опрошенных. Именно этот

---

* Статья написана на материалах социологического исследования, проведенного в октябре 2013 года по программе Распределенного научного центра при Институте этнологии и антропологии Российской Академии наук.

Таблица 1

Ответы на вопрос «С чем ассоциируется у Вас понятие «Родина?» (в % от числа ответивших)

	Всего	Марийский государственный университет	Поволжский государственный технологический университет
1. Со страной Россией	78,7	80,7	76,7
2. С моим регионом (краем, республикой)	52,3	54,7	50,0
3. С моим городом	32,7	34,0	31.3
4. С местом на карте	4,7	5,3	4.0
5. С историей России	33,3	37,3	29.3
6. С историей моего региона	7,7	7,3	8,0
7. Другое	2,3	0,7	4.0
8. Не возникает никаких ассоциаций	0,0	0,0	0,0
9. Затрудняюсь ответить	0,3	0,0	0,7

выбор респондентов понятен, это государственные символы нашей страны, их знает каждый, они представляют Россию за рубежом. Вся выборочная совокупность состояла из представителей студенческой среды, возможно поэтому были выбраны именно формальные символы, закрепленные Законом и историей. Однако, 7,3% от общего числа опрошенных считают не менее значимым такой символ нашей страны, как лес – главное богатство нашей Родины. Этот выбор обусловлен в первую очередь тем, что студенты вузов Республики Марий Эл являются жителями самой республики и соседних регионов: Кировской области и Чувашской Республики. Эти регионы богаты лесом, этот образ невольно всплывает при размышлениях о Родине (Таблица 2).

Таблица 2

Ответы на вопрос «Назовите три символа или образа, с которыми у Вас ассоциируется Родина» (в % от числа ответивших)

	Всего	Марийский государственный университет	Поволжский государственный технологический университет
1. Флаг	21,7	24,7	18,7
2. Герб	14,7	16,0	13,3
3. Лес	7,3	8,6	6,0
4. Затрудняюсь ответить	17,7	14,0	21,3

С понятием «Родина», символами Родины сопряжено представление о том, кто с тобой рядом – граждане твоей Родины, близкие, друзья, предствители твоей национальности , то есть о ком можно сказать «это – мы». Чаще всего сказать «это – мы» респонденты могли по отношению к членам семьи. Эту позицию выбрали порядка 80,7% от общего числа опрошенных или в разрезе вузов этот вариант выбрали в МарГУ – 82%, в ПГТУ – 79,3%. Также к группе близких людей опрошенные причисляли товарищей по работе, учебе (53% от общего числа опрошенных) и друзей (75% от общего числа опрошенных). При делении респондентов по учебным заведениям картина остается прежней (Таблица 3).

Таблица 3

Ответы на вопрос «О какой из перечисленных групп Вы можете сказать «это – мы»? В какой степени Вы ощущаете близость с представителями нижеперечисленных групп?» (в % от числа ответивших)

	Всего	Марийский государственный университет	Поволжский государственный технологический университет
1. Члены семьи	80,7	82,0	79,3
2. Граждане России	61,0	66,0	56,0
3. Люди того же материального достатка	2,3	2,0	2,7
4. Люди той же национальности, что и моя национальность	26,0	28,0	24,7
5. Жители моего города, села	39,0	43,3	34,7
6. Люди моей веры, вероисповедания	17,7	16,7	18,7
7. Граждане моей исторической родины (если страна, откуда, ваши предки – не Россия)	7,7	10,0	5,3
8. Люди схожих политических взглядов	6,7	8,7	4,7
9. Люди, придерживающиеся тех же обычаев и традиций	13,7	15,3	12,0
10. Товарищи по работе, учебе	53,0	50,7	55,3
11. Люди моего поколения	33,0	37,3	28,7
12. Люди той же профессии, рода занятий	22,3	24,0	20,7
13. Люди, разделяющие мои взгляды на жизнь	25,3	22,7	28,0
14. Друзья	75,0	74,7	75,3
15. Представители русской культуры	14,0	14,7	13,3
16. Другое	0,0	0,0	0,0
17. Затрудняюсь ответить	0,3	0,7	0,0

Данный выбор обусловлен прежде всего возрастом респондентов, их социальным положением и целями в жизни. Все опрошенные – студенты с первого по пятый курс вузов республики, именно поэтому для них наиболее важна сейчас семья, друзья и товарищи по работе, учебе.

Однако, 61% от общего числа респондентов считают, что граждане России это – мы. Довольно близкими группами опрошенные также считают жителей своего города, села, людей своего поколения (39% и 33% от общего числа опрошенных соответственно).

В свою очередь, достаточно редкими были такие варианты ответов, как люди той же национальности, как и моя национальность, люди моей веры, вероисповедания, люди, придерживающиеся тех же обычаев и традиций (не более 20% от общего числа опрошенных). Это подтверждает предположение о неразделении молодежной средой граждан России на группы по национальному признаку или вероисповеданию, культурной принадлежности. Наибольшую важность для молодого поколения представляет самоутверждение, поддержка семьи, благополучие граждан России и страны.

Ориентация на семью, родителей очень высока среди опрошенных нами студентов. 80,7% от общего числа респондентов считают своими наставниками и советчиками родителей (Таблица 4).

29% от общего числа опрошенных считают своим авторитетом деда и бабушку. Возможно это связано с отсутствием родителей или их занятостью и непосредственным воспитанием занимались именно дедушки и бабушки.

19,7% от общего числа опрошенных за советом обращаются к старшим сестрам и братьям, а 19% наставниками считают учителей и классных руководителей. Этот выбор подтверждает важность школы в жизни каждого ребенка. В данном опросе родственники и учителя поставлены в один ряд. Необходимо всякий раз помнить, что именно учителя для многих являются авторитетами и образцами для подражания.

Самыми редкими ответами респондентов были духовное (религиозное) лицо (4,3%), представитель творческой интеллигенции (3,3%), историческая фигура (2%).

Размышляя о современной России, мнение опрашиваемых разделилось: 34,3% от общего числа респондентов считают, что Россия должна быть такой, какая есть в современный период жизни – «путинскую эпоху». Конечно этот выбор обусловлен переменами, произошедшими в нашем государстве. Молодое поколение на себе почувствовало переход в «новую эпоху» (Таблица 5). Однако 22% от общего числа опрошенных считают идеалом период Российской империи. Возможно их идеалом является подчинение императору и тотальный контроль народа со стороны власти. Также респондентами были выбраны такие периоды, как правление Сталина (11,3% от общего числа респондентов) и эпоха Хрущева и Брежнева (14,3%). Именно такое распределение ответов респондентов более подробно отражено и обосновано в следующем вопросе. «Укажите какой период в истории России в наибольшей степени соответствует Вашим идеалам, представлениям о том, какой должна быть Россия?». Процентное соотношение рес-

Таблица 4

Ответы на вопрос «Кого вы можете назвать авторитетом, наставником по жизни, советам или личным примерам которого(ых) Вы следовали? Кто оказал влияние на вашу жизнь и взгляды?»
(в % от числа ответивших)

	Всего	Марийский государственный университет	Поволжский государственный технологический университет
1. Родители	80,7	82,0	79,3
2. Дед и бабушка	29,0	30,0	28,0
3. Знакомые взрослые	15,0	12,0	18,0
4. Старшие сестра и брат	19,7	20,0	19,3
5. Учителя и классный руководитель	19,0	23,3	14,7
6. Спортивный тренер	9,7	8,0	11,3
7. Вузовский преподаватель и куратор	9,7	13,3	6,0
8. Духовное (религиозный) лицо	4,3	4,7	4,0
9. Лидер партии или общественной организации, публичный политик	0,0	0,0	0,0
10. Представитель творческой интеллигенции	3,3	5,3	1,3
11. Историческая фигура	2,0	4,0	0,0
12. Я сам себе авторитет	12,0	10,7	13,3
13. Для меня в принципе не существует авторитетов	4,7	4,7	4,7
14. Другой ответ	1,7	1,3	2,0

пондентов по данному вопросу сложилось совершенно в другом соотношении, чем в предыдущем вопросе.

Наибольшее число ответивших – 62,6% от общего числа опрошенных считают, что образцом для современной России должны послужить Российская империя и СССР в период Сталина, 1930–1950 гг.

По мнению опрошенных Россия могла бы позаимствовать из данных периодов:

– отсутствие пьянства, развитие искусства, мощь на мировой арене, единство, целостность, вера, отсутствие межнациональных конфликтов, наличие смертной казни, манеры поведения, культура жизни, религиозность, отсутствие коррупции, бесплатное образование и медицинское обслуживание, победа в войне.

Таблица 5

Ответы на вопрос «Укажите, какой период в истории России в наибольшей степени соответствует Вашим идеалам, представлениям о том, какой должна быть Россия?» (в % от числа ответивших)

	Всего	Марийский государственный университет	Поволжский государственный технологический университет
1. Российская империя	22.0	20.7	23.3
2. СССР в период Сталина, 1930–1950 гг.	11.3	10.0	12.7
3. «Политическая оттепель» конца 1950-х – начала 1960-х гг.	2.7	1.3	4.0
4. СССР в 1960–1980-е гг., эпоха Хрущева и Брежнева	14.3	16.0	12.7
5. Период перестройки	3.3	3.3	3.3
6. Период преобразований 1990-х гг.	4.7	5.3	4.0
7. Современный период жизни, «путинская эпоха»	34.3	30.0	38.7
8. Ни один из них	16.0	18.0	14.0
9. Другой период	0.3	0.0	0.7
10. Затрудняюсь ответить	15.0	19.3	10.7

Учитывая мнение остальных респондентов, вывод остается одним: в нашем обществе не хватает единства, целеустремленности, величия власти над народом, коллективизма и ответственности.

По мнению респондентов наиболее значимыми личностями в жизни российского народа являются Петр I – 58,3% от общего числа респондентов, В.И. Ленин – 41% от общего числа респондентов, В.В. Путин – 40,3% от общего числа респондентов. Этот выбор прежде всего обусловлен их политической известностью, значимостью проведенных мероприятий.

Выбор такой личности, как Петр I связан с расцветом Российской империи, принятием новых законов, правил, праздников, развитием образования, флота, искусства, активной внешней политикой. В.И. Ленин был активным политическим деятелем, «вождем». Этот выбор связан прежде всего с его личными качествами, способностью объединить народные массы. Среди респондентов данное мнение подкреплено непосредственно историческими фактами.

Выбор В.В.Путина связан уже с текущей ситуацией в стране, опрашиваемые сделали данный выбор руководствуясь своим опытом. Сделанный выбор подтверж-

дает удовлетворенность народных масс, в лице данных респондентов, деятельностью современного Правительства (Таблица 6).

Таблица 6

Ответы на вопрос «Кто из деятелей прошлого и настоящего, с Вашей точки зрения, более всего способствовал (или способствует) осуществлению массовых народных ожиданий?» (в % от числа ответивших)

	Всего	Марийский государственный университет	Поволжский государственный технологический университет
1. Иван Грозный	10,7	9,3	12,0
2. Петр I	58,3	56,7	60,0
3. Екатерина II	18,7	22,0	15,3
4. Декабристы	10,7	9,3	12,0
5. В.И. Ленин	41,0	43,3	38,7
6. И.В. Сталин	23,0	21,3	24,7
7. Н.С. Хрущев	8,0	6,0	10,0
8. Л.И. Брежнев	8,3	8,7	8,0
9. М.С. Горбачев	4,7	3,3	6,0
10. Б.Н. Ельцин	8,3	3,3	13,3
11. Д.А. Медведев	15,0	19,3	10,7
12. В.В. Путин	40,3	44,0	36,7
13. Политики современной эпохи	2,0	1,3	2,7
14. Другие	0,0	0,0	0,0
15. Никто из деятелей прошлого и настоящего не способствовал осуществлению массовых народных ожиданий	2,7	3,3	2,0
16. Затрудняюсь ответить	8,3	10,0	6,7

Хотелось бы отметить, что респонденты не достаточно хорошо ориентируются в истории нашей Родины и не все могли ответить на поставленные вопросы об историческом прошлом и исторических деятелях. Такая же ситуация наблюдается и в знании художественных произведений. Отсутствие любимых героев из литературных произведений, фильмов, массовой культуры норма современного общества или необразованность молодежи?

Среди респондентов всего 6% от общего числа опрошенных смогли назвать своих любимых героев: Анна Каренина 2,3%, маленький принц 2%, Сергей Безруков 1,7%. 40% от общего числа респондентов не имеют таких героев, причем в разрезе вузов процентное соотношение не изменяется. Мы можем предположить, что скорее всего эта ситуация связана с недостаточным уровнем преподавания отечественной истории, литературы и освещением их в СМИ (Таблица 7).

Таблица 7

Ответы на вопрос «Какие ваши любимые литературные герои, герои фильмов и массовой культуры (киберпространство, театр, эстрада, мода и другие)» (в % от числа ответивших)

	Всего	Марийский государственный университет	Поволжский государственный технологический университет
1. Анна Каренина	2.3	0.6	4.0
2. Маленький принц	2.0	3.4	0.6
3. Сергей Безруков	1.7	1.4	2.0
4. Таких героев нет	40.0	37.3	42.7

Размышляя о современной России, респонденты отмечают и негативные моменты в нашей жизни. На вопрос «Испытывали Вы чувство стыда за свою страну и за представителей своей национальности?» большее число опрошенных посчитало нужным ответить положительно «Да, испытывал чувство стыда»:

– за представителей своей национальности – 44,7% от общего числа опрошенных;

– за свою страну – 46% от общего числа опрошенных .

Наиболее часто опрошенные испытывали чувство стыда:

– за представителей своей национальности в случаях, когда студенты не разговаривают на своем родном языке, отсутствия знаний о географии и истории своей страны, за аморальное поведение в общественных местах, алкоголизм и неумение вести себя в других странах, неумение отстаивать свои права, потерю культуры и национальных ценностей, варварское отношение к природе страны, разжигание межнациональных конфликтов и стычек;

– за свою страну в случаях с состоянием дорог, внешней политикой, коррупцией, нищетой, спортивных неудачах, взятках чиновников, за разруху в образовании и медицине, продажу сырья за границу (нефть, газ, лес).

Эти ответы связаны в первую очередь с состоянием конкретных регионов, в частности, республики, где проживают и обучаются опрошенные респонденты, с невысоким уровнем жизни населения, с высоким уровнем цен, сложностями в трудоустройстве.

Россия – многонациональное государство. В первую очередь, говоря о России, мы говорим об этническом большинстве – о русских. Кого мы можем назвать русским? (Таблица 8).

Опрошенная группа респондентов ответила достаточно однозначно, несмотря на свою многочисленность. 50,3% от общего числа респондентов считают русским того, кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры. 18,7% от общего числа опрошенных полагают, что русский тот, кто русский по проис-

Таблица 8

Ответы на вопрос «Кого бы Вы могли назвать русским?»
(в % от числа ответивших)

	Всего	Марийский государственный университет	Поволжский государственный технологический университет
1.Того, для кого русский язык является родным	9.0	9.3	8.7
2. Того, кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры	50.3	50.0	50.7
3. Того, кто честно трудится во благо России	3.3	2.0	4.7
4. Того, кто русский по происхождению	18.7	20.7	16.7
5. Того, кто придерживается русской православной веры и её традиций	4.0	3.3	4.7
6. Кто сам себя считает русским	3.0	4.7	1.3
7. Того, кто любит Россию	5.7	5.3	6.0
8. Любого гражданина РФ	2.7	2.7	2.7
9. Другое	1.0	1.3	0.7
10. Затрудняюсь ответить	2.3	0.7	3.8

хождению. Однако, это достаточно схожие понятия. Русским по происхождению может быть человек хорошо знающий свою страну, ее традиции. Узнать их можно, прожив в стране очень долгое время. Объединив эти понятия, скажем, что 69% от общего числа опрошенных сошлись в мнении о том, кого можно считать русским.

Из полученных ответов можно уверенно сказать, что для данной группы опрошенных, русским является человек, знающий традиции страны, живущий в ней долгое время, родившийся в России. Все остальные понятия вытекают из вышеуказанного. Ведь именно такой человек сможет любить Россию, считать себя русским, соблюдать ее традиции.

Русский язык – язык межнационального общения – язык-посредник, используемый народами многонационального государства для взаимного общения в России. Русский язык в России используют более 100 народов. Он имеет статус государственного языка страны, «языка межнационального общения» в соответствии с Конституцией страны.

Из общего числа опрошенных на русском языке общаются в пределах дома 77,3%, в учебном заведении и на работе 90,7%, с друзьями 87%. Респонденты, разговаривают и на родных языках: марийском и татарском. Это связано с национальными особенностями населения Республики Марий Эл, где марийский язык согласно Конституции республики является государственным. Национальный

состав республики представлен основными этносами: русские, марийцы, татары*. В то же время национальные языки используются опрошенными чаще всего в пределах дома: на марийском языке общаются дома 13,7% от общего числа опрошенных, на татарском языке 0,7% от общего числа опрошенных.

В разрезе вузов 4% и 5,4% респондентов МарГУ для общения в пределах дома и с друзьями соответственно выбирают другие языки, не указанные в вариантах ответов. Это скорее всего связано с присутствием студентов из других регионов.

Изучение нового языка – это как изучение нового способа думать и нового способа петь. Поэтому уровень знаний иностранных языков и даже других языков народов России очень важно для поиска людьми общих мыслей и идеологий.

Среди опрошенных знаниями иностранных языков обладают 97% от общего числа опрошенных. Это говорит о том, что не все респонденты могут твердо сказать, что знают иностранный язык (возможно это начальные знания со словарем). Наиболее популярным из иностранных языков конечно же является английский язык. Его знают 80% от общего числа опрошенных. Также опрошенные подтвердили свои знания немецкого и французского языков, по 11,7% и 5,3% соответственно от общего числа опрошенных.

Из языков народов России 44,6% от общего числа опрошенных знают марийский язык – родной язык марийцев Республики Марий Эл. Также респондентами были названы татарский и чувашский языки, по 7,6% и 2,3% соответственно от общего числа опрошенных.

При разделении на вузы число студентов, знающих иностранные языки, находится на одном уровне. При рассмотрении языков народов России наибольшее число респондентов, разговаривающих на марийском языке, присутствует в МарГУ (50% от общего числа опрошенных).

Студенты отмечали, что хотели бы путешествовать, побывать в других регионах и странах, но в настоящее время опрошенные нами студенты мало путешествуют по России и еще меньше бывали за пределами нашей Родины. Скорее всего это связано с материальным положением студентов и их семей. 68% от общего числа опрошенных считают себя материально средне обеспеченными (МарГУ – 58%, ПГТУ – 70%). 23% от общего числа опрошенных считают себя низко материально обеспеченными (МарГУ – 32%, ПГТУ – 22%). К высоко материально обеспеченным себя отнесли только 2,7% (Мар ГУ – 3,3%, ПГТУ – 2%). Остальные отказались дать ответ.

---

* По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. этнический состав республики: русские – 45,1%, мари – 41,8% ,татары – 5,5%, представители других национальностей – 7,6%. (Национальный состав населения Республики Марий Эл – статистичесский сборник, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл – Йошкар-Ола, 2012. – 137 с. – С. 6). В Марий Эл проживают представители около 100 национальностей, сформировались азербайджанская, армянская, грузинская, узбекская, таджикская и киргизская диаспоры. За последние 5 лет численности выходцев из среднеазиатских стран существенно увеличилось.

В первую тройку наиболее посещаемых регионов России для опрошенных входят Татарстан (г. Казань), Чувашия (г. Чебоксары), Московская обл. (г. Москва). Данные регионы посетили большинство ответивших на вопрос, т.к. поездки в соседние регионы (Татарстан и Чувашия) наименее затратны по сравнению с более дальними регионами и по времени краткосрочны, можно за один день съездить в Казань, Чебоксары и вернуться домой. Наименее посещаемые регионы: Астраханская, Самарская и Волгоградская области. Их посетили всего 13,4% от общего числа опрошенных. В разрезе вузов республики оказалось, что студенты МарГУ чаще посещают Москву, чем республику Чувашию. Возможно, это обусловлено проживанием родственников или поиском заработка в летний период. Опрошенные студенты МарГУ чаще были гостями и отдаленных регионов, таких как Краснодарский край, Самарская, Волгоградская и Астраханская области. Это подтверждает стремление молодых людей к путешествиям по стране и связано с прохождением студентами летней практики.

Что касается опрошенных студентов ПГТУ, то результаты идентичны общему числу опрошенных.

Наиболее запомнившимися моментами в этих регионах опрошенные считали: качество дорог, уровень цен, архитектурные памятники, гостеприимство и открытость местных жителей, уровень жизни и национальная сплоченность людей.

Среди опрошенных наиболее часто посещаемыми странами являются Украина, Турция, Абхазия, Франция и Болгария. Из общего числа опрошенных в этих странах побывало 17% от общего числа опрошенных. Самыми редко посещаемыми странами оказались Армения, Греция и Тунис.

Среди опрошенных МарГУ наиболее посещаемыми странами являются вышеуказанные. Однако, одинаковое число опрошенных побывало как на Украине, так и в Турции.

Среди опрошенных ПГТУ наиболее часто посещается Украина. Одинаковое число опрошенных побывали в Турции, Абхазии, Германии и Франции. В целом, из общего числа опрошенных за рубежом побывало 67 человек.

Студенты, побывавшие за рубежом, вынесли из поездок свои впечатления и хотели бы, чтобы Россия переняла лучшее у этих стран:

– у стран ближнего зарубежья: сплоченность нации, гостеприимство, традиции, архитектуру;

– у стран Европы и США: соблюдение законов, налогообложение, цены на транспорт, качество производимой продукции, рабочие места, организацию туризма, лояльность к меньшинствам, любовь к природе, чистоту улиц, хорошие дороги.

Студенты осознают, что на жизненном пути их ожидают и трудности. 55,7% от общего числа опрошенных ожидают трудности в получении престижной работы. 40% опрошенных ожидают трудности в организации собственного дела, 22% трудности в удачной карьере, 26% трудности иметь интересную работу. Эти опасения в первую очередь имеют одни и те же причины, все они находятся в одном ключе. Из вышеуказанных ответов вытекают опасения таких трудностей, как возможность

побывать в разных странах мира – 34%, приобретения материальных ценностей – 22% (Таблица 9).

Таблица 9

Ответы на вопрос «В каких делах и жизненных обстоятельствах Вы ожидаете трудности для себя?» (в % от числа ответивших)

	Всего	Марийский государственный университет	Поволжский государственный технологический университет
1. Получение хорошего образования	15.7	14.0	17.3
2. Получение престижной работы	55.7	60.0	51.3
3. Создание семьи	20.7	21.3	20.0
4. Организация собственного бизнеса	40.0	42.0	38.0
5. Желание стать богатым человеком	19.0	18.0	20.0
6. Занятие любимым делом	18.0	22.7	13.3
7. Желание стать знаменитым	11.7	17.3	6.0
8. Побывать в разных странах мира	34.0	38.7	29.3
9. Приобретение материальных ценностей (машина, квартира или дом и т.п.)	22.0	24.7	19.3
10. Воспитание детей	15.3	14.7	16.0
11. Удачная карьера	22.0	22.0	22.0
12. Стремление честно жить	16.0	19.3	12.7
13. Возможность иметь интересную работу	26.0	27.3	24.7
14. Иметь возможность быть самому себе хозяином	15.3	18.7	12.0
15. Другое	0.3	0.0	0.7
16. Не ожидаю каких-либо трудностей	11.3	8.7	14.0

В заключение следует отметить, что в целом, студенты Республики Марий Эл имеют достаточно четкие гражданские и политические ориентиры. Они готовы поддерживать Правительство России, но отмечают недостатки в его деятельности, испытывают стыд за свою страну, говоря о том, что наша страна богатая, а люди живут небогато. К сожалению, студенты недостаточно хорошо знают отечественную историю и литературу. Обществу необходимо задуматься о духовно-нравственном воспитании нашей молодежи, о создании для них возможности работать и жить достойно.

Olga Orlova

STUDENT YOUTH OF MARI EL REPUBLIC ABOUT THE MOTHERLAND AND THEMSELVES

Youth is the future of Russia, so their spiritual and moral upbringing and attitudes is very important.

The report is devoted to the life orientations of student youth of Mari El Republic. The study is based on the results of a sociological survey conducted in October of 2013. As shown by the study, the students have a sufficiently clear civil and political orientation.

«Финно-угроведение», 2014, № 2

Гульнара Зеленеева
Йошкар-Ола

СЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ: ОТ ТРАДИЦИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Сельская семья – первооснова духовности, традиционности и нравственности всех народов России. Благодаря трудовой деятельности членов сельской семьи достигается продовольственная обеспеченность страны. В период глобализации все мировые сообщества и государства, имеющие перспективу развития, стремятся укрепить сельские семьи как залог прочного фундамента аграрной сферы национальной экономики.

Президент Российской Федерации В.В. Путин на заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики 7 марта 2007 г. отметил, что необходимо сохранить сельский образ жизни, но в новом, современном его виде, развивая там инфраструктуру, дороги, транспорт, газовое обеспечение, в том числе за счет реализации на селе национальных проектов (1).

Российское общество переживает существенные изменения не только в экономике, но и в культурной, социальной, идеологической сферах. Изменению подверглись все стороны общественной жизни, не исключением явилась и сельская общность. Разрушение колхозов и совхозов привело к серьезным изменениям сельского сообщества, резкому снижению уровня жизни, безработице, падению производства, разрушению не только социальной инфраструктуры, но и условий труда. Сотни тысяч российских сельских семей были вынуждены искать пути выживания в этих непростых социально-экономических условиях. На сегодняшний день, к сожалению, мы видим, как постепенно «затухает» жизнь в современной деревне, изменяется уклад сельской жизни, стремительно протекают процессы оптимизации. В настоящее время вместо трансформации и развития мы сталкиваемся с упадком сельского производства, безработицей, миграционными процессами на селе, алкоголизмом, крайней бедностью сельского населения и психологической неустойчивостью, потерей веры в светлое будущее и т.д.

Тем не менее, сельская семья остается более традиционной, чем городская. Данный факт отмечают многие исследователи современной российской семьи, в частности они отмечают, что сельская местность, благодаря меньшей этнической мозаичности, идеальная хранительница языка и народных традиций. Сельские семьи по сравнению с городскими более привержены национальным традициям, бо-

лее прочные, меньше подвергнуты бракоразводным процессам, имеют большую репродуктивность. Исследователь Ф.С. Тумусов считает, что лидерами развития в новом столетии будут те страны, которые смогли сохранить институт традиционной семьи, не допустив его деградации. Одной из стран он называет Россию. В России, пишет он, особенно в «глубинке», и в частности в сельской местности институт семьи подвергся меньшей эрозии, чем в крупных мегаполисах (2, с. 9).

Марийская республика традиционно является аграрной. В составе Республики Марий Эл 3 города республиканского подчинения, 14 муниципальных районов, 16 поселков городского типа, 116 сельских администраций, 1597 сельских населенных пунктов. Регион является многонациональным и многоконфессиональным регионом Российской Федерации, где на протяжении нескольких столетий проживают представители разных национальностей с различными конфессиональными убеждениями. По данным переписи 2010 г. в настоящее время наиболее многочисленными этносами являются русские 45,07%, мари 41,07%, татары 5,51%.Представители русского этноса в основном сосредоточены в городах, представители марийского и татарского этносов в большей мере сельские жители.

Демографическое развитие республики носило неблагоприятный характер с 60 гг. XX в., но феномен депопуляции стал очевиден на этапе рыночных реформ. С 1989 года население Республики Марий Эл стремительно сокращается, что представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности, поколение детей лишь на 60% замещает поколение родителей. Начиная с 1989 г. население региона сократилось на 56897 чел., при этом численность городского населения уменьшилась на 15657, а сельского на 41240 человек соответственно (3, с. 6–7).

Главная особенность демографической ситуации в сельской местности – сокращение численности населения, которая происходит более значительными темпами, чем в городах. Одной из причин этого является миграционная подвижность. Внутренняя миграция в республике обуславливается выездом сельского населения (преимущественно марийского) в города и поселки городского типа. Таким образом, мы сталкиваемся с сокращением сельского населения и увеличением городского.

Миграция населения из села в город затронула все районы республики. Особенно актуальна гендерная миграция, когда девушки, выезжающие из сельской местности в город учиться, не возвращаются, тем самым нарушая пропорции мужского и женского сельского населения. Также часть сельских женатых мужчин, репродуктивного возраста регулярно уезжает в регионы с более стабильным экономическим положением в поисках работы, что в свою очередь влияет на качество семейной жизни. Неравнозначный миграционный обмен между городом и селом привел к тому, что сельское население стало выделяться меньшей долей трудоспособных, большей долей детей и лиц предпенсионного возраста.

Одним из важнейших факторов, влияющих на показатели воспроизводства населения, являются брачность и разводимость.

В дореволюционный период у марийцев преобладали семьи, состоявшие из двух-трех поколений родственников по отцовской линии. Численность семьи иногда дос-

тигала 40 человек. Снижение размера семьи во всех марийских селениях было зафиксировано уже переписью населения СССР 1926 г. (4, с. 219–220).

Нужно отметить, что марийская семья отличалась и отличается в настоящее время своей патриархальностью и крепкими национальными традициями, она опирается на безусловный авторитет старшего поколения, обычаи, ритуалы. Для марийцев дореволюционного периода были характерны однонациональные браки. Случаи вступления представителя марийского этноса в межнациональный брак были крайне редки и составляли среди мужчин мари 2,5%, среди женщин мари 2,4% (4, с. 219–220). В 1980 г. межнациональные браки в г. Йошкар-Оле составляли 24,8%, а в сельской местности они продолжали быть единичным явлением. В современный период средний показатель межнациональных браков в сельской местности колеблется от 21% до 25% (5, с. 441).

В сельской местности республики наблюдается тенденция к увеличению количества нуклеарных семей: снижается количество многодетных семей, увеличивается процент малодетных, бездетных и неполных семей. Но эти процессы происходят несколько медленнее, чем в городе. По данным исследования 2009 года в сельской местности преобладали нуклеарные семьи (63,9%). В больших, многопоколенных семьях проживало 18,0% респондентов, одинокие родители составили 1,6% (данная категория представлена в основном женщинами), состояли в разводе 12,3% (6).

В ходе анализа исследования 2009 г. мы проследили доминирующий тип семейных отношений сельского населения. Характерно, что за традиционный тип семьи, где муж занимается обеспечением семьи, а жена – хозяйственными делами, высказалось только 7,4% респондентов. Основная часть опрошенных – 73,0% высказалась за современный (демократичный) тип семьи, в которой оба супруга работают и сообща занимаются домашним хозяйством. На наш взгляд, вызвано это в первую очередь экономическими требованиями, т.к. на заработную плату одного члена семьи большинство семей прожить не в состоянии. Раньше крестьянская семья была экономически зависима от мужчины и была на его содержании, в современный период отношения супругов больше напоминают партнерство, когда семейный бюджет формируется обеими супругами. Таким образом, происходит некоторый отход от традиционной патриархальной семьи.

Наиболее важными факторами, влияющими на решение людей вступить в брак, по мнению сельских респондентов, является желание иметь семью (70,5%), стремление всегда быть с любимой/любимым (50,0%), желание иметь детей (52,6%). Следовательно, основные факторы, побуждающие создать семью, – это реализация потребности в близком человеке и репродуктивные установки.

Основные демографические тенденции в республике связаны с рождаемостью. Экономическая нестабильность повлияла на количество рождений, но тенденция потребности в детях не исчезла. Таким образом, мы можем предположить, что семейные традиции в республике не отступили от наиболее важной функции семьи – репродуктивной. В настоящее время мы видим, что городская и сельская модели рождаемости приобретают одинаковые черты, а именно ори-

ентацию на малодетность. В современный период большинство сельских семей двухпоколенные (родители и их дети), среднее количество детей в сельских семьях – двое, реже трое.

В республике возросло число семей, имеющих одного ребенка, незначительно увеличилось с двумя детьми, резко сократилось с тремя детьми и более. Анализ нашего исследования «желаемого» и «ожидаемого» количества детей показал, что одного ребенка хотели бы иметь 19,0% респондентов, а реально имеют 20,6%, двух детей хотели бы иметь 41,8%, а имеют 32,7%, трех и более детей хотело бы иметь 31% респондентов, а имеют трех детей и более 22,3%.

Таким образом, «желаемое» количество детей оказалось значительно ниже, чем идеальное у тех респондентов, кто бы хотел иметь двух, трех и более детей, и выше у тех респондентов, которые были настроены иметь одного ребенка. Основные мотивы для отказа от рождения второго и последующих детей кроются, по мнению респондентов, в «материальных трудностях» (28,7%), именно они являются одной из первостепенных причин отказа от рождения детей, диктуя страх предстоящего их содержания и обучения. Далее в ранжировании «жилищные проблемы», отсутствие нормальных жилищных условий поставило общество перед необходимостью сокращения количества детей (13,9%), «состояние здоровья супругов» (13,9%) «не достаточно хорошие отношения с мужем/женой»(8,2%). Поэтому малодетность, с одной стороны, – это один из способов адаптации семьи в нынешней нелегкой социально-экономической нестабильности, с другой, результат сокращения рождаемости порождает проблему будущих трудовых ресурсов, пенсионного обеспечения и т.д.

В национальном разрезе явно прослеживается тенденция русских и татар к малодетности. Одного ребенка имеют среди русских 34,8%, мари 15,4%, татар 25,0%. В семьях с двумя детьми лидируют представители татарской и марийской национальностей. В семьях с тремя детьми преобладают представители других национальностей и мари, а в семьях, где четверо детей и более лидирующее место занимают представители марийской национальности.

Другая неизученная сторона семьи – это многодетность. Отзывы о многодетных семьях полярные. В обществе сложилось мнение о таких семьях, как о бедных, с низким уровнем образования. При таком не очень благоприятном настрое более позитивное отношение к многодетности наблюдается именно в сельской местности, где традиции иметь большие семьи исходят из глубины веков. В сельской местности республики по состоянию на 1 января 2014 г. зарегистрировано 3811 многодетных семей, преимущественно это семьи с тремя детьми. Большее число многодетных семей проживает в Звениговском, Медведевском и Моркинском районах. По мнению одной из многодетных мам, «прибавление в семье ею не воспринимается как нагрузка, наоборот – с каждым новым ребенком Бог дает ей новые силы». В интервью другая многодетная мать оценила рождение детей как великую радость (7, с. 9).

По мнению сельчан, мешают росту численности населения в нашем регионе низкие доходы населения (56,1%), неуверенность в завтрашнем дне (27%), плохие жилищные условия (20,6%). Отличительной чертой для сельчан по сравнению с городскими жителями является мнения, что в наше время достаточно иметь одного ребенка (11%), а также сельские респонденты отметили плохую медицинскую помощь женщинам во время беременности, при родах (5,9%). На сегодняшний день в республике функционируют лишь шесть родильных отделений. В ходе оптимизации во многих сельских поселениях были устранены акушерские пункты, а в поселках упразднены родильные отделения.

Достаточно новым для республики являются незарегистрированные (гражданские браки). По данным исследования такие браки наиболее характерны для городской среды (8,2%), в селах они составляют 3,3%, в поселках 6%.

В целом, брачная структура сельского населения Республики Марий Эл отличается большей позитивностью, а именно большим количеством людей, состоящих в зарегистрированном браке, меньшим числом разводов.

Респондентов, имеющих статус разведенных, больше в городах (11,8%), меньше в поселках городского типа (7,1%) и в селах (5,9%). Разводы вносят весомый вклад в формирование семей с одним родителем. Значительная часть неполных семей – это материнские семьи. Например, в Республике Марий Эл по данным Министерства соцзащиты на период 2013 г. на учете состояло 8862 семей одиноких матерей.

Воспитание детей в неполной семье имеет ряд особенностей. Из-за отсутствия одного из родителей, другому приходится решать материальные и бытовые проблемы семьи, что в сельской местности зачастую бывает затруднительно ввиду дефицита рабочих мест. Кроме того, оставшемуся родителю необходимо восполнять нехватку воспитательного влияния, возникшего в данной ситуации. Одновременно успевать решать все поставленные задачи – дело не простое. Поэтому в большинстве случаев неполные семьи сталкиваются с различными проблемами материального, бытового, педагогического характера.

В республике формированию неполных семей в значительной мере способствует также наблюдаемый в последнее десятилетие непропорциональный рост смертности мужчин в трудоспособном возрасте от неестественных причин (отравление, производственные травмы, военные действия и т.п.). Число семей в республике, утративших одного из кормильцев (в большинстве случаев мужа/отца детей), составляют 3742 семей (8).

Наша страна относится к числу стран с высоким уровнем разводов, и данная проблема на сегодняшний день стоит достаточно остро и является одним из мощных разрушителей института семьи. Все чаще для общества развод является некой нормой, и общество готово смириться с этим явлением, принять его как должное. По мнению сельских жителей республики, на увеличение разводов и разрушение семьи влияют три основные причины.

1. Изменение нравов людей (неумение выстраивать семейные отношения) – 40,5%.

2. У многих нет средств, чтобы нормально обеспечивать семью – 40,1%.

3. Часто мешают плохие жилищные условия – 26,2%.

Основные причины развода, по мнению сельских респондентов, состоящих в разводе, кроются в «разных взглядах на жизнь» (3,2%). Далее в ранжировании «злоупотребление алкоголем одним из супругов», «тяжелом материальном положении» (2,6%), «отсутствие жилищных условий», «измены одним из супругов» (1,9%). Таким образом, мы предполагаем, что основными мотивами разводов в сельской местности чаще всего являются низкая культура взаимоотношения людей, алкоголизм, плохие жилищные условия, материальные трудности.

Среди первостепенных мотивов, способствующих возникновению конфликтов между супругами, что в свою очередь приводит к разводам, большинство респондентов, участвовавших в опросе, назвали «злоупотребление алкогольными напитками одним из супругов» 34,4%, «вспыльчивость одного из супругов» (28,7%), «ревность одного из супругов» (26,2%).

Согласно ответам респондентов, участвовавших в опросе, мысль о разводе не появлялась у 55,7%, остальных респондентов эта мысль посещала на том или ином промежутке жизненного пути.

Самым печальным в бракоразводном процессе является то, что развод в большинстве случаев не проходит безболезненно для ребенка, негативно отражается на психоэмоциональном состоянии детей, вызывая душевные страдания, чувство неполноценности, страха перед будущим, а также аккумулирует другие проблемы. Но нельзя забывать о деструктивных семьях, для которых развод является неизбежным, это один из способов избежать насилия в семье.

Подводя итог, следует отметить, что низкий уровень жизни большинства сельских семей обусловливает высокую потребность в социальной защите. В условиях большой физической загруженности жителей сельской местности эмоциональные связи и отношения в рамках семьи становятся фактором стабилизации душевного здоровья и социальной деятельности всех ее членов. Сельские семьи, по сравнению с городскими, более традиционны, более прочны, меньше подвергнуты бракоразводным процессам, имеют большую репродуктивность. К сожалению, происходящие в нашей стране процессы снижают не только экономическое благосостояние сельских семей, а также разрушают ее культурно-нравственные ценности. При такой не достаточно благоприятной ситуации в области экономического развития села, недостаточности социальной поддержки сельского населения, оптимизационных процессов в области образования и здравоохранения мы не можем прогнозировать достаточно высокий уровень рождаемости на селе в будущем.

Чтобы сельские семьи развивались и укреплялись, в республике необходимо предпринять ряд серьезных мероприятий, направленных на улучшение качества жизни сельского населения, обеспечить недопущения оптимизационных процессов, направленных на уничтожение мелких деревень.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. http://edu.dvgups.ru/METDOC/CGU/SOTS_RAB_S/SEMEVED/METOD/UP/frame/9.htm

2. *Тулусов Ф.С.* Семья и постиндустриальная цивилизация // Российская газета. 2000. – 20 октября.

3. Республика Марий Эл / Статистический ежегодник «Республика Марий Эл. 2012» / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2012.

4. Семейный быт народов СССР. – М., 1990.

5. *Шабыков В.И., Зеленеева Г.С.* Динамика межэтнических браков в Республике Марий Эл на рубеже XX–XXI веков (на материале актовых записей ЗАГСОВ) // Вестник чувашского университета. 2007. №1.

6. Данное социологическое исследование проведено среди сельских жителей РМЭ в 2009 г. в рамках плановой темы сотрудника отдела социологии МарНИИЯЛИ Г.С. Зеленеевой «Семья в полиэтничном регионе».

7. *Ирина Басманова.* Стала мамой и не хочу останавливаться! // Аргументы и факты. 2011, №47.

8. Министерство социальной защиты населения и труда Республики Марий Эл «Информация об итогах работы системы социальной защиты населения и труда Республики Марий Эл 2013 г. и задачах на 2014 год». – Йошкар-Ола, 2013.

Gulnara Zeleneyeva

THE RURAL FAMILY IN THE REPUBLIC OF MARI EL: FROM TRADITION TO MODERNITY

This article reviews current demographic trends in the rural population of the Republic of Mari El. Particular attention is paid to the modern rural families. It is noted that in rural areas the process of erasing of ethnic features are slower than in the urban environment. We analyze the indirect impact of modern migration processes, which take place in the village, on the family sphere.

«Финно-угроведение», 2014, № 2

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДОВ У МАРИЙЦЕВ МАЛМЫЖСКОГО РАЙОНА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Малмыжкий район – особенное место, овеянное преданиями и легендами о марийских князьях, богатырях, сражениях. Известно оно и своими религиозными традициями, культовыми и священными местами. В районе проживают русские, татары, марийцы, удмурты. Средневековая история, традиционная духовная культура коренного марийского населения освещалась в работах С. К. Кузнецова (1, 2), М.Г. Худякова (3, 4, 5). Марийцы этого района, несмотря на то, что в основной массе являются крещеными, сохраняют и традиции языческой веры. Данное сообщение базируется на материалах автора, собранных в экспедициях 1995 года в селе Большой Китяк (6) и Института этнологии и антропологии РАН 2008 года, работавшей в Башкирии, Татарстане, Кировской области в рамках пректа РГНФ «Этнически смешанные селения в Урало-Поволжском регионе: историко-этнологическое исследование» (7). Также использованы уникальные фольклорные материалы, собранные в районах Кировской области в 1959 году под руководством известного марийского фольклориста В.А.Акцорина (8, 9).

В 2008 году моими объектами исследования в Кировской области были марийские деревни Алдарово (Алдар), Каменный Ключ (Куэнер), относящиеся к Новосмаильскому сельскому поселению, и село Большой Китяк (Кугу Кетек) Малмыжского района. Собранные экспедиционные сведения ярко демонстрируют своеобразие духовной культуры и этнических связей марийцев данного интересного в историко-этнографическом плане региона области.

Деревня Алдарово образовалась в 1720 году из переселенцев из марийской деревни Кошай. Позже, в середине 19 века, переселились русские со стороны села Кумены Вятского уезда. Первыми русскими переселенцами были Копыловы, Котельниковы, Рукавишниковы, Викуловы. Селение делилось на марийский и русский концы. Все русские знали марийский язык и говорили на нем, марийцы хорошо знали русский язык. После войны русские постепенно стали покидать деревню, переезжая в города (10). В настоящее время в селении 38 домов, преобладают марийцы: из 120 человек жителей 99 марийцы, 20 русские, 1 удмурт (данные за 2008 год).

В Каменном Ключе население полностью марийское – 114 человек (по данным 2008 года). По легендам и преданиям селение было основано также выходцами из деревни Кошай. Первопоселенцами были предки Зайцевых, Поткиных, Баженовых.

В деревнях население крещеное, последняя некрещеная марийка Алдырвий (д.Алдарово) умерла в 70-е годы 20 века. Марийцев в прошлом крестили в церквах сел Б.Китяк, Борец, Малмыж. Крещеных марийцев и русских из д.Алдарово хоронили на кладбище села Б. Китяк, так как там была приходская церковь, которая была закрыта в 30-е годы. Некрещеных марийцев в прошлом хоронили на другом языческом кладбище между деревнями Алдарово и Кошай. В д.Каменный Ключ есть свое кладбище, куда из других мест иногда привозят хоронить покойных, родившихся в этом селении (11).

Несмотря на принятие православной веры, марийцы никогда не забывали своей традиционной религии, своих языческих праздников, обрядов и молений. Соседствующие народы имели неплохое представление об особенностях культуры марийцев. Русские в д.Алдарово знали о религиозных обрядах марийцев, но в их религиозных праздниках не участвовали, хотя русские дети ходили на языческие моления, взяв с собой тарелку и ложку. У деревни находится родник с часовенкой, построенной в 1999 году. Она представляет деревянный сруб с четырехскатной крышей. Внутри находятся иконы и подставка для свечей, стены украшены вышитыми полотенцами. На Духов день в д.Алдарово из церкви села Борец приезжает отец Анатолий и проводит у родника службу.

По свидетельству наших информантов, в деревне Алдарово было три семьи, которые входили в баптистскую секту, из них уже никого нет в живых. Баптисты были и среди удмуртов в д.Пор Китяке. По сведениям, баптисты появились здесь после Первой мировой войны, когда один удмурт вернулся из плена и создал секту первоначально среди своих родственников (12).

Самым значительным языческим праздником у данных марийцев был «Сӱрем», который приходился на 12 июля. У марийцев были свои языческие жрецы – карты, которые проводили моления. Заранее было известно, каких животных принесут в жертву, так как на покупку их собирали общественные деньги.

В д. Каменный Ключ удалось взять интервью у Баженова Николая Трофимовича 1935 года рождения, который проводит языческие моления в языческой роще (*Петро юмын ото*), посвященной летнему празднику *Сӱрем*. Этот летний праздник проводился в середине июля, поэтому название рощи ассоциируется с Петровым днем. У рощи в определенных местах находится вход и выход. В этом году не было жертвоприношения, в рощу ходили с хлебом (блины, медовая вода, квас, омлет, свечи). В роще развели костер и приносили в жертву кусочки блинов и другой пищи, к священной березе приносили монеты, привязывали на ветки платки, полотенца. Это проводят для того, чтобы моления не прерывались, не забывались марийские обряды. Во время *Сӱрема* приносились животные жертвы. Жертвующий давал первые два года барана, на третий – гуся или утку. К этому празднику

очень тщательно нужно было готовиться заранее: нельзя было сквернословить, ссориться, курить, пить алкогольные напитки. Человек должен был подготовиться к этому ритуалу основательно. Перед жертвоприношением мужчины, помывшись в бане, надев чистую одежду, ночью после захода солнца отправлялись в рощу, где начинали готовиться к ритуальным действиям. Проверяли животных, птиц на пригодность в жертву для того или иного божества, обливая его водой три раза, если оно встрепенется, это означает, то жертва угодна. Определенных для жертвы животных, птиц (жеребенок, бычок, баран, гусь, утка) разделывали на мясо, варли его на костре в отдельных котлах, чтобы к утру мясо было готово. Женщины приходят утром с блинами, хлебом, квасом, медовой водой. Когда все были в сборе, карт освящал языческой молитвой приготовленную пищу. Первые кусочки мяса, блинов, хлеба, кваса в первую очередь бросали в жертвенный костер для духа огня (*тулводыж*), чтобы моление прошло удачно. Жертвы приносились различным божествам. В молитвах жрецы просили для всех благополучия – хороших урожаев, приплода скота, домашней птицы, пчел, денежного достатка, здоровья, удачных природно-климатических условий для посевов, чтобы не было войн, эпидемий, болезней и др. После исполнения всех религиозных ритуалов приступали к трапезе.

После окончания моления кости, кровь жертвенных животных, мусор сжигались в костре. Священная роща тщательно убиралась. Шкуру не сжигали, ее вешали на священное дерево (*она пу*). Если жертвенное мясо оставалось, то его уносили и старались раздать соседям, в том случае, когда оно все же не доедалось, его отправляли в реку. В прошлом после завершения моления в роще, ходили к друг другу в гости, молодежь собиралась вместе на полянах, они пели песни, играли в разные игры» (13). Основным древним содержанием летнего праздника «*Сӱрем*» было изгнание нечистой силы, с помощью религиозных ритуалов старались задобрить богов и заручиться их поддержкой в хозяйственной и семейной жизни.

Н.Т. Баженов и его жена Е.К. Баженова показали эту рощу (*Петро юмын ото*), где проводится *Сӱрем*. Они зажгли у священной березы (*она пу*) свечу и сделали подношения в виде монет, хлеба, печенья и полотенца. Полуразрушенная береза огорожена забором, в ограду заходят через калитку. Производя подношения священной березе, они долго крестились, читая молитвы на марийском языке.

У деревни сохранилась роща (*Агапарем ото*), посвященная весеннему празднику – началу полевых работ, но в настоящее время моления не проводятся.

Как свидетельствуют экспедиционные материалы, в деревне Каменный Ключ, языческие традиции сохранились, хотя практически все марийцы здесь крещеные. Православие оказало большое влияние на традиционную религию марийцев. Некоторые христианские представления прочно вошли в язычество. Для данных марийцев характерно двоеверие – синкретическое сочетание православно-языческих представлений и ритуалов в различной степени.

Село Большой Китяк (*Кугу Кетек*) Малмыжского района – центр сельского поселения, состоящее из 7 марийских селений. Это известное селение не только в Кировской области, но и в Республике Марий Эл и в других регионах, где прожива-

ют марийцы. В настоящее время в селе проживают преимущественно марийцы – 430 человек. По преданиям село возникло в 16 веке из переселенцев со стороны татарской деревни Адаево (*Адыял*), находящейся в настоящее время на территории Татарстана. До революции здесь функционировал базар, где еженедельно собирались представители разных народов – русские, татары, марийцы, удмурты (14).

Марийское село Большой Китяк известно почитанием марийского святого, целителя Акпатыра (*Акпатыр чочо*), который был захоронен рядом, на краю деревенского кладбища. На могиле была посажена береза, считающаяся священной. Ее обновляли, подсаживая молодое дерево, когда старое умирало и разрушалось. Последнюю березу посадили 40–45 лет назад. С именем Акпатыра связано много легенд и преданий. Так, в фольклорных записях экспедиции 1959 года В.А.Акцориным приводятся предания, связанные с этой легендарной личностью. В одних рассказах он по происхождению мариец, предводитель марийцев, основатель деревни Акбатырево (*Кетек мучаш*), по другим представлениям – татарин, переселившийся в марийские места (15, с. 40, 42, 44, 68, 142). У Акпатыра были два брата – Алка павай, Шиик павай. По преданиям перед смертью они пустили из лука стрелы, и куда упадут стрелы, там и будут захоронены братья. Таким образом, стрела Акпатыра упала недалеко от места, где в настоящее время располагается Б.Китяк, стрела Шиик павая, упала у д. Казаклары и образовался родник (*Казаклар памаш*), на месте упавшей стрелы Алка павая также образовался родник у д.Адаево. Родники (современная территория Татарстана) считаются целебными, их почитают и татары, и марийцы и посещают их для излечения от болезней. Акпатыра боготворили, в честь него проводили моления с октября по ноябрь, принося в жертву домашних птиц и животных светлых оттенков, главным образом гусей, уток и баранов (16). В преданиях об Акпатыре упоминается, что «когда он жил с первой женой был сильным и удачливым. В подполье его дома хранился мед в большом котле, в котором плавала золотая утка, в которой заключалась его сила, богатство, удачливость, и марийский народ жил хорошо. Со второй женой он стал жить плохо. Она раскрыла секрет Акпатыра людям и счастье, удача покинули его. После этого он умер, и для марийского народа наступили сложные времена» (17, л. 8). В легендах и преданиях Акпатыр выступает в различных ипостасях как предводитель марийского народа, целитель и знахарь, человек, обладающий силой, богатством и удачливостью. Этническая принадлежность Акпатыра и его братьев является противоречивой, по одним представлениям они марийцы, по другим – татары. Вероятно, это связано с тесными межэтническими контактами марийцев и татар, а также с принятием некоторой части марийцев ислама и смены этнической принадлежности (18, с. 40). На наш взгляд, богатое историческое, фольклорное и этнографическое наследие об Акпатыре еще полностью досконально не исследовано и еще ждет своих ученых.

По традиции к Акпатыру обращались в случае болезней людей и животных, для решения сложных жизненных обстоятельств и только с добрыми намерениями. Перед тем как обратиться с какой-то просьбой, мылись в бане, надевали чистую одежду, пекли блины. Блины в качестве подношения складывали на специаль-

ную деревянную тарелку, сделанную для этого случая. В качестве подношений приносили монеты, на березу вешали полотенца, одежду. Монеты предварительно споласкивали в воде речки Китячки, протекающей недалеко. По традиционным представлениям здесь нельзя осенять себя крестом. Каждый обращается со своими сокровенными просьбами. Если просьбы, желания исполнялись, то Акпатыра благодарили, проводя в честь него жертвоприношение (19). В прошлом это культовое место посещали только вятские марийцы и татары из близлежащих селений.

Призывники в солдаты приходили к березе Акпатыра с подношениями – приносили монеты, зажигали свечи и просили, чтобы служба в армии прошла благополучно. В случае благоприятного возвращения со службы домой, проводили жертвоприношение в честь Акпатыра. Благодарили только в тот период, когда «на пеньках появлялся снег» (*кунам пундыш ӱмбак лий возеш*). В доме по всем обрядовым правилам готовили мясо гуся, утки или барана, накрывали на стол и «приглашали дух Акпатыра в гости». За обрядовым столом собираются родственники, соседи пришедшего из армии молодого человека и читают молитвы, благодарят святого за исполнение желания, едят жертвенное мясо. Одну ночь душа святого ночует в этом доме. Утром его провожают, кости жертвенных животных сжигают неподалеку от священной березы Акпатыра (20).

По свидетельству информантов, в настоящее время уже точно не помнят, какая по счету на месте поклонения Акпатыру растет береза. Со всей округи приходят к его могиле не только марийцы, но и представители других народов просить здоровья, жизненного благополучия, разрешения сложных проблем, исцеления от болезней и др. Они приносят монеты, платки, полотенца и угощение в виде мучных и кондитерских изделий. Люди считали и считают, что дух Акпатыра помогает. В последнее десятилетие популярность этого культового места еще более возросла. На месте поклонения Акпатыру установлен памятник в 1998 году. В настоящее время место поклонения святому обустроено и вот уже 11 лет в августе сюда приезжают марийцы-паломники со всех концов страны, чтобы поклониться святому. Стало традицией ежегодно в начале августа посещать место захоронения Акпатыра и священную березу. Большая делегация приезжает из Республики Марий Эл. В 2014 году мероприятие также состоялось в августе. Праздник поминовения Акпатыра начинается с приветственного слова ко всем присутствующим, молитв в честь святого, трапезы. Жертвенное мясо готовится заранее. Большую роль в благоустройстве памятника и проведения ежегодного моления сыграл известный местный предприниматель, патриот своего края и народа Валерий Аркадьевич Соловьев, которого, к большому сожалению, уже нет среди нас. В завершающей части марийские певцы, артисты, устраивают на стадионе села концерт. В конце мероприятия производится салют, которым завершается праздник в честь этого культового места (21).

В прошлом в селе Б.Китяк традиционно в середине июля проводилось моление «Сӱрем» («Кӱсо кумалтыш»). В 2008 году такое моление было, но в нем принимали участие только три семьи. В прошлом проводились общедеревенские моления и

окружные один раз в семь лет, на котором принимали участие марийские деревни всей округи. Традиция проведения *Сӱрема* практически никогда не прерывалась.

Традиционный летний праздник *Сӱрем* был зафиксирован русским этнографом С.К. Кузнецовым, и описание его было издано отдельным изданием в 1879 году (1). Прошло 130 лет со дня издания этой работы, и несмотря на критичный, иногда пренебрежительно – ироничный тон автора по поводу этого традиционного праздника марийцев, она и в настоящее время актуальна. В ней описываются ритуальные действия во время приготовления и проведения праздника наблюдателем со стороны. Сравнивая описание обряда с современными ритуалами, дотошный исследователь может отметить, что еще сохранилось, а что безвозвратно растворилось в вехах непростой истории марийцев Малмыжского края.

Этот праздник связывают с христианским Петровым днем, тем самым как бы скрывая проведение традиционного марийского праздника, но фактически это был традиционный религиозный праздник марийцев. Летний праздник *Сӱрем* или *Кӱсо кумалтыш* приходился на новолуние примерно на 12 июля. В 2008 году моление проводили только три семьи некрещеных с животными жертвами (баран, гусь, утка). В настоящее время каждый год не приносят жертвы, но кто раньше дал жертву, то они должны проводить моление три года подряд: первый год жертвуют барана, второй год – гуся или барана, на третий – утку или гуся. В силу этих традиций моления практически не прерываются. В прошлом для того, чтобы определить, кто должен принести жертву главному божеству (*Ош Кугу Юмо*) бросали жребий с именами. В том случае, если человек вытаскивал жребий со своим именем, он и должен дать жертву основному божеству, общую для всех. Перед проведением ритуала в дом к этому человеку, приносящему основную жертву, однодеревенцы приносили муку, яйца, мёд, деньги. Из этих продуктов выпекались блины, 6–9 караваев хлеба, готовилась медовая вода (*шорва*).

В современных условиях жертвенных животных для *Сӱрема* проверяют на пригодность для божеств, обливая водой дома. Только после этого на тракторе везут в рощу, а также специальную утварь, предназначенную только для религиозных обрядов. Мужчины, помывшись в бане, надев чистую одежду, с ночи отправлялись в рощу, чтобы приготовить все для обряда и жертвенную пищу к утру. Женщины дома готовят блины. Мясо в роще варят продолжительное время в больших котлах. До начала молитв растапливали олово и выливали в воду, чтобы получались очертания жертвенных животных. Фигурки прикреплялись к караваям хлеба. Рано утром, когда жертвенная пища готова, собираются участники моления. Перед трапезой жертвенная пища у костров освещается молитвами. Возле деревьев, посвященных определенным божествам, в отдельные тарелки складываются деньги, на деревья вешают подношения в виде полотенец, платков. Основной целью праздника являются просьбы ниспослания всем здоровья, достатка во всем, благополучной жизни. Необходимо от всей души всем своим родственникам и близким желать счастья и здоровья. На этом празднике строго были запрещены алкогольные напитки, во время моления пили только медовую воду. После окончания

всех обрядов, рощу тщательно убирают, сжигаются все кости, мусор. Остатки жертвенного мяса уносят и раздают соседям, родственникам. После завершения моления, в деревне ходили в гости к родственникам, соседям (22).

Этот праздник объединял людей, укреплял семейно-родственные связи, с одной стороны, с другой, укреплял чувства сопричастности к своей этнической группе и марийскому этносу в целом. За длительный период обряд проведения Сӱрема модернизировался, трансформировался, но основная суть этого праздника сохранилась.

В настоящее время в селе завершилось строительство деревянной церкви на том месте, где раньше стояла церковь, которую разрушили. В строительстве церкви также большую роль сыграл В.А.Соловьев, который сделал очень много добрых дел для своих земляков. По последним данным в ней уже начали вести службу.

Большая часть населения села Б.Китяк крещеные марийцы, есть и некрещеные. В современных условиях у марийцев в сельской местности еще бытуют языческие ритуалы и обряды, но в условиях глобализации они подвергаются сильной трансформации. В большей степени традиционная религия проявляется в похоронно-поминальной обрядности.

Как показывают полевые этнографические материалы, малмыжские марийцы сохраняют элементы своей самобытной этнической культуры. В сохранении у данной группы марийцев родного языка, этнической культуры и идентичности в целом большую роль сыграло сохранение традиционной религии – язычества. Однако языческих ритуалов и обрядов придерживаются в основном люди старшего поколения. Молодежь в современных условиях ориентируется на ценности общегородской культуры. В ближайшей перспективе традиционная культура марийцев будет подвергаться влиянию процессов глобализации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузнецов С.К.* Четыре дня у черемис во время Сюрема. Этнографический очерк. – СПб., 1879.

2. *Кузнецов С.К.* Исторический очерк села Черемисского Малмыжа // ВГВ. 1874. №13–14, 18, 21.

3. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 1991.

4. Он же. Из фольклора Нижегородского края (легенды о могиле марийского князя Болтуша) // СЭ, 1931. №3–4.

5. *Худяков М.Г.* Исторический очерк города Малмыжа // ТВУАК. 1915. Вып. 2–3.

6. ПМА (полевые материалы автора), 1995, Уржумский, Малмыжский р-ны Кировской области.

7. ПМА, 2008, Кировская область.

8. Научно-рукописный фонд МарНИИЯЛИ. МФЭ (Материалы фольклорной экспедиции), 1959, тетрадь № 1, записи Акцорина В.А.

9. НРФ МарНИИЯЛИ. МФЭ, 1959, тетрадь №3, записи Иванова И.С.

10. ПМА. 2008, Котельникова Ольга Васильевна 1936 г.р., д.Алдарово Малмыжского р-на; Баженова Любовь Анатольевна 1970 г.р., д.Алдарово Малмыжского р-на.

11. Там же, Кузнецова Анна Васильевна 1939 г.р. д.Алдарово Малмыжского р-на.

12. Там же, Кузнецова Анна Васильевна 1939 г.р., д. Алдарово Малмыжского р-на; Баженов Николай Трофимович 1935 г.р., д. Каменный Ключ Малмыжского р-на.

13. Там же, Баженов Николай Трофимович 1935 г.р., д. Каменный Ключ Малмыжского р-на; Баженова Елизавета Кирилловна 1930 г.р., д.Каменный Ключ Малмыжского р-на.

14. ПМА, 1995, Маркова Марина Ефимовна 1918 г.р., с. Б.Китяк Малмыжского р-на;

15. НРФ МарНИИЯЛИ. МФЭ, 1959, тетрадь № 1.

16. ПМА, 1995, Маркова Марина Ефимовна 1918 г.р., с. Б.Китяк Малмыжского р-на.

17.НРФ МарНИИЯЛИ. МФЭ, 1959. тетрадь №3.

18. *Шутова Н.И.* Проблема межэтнических связей в религиозной практике народов Камско-Вятского региона (по материалам культовых мест) // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога. – Ижевск, 2006.

19. ПМА, 1995. Маркова Марина Ефимовна 1918 г.р., с. Б.Китяк Малмыжского р-на.

20. ПМА, 2008, Ананьев Евгений Иванович 1949 г.р., с. Б.Китяк Малмыжского р-на.

21. Там же, Зарецких Анна Афанасьевна 1951 г.р., с. Б.Китяк Малмыжского р-на.

22. Там же, Зарецких Анна Афанасьевна 1953 г.р., с.Большой Китяк; Селезнева Екатерина Александровна 1927 г.р., с. Б.Китяк; Зайцев Николай Иванович 1948 г.р., с. Б.Китяк; Шергина Лидия Васильевна 1954 г.р., с. Б.Китяк; Варанкина Мария Васильевна 1956 г.р., с. Б.Китяк Малмыжского р-на.

Tamara Molotova

FEATURES OF THE ORGANIZATION AND CARRYING OUT OF RELIGIOUS RITES OF MARIS OF MALMYZH DISTRICT OF KIROV REGION

Malmyzh district of Kirov region is region, fanned by legends of Mari princes, heroes, battles. It is well known for its religious traditions, cult and sacred places. The report examines the traditional religious practice of Malmyzh Maris in past and present. Particular attention is given to the veneration of Mari saint and a healer Akpatyr. And it is also considered the rites, which were held in various life situations with the worship of the healer.

Людмила Григорьева
Йошкар-Ола

ЖУРНАЛИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ю.В. АНДУГАНОВА

«Илыш корныш лукшо шочмо йылме дене чатка кутырымо нерген нигунамат, нигуштат ида мондо» (Ю.В. Андуганов, 1978)

«Чтобы всегда оставаться на высоте, человек должен уметь отвечать на плохой поступок добром» (1, с. 32) – кредо жизни Ю.В. Андуганова, доктора филологических наук (1992), профессора (1993), заслуженного деятеля науки Республики Марий Эл (1996). Мир доброты окружает человека положительной аурой, неиссякаемой энергией деяния, многогранным талантом. Свой заметный добрый след оставил Наш Учитель не только в научно-педагогической и общественной жизни республики, но и на журналистском поприще.

Как художник слова, ученый, человек, смотревший далеко вперед, Ю.В. Андуганов умело общался с марийским народом через средства массовой информации. Он хорошо понимал важность и значимость такого общения и призывал нас, студентов, аспирантов, развивать коммуникативную способность и активно участвовать в пропаганде и популяризации научных знаний среди населения, в профориентационной работе университета.

Еще в школьные и студенческие годы Ю.В. Андуганов любил сочинять разные заметки. Будучи учителем Старокрещенской восьмилетней школы Оршанского района Марийской АССР (1971–1973), он беспокоился за чистоту и культуру марийской речи, активную роль родного языка в обучении и воспитании детей в национальных школах. В статье «Кунам марий марлак ойла…» (2) пишет: «*Лиям ма урокыште але мӧгрыштӧ, колыштам радиом але ончем телевизорым, курем библиотекыш але театрыш – эре шочмо йылмына нерген шонем*» («Нахожусь ли я на уроках или дома, слушаю радио или смотрю телевизор, захожу в библиотеку или в театр – постоянно думаю о нашем родном языке»). Ю.В. Андуганов считал, что дикторам радио, телевидения, артистам театра, ораторам принадлежит ведущая роль в развитии марийского литературного языка. Он отмечал необходимость соблюдения орфоэпической нормы. В этой же статье обращал внимание на недостаточность часовой нагрузки по марийскому языку и литературе в школьных учебных программах, данная проблема, к сожалению, до сегодняшнего дня остается актуальной.

В годы учебы в аспирантуре (1973–1976) Ю.В. Андуганов знакомит читателей с жизнью Тартуского университета, пишет о марийско-эстонских взаимосвязях. Свои интересные материалы снабжает надолго запоминающимися фотографиями. В статьях «*Эстонийыште – марий театр*» (3) и «*Адак унала вучена*» (4) аспирант с радостью и гордостью сообщает о ярких выступлениях Марийского государственного драматического театра им. Шкетана, который гастролировал в сентябре 1976 г. в Эстонии, в городах Таллинн, Тарту, Пярну. Эстонские ученые (П. Аристэ, П. Пальмеос и др.) и журналисты (А. Лыхмус, Х. Рэбанэ) дали высокую оценку спектаклям «*Салика*» С. Николаева, «*Аксар ден Юлавий*» К. Коршунова, «*Морко сем*» Н. Рыбакова, «*Кураж ава*» М. Горького.

Успешно защитив кандидатскую диссертацию «Сложные слова в марийском языке (определительные сложные существительные)» (Тарту, 1977), Ю.В. Андуганов начинает работать старшим преподавателем в Марийском государственном университете. С этого времени журналистская деятельность ученого становится наиболее плодотворной. Об этом свидетельствуют многочисленные статьи, циклы новых радио- и телепередач.

Ю.В. Андуганов активно сотрудничает с детско-юношеской газетой «*Ялде лий*» («Будь готов»). В рубрике «*Марий мутер*» («Марийский словарь») в форме беседы мальчика Сану, его отца-лингвиста и школьного учителя раскрываются тайна и мудрость марийских слов. Так Юрий Владимирович воспитывает в детях

Защита докторского научного доклада «Микросинтаксис марийского языка в историческом освещении» (Йошкар-Ола, 1992)

любовь к родному языку, вовлекает их в научно-исследовательскую работу. Например, в статье «*Тӱрлӧ кумылан ой*» (5) анализируется язык повести Д. Орая «*Чолга шӱдыр*» («Немеркнущая звезда») (1950), подчеркивается красота и сила каждого слова. В заметке «*Сылнеш пеледалтше*» (6) дается предложение, изобилующее заимствованиями из русского языка: «*Старший преподаватель читальный залыште научный пашам конспектировата, а студент клубыштo вальсым танцевата*» («Старший преподаватель в читальном зале конспектирует научную работу, а студент в клубе танцует вальс»). Перед юным читателем ставится вопрос: «Как данное высказывание можно выразить на чистом марийском языке?». В качестве образца автор приводит языковые примеры из произведений М. Шкетана и Я. Ялкайна и в заключение статьи предлагает свой вариант ответа. В сообщении «*Кугезынан йылме пержеже*» (7) Сану сопоставляет однозначные словосочетания *мыйын ушо* и *у меня есть (имеется)* в марийском и русском языках, самостоятельно определяет их тождества и различия. А на его вопрос «Почему так?» отец дает подробное лингвистическое объяснение, при этом он основывается на фактах индоевропейских и финно-угорских языков. В научно-популярных статьях, адресованных детям, в доступной форме рассматриваются вопросы сохранения сокровища родного языка (5, 6, 8), образования и написания сложных слов (9, 10), языковых контактов (7, 11).

В рубрике «*Наука илыш*» («Научная жизнь») газеты «*Марий коммуна*» Ю.В. Андуганов представляет интервью с видными научными деятелями – И.С. Галкиным (12), Г.А. Архиповым (13), В.А. Акцориным (14). В таких материалах обсуждаются проблемы становления и развития марийской лингвистики, археологии, фольклористики. Немало статей посвящено жизни и творческой деятельности зарубежных ученых и писателей, марийских лингвистов: А. Алхониеми (15), П. Аристэ (16, 17), П. Кокла (18), А. Таммсааре (19), К.Т. Тимофеева (20), З.В. Учаева (21), Э.С. Якимовой (22).

Особой заслугой Ю.В. Андуганова в области журналистики является составление сценария, организация и ведение радио- и телепередач об ученых республики, о языке и культуре народа мари. Цикл радиопередач «У микрофона – ученый» (1980), был посвящен 60-летию Марийской АССР, в нем освещались вопросы развития гуманитарных наук в республике. Десять телепередач «*Марий шымлызе*» о научных проблемах, исследуемых нашими учеными, продемонстрированы в 1979–1981 годах. Информации о марийско-финских взаимосвязях представлялись в части «Финляндия сегодня» телепередачи «Импульс» (1985), в радиопередаче «*Суоми мландыште – марий сем*» (1990).

Уникален цикл телепередач «*Шанчыем*» о творчестве таких известных деятелях науки и образования, как П. Аристэ, В.М. Васильев, Ф.И. Гордеев, Л.П. Грузов, А.Г. Иванов, И.Г. Иванов, И.С. Иванов, Г.А. Сепеев, Г.И. Соловьева, З.В. Учаев. Нашему Учителю от природы дано мастерство телеведущего. Он умело ведет искренние беседы с творческими личностями и дома, и на работе, и на улице, делится воспоминаниями близких и знакомых им людей. Например, в

телепередачах о В.М. Васильеве имеются выступления дочери Л.В. Васильевой, ученых О.М. Герасимова, И.Г. Иванова, А.Е. Китикова; в передаче о П. Аристэ ценны воспоминания аспирантов, учеников выдающегося финно-угроведа: Ю.В. Андуганова, Л.И. Барцевой, Г.Н. Валитова, А.С. Ефремова, З.К. Ивановой, А.Е. Китикова, С.С. Сабитова, Э.С. Якимовой. Благодаря этой телепередаче сохранился замечательный материал об участии марийской делегации 2–5 февраля 1995 г. в Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика П. Аристэ. Перед зрителями предстают г. Тарту того времени (дается краткая информация об истории этого города), могила П. Аристэ, поминание эстонского академика, пленарное заседание конференции, библиотека университета, дом и рабочий кабинет, супруга, семья П. Аристэ, представляется интервью с президентом Эстонии Леннартом Мери, с сыном ученого Андри Аристэ, звучит песня «*Энер вӱд ӱмбалне*» («Над речной водой», слова А. Волкова, музыка Е. Волкова), исполненная нашей делегацией за праздничным столом в доме П. Аристэ. Несколько телепередач в настоящее время хранится на кафедре финно-угорской и сравнительной филологии Марийского государственного университета, они применяются в учебно-воспитательной деятельности Института национальной культуры и межкультурной коммуникации.

В 1992 г. Государственная телерадиокомпания Республики Марий Эл транслировала восемь передач «*Шочмо кундемын семже*» («Мелодии родного края»), в которых представлены традиции, обряды и обычаи народа мари: *Шорыкйол* (Новый год, Святки), *Сӱрем* (праздник летнего жертвоприношения), сплавление леса и т.д. По словам заслуженного журналиста Республики Марий Эл главного редактора газеты «Марийский государственный университет» Л.Г. Гимаева и заслуженного деятеля искусств России председателя Союза композиторов Республики Марий Эл В.Д. Кульшетова, при подготовке этого цикла передач Ю.В. Андуганов был консультантом, а в одной из телепередач он сам прекрасно сыграл на свирели. Телезрители помнят его также как участника телепередачи «Гость студии».

Своей журналистской деятельностью Ю.В. Андуганов внес большой оригинальный вклад в область истории марийской гуманитарной науки, проводя глубокий анализ творчества ряда ученых, стремясь вскрыть причины, способствовавшие успеху их научной деятельности. Он считал, что творческая работа в науке невозможна без участия широкой культурной общественности.

Родной речью и песней хотел согреть сердце народа Наш Учитель. В статье «Йылме, муро сем» он пишет: «*Йылмат, семат – калыкын чонжо, тудын чурийже, воштончышыжо, илыш корныжо, илыме курымжо*» («И язык, и музыка – душа народа, его лицо, зеркало, судьба, годы жизни») (23). Мы должны помнить, ценить, беречь и приумножать то духовное богатство, которое нам подарил Юрий Владимирович.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Кто есть кто в Марий Эл. Биогр. справ. / Авт-сост. В.А. Мочаев. – Йошкар-Ола, 2002.

2. Андуганов Ю.В. *Кунам марий марлак ойла?* [Когда мари говорит по-марийски?] // Марий коммуна. 1972, 23 февр.

3. *Эстонийыште – марий театр* [В Эстонии – марийский театр] // Ямде лий. 1976, 23 окт.

4. *Адак унала вучена* [Снова приглашаем в гости] // Ончыко. 1977, № 1.

5. *Турлӧ кумылан ой* [Разноэмоциональная речь] // Ямде лий. 1978, 14 окт.

6. *Сылнеш пеледалтше* [Пусть цветет красотой] // Ямде лий. 1978, 15 апр.

7. *Кусезынан йылме перкеже* [Языковое богатство предков] // Ямде лий. 1979, 3 февр.

8. *«Лучко» да «латвизыт»* [«Пятнадцать» и «пятнадцать»] // Ямде лий. 1976, 7 февр.

9. *Кокымшо куатым налеш* [Берет второе дыхание (*букв.* силу)] // Ямде лий. 1979, 24 март.

10. *Мут ушна але – уке* [Слова присоединяются или нет] // Ямде лий. 1979, 1 сент.

11. *Вес йылмылан эгертен* [Основываясь на другой язык] // Ямде лий. 1979, 13 янв.

12. *Наукын чолга ошкылжо* [Активные пути развития науки] // Марий коммуна. 1980, 3 окт.

13. *Археологийын ошкылжо* [Пути развития археологии] // Марий коммуна. 1981, 30 янв.

14. *Калык ойпогын ямже* [Прелести фольклора] // Марий коммуна. 1981, 3 март.

15. *Финн шымлызын марий грамматикыже* [Марийская грамматика финского ученого] // Марий коммуна. 1986, 7 дек.

16. *Марий шымлызе-влакын ачаш* [Отец марийских ученых] // Ямде лий.1980, 2 февр.

17. «Людям приятней увидеть улыбающегося человека…» // Kudo-kodu. 2000, № 2 (6).

18. *Университетын унаже* [Гость университета] // Марий коммуна. 1983, 31 май.

19. *Курым-курымеш ила* [Вечно живет] // Марий коммуна. 1978, 1 февр.

20. *Порылыкын таншке* [Друг доброты] // Ямде лий. 1979, 23 июнь.

21. *Учмсола гыч рвезе* [Юноша из Учейкино] // Марий коммуна. 1980, 22 май.

22. *Самырык ученый* [Молодой ученый] // Марий коммуна. 1975, 15 нояб.

23. *Йылме, муро сем* [Язык, мелодия песни] // Ямде лий. 1979, 2 июнь.

РУКОПИСИ СЦЕНАРИЕВ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ РАДИО- И ТЕЛЕПЕРЕДАЧ

1. Сценарии цикла радиопередач «У микрофона – ученый» (Йошкар-Ола, в эфире: 22.07, 29.07; 11.08, 24. 08; 09.09, 25.09; 24.12. 1980).

2. Сценарии цикла телепередач «*Марий шымлызе*» [«Марийский исследователь»] (Йошкар-Ола, в эфире: 03.04.1979; 06.06.1979; 20.08.1979; 14.01.1980; 13.05.1980; 08.07.1980; 12.08.1980; 29.09.1980; 28.11.1980; 06.01.1981).

3. Сценарии части «Финляндия сегодня» телепередачи «Импульс» (Йошкар-Ола, 1985).

4. Сценарии цикла радиопередач «*Суоми мландыште – марий сем*» [«На земле Суоми – марийская мелодия»] (Йошкар-Ола, 1990).

5. Сценарии цикла телепередач «*Шанчыен*» [Ученый] (Йошкар-Ола, в эфире: 21.12.1994. В.М. Васильев, его дочь Л.В. Васильева (Ч. 1); 25.01.1995. Л.П. Грузов; 22.02.1995. В.М. Васильев (Ч.2), О.М. Герасимов, И.Г. Иванов, А.Е. Китиков; 29.03.1995. П. Аристэ; 31.05.1995. З.В. Учаев; 29.07.1995. И.Г. Иванов; 25.10.1995. Ф.И. Гордеев; 31.01.1996. А.Г. Иванов; 28.02.1996. Г.И. Соловьева; 15.05.1996. И.С. Иванов; 26.02.1997. Г.А. Сепеев).

Lyudmila Grigoryeva

JOURNALISTIC ACTIVITY OF YU.V. ANDUGANOV

Journalistic activity of Yu.V. Anduganov contributed greatly to the history of Mari humanities. He prepared the popular science section of the newspaper «Yamde liy» («Be ready») and «Mari commune», radio series and television programs, which presented the interviews with eminent scientific figures, highlight the problems of language, literature, folklore, history, archeology, ethnography, cultural studies of the Mari, also transmit information about the cooperation of the Republic of Mari El with Estonia and Finland. Scientist worried about cleanliness and culture of Mari speech, active role of the native language in education of children in national schools and skillfully communicated with Mari people through the media. He understood the importance of such dialogue and encouraged his students to develop communication skills and to participate in the promotion of scientific knowledge among the population.

Наталья Линкова,
Александр Попов
Сыктывкар

«ФИННО-УГОРСКИЙ МИР: РАСШИРЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА». МЕЖРЕГИОНАЛЬНОМУ ТЕЛЕВИЗИОННОМУ ЖУРНАЛУ «ФИННО-УГОРСКИЙ МИР» 21 ГОД*

В октябре 2014 г. в Йошкар-Оле состоялся Межрегиональный семинар «Финно-угорский мир: расширение культурного пространства», посвященный телевизионному журналу «Финно-угорский мир», который создан в 1993 г. За это время подготовлено и вышло в эфир более 200 оригинальных выпусков. Уникальность проекта в том, что это единственный тележурнал о жизни и самобытной культуре финно-угорских и самодийских народов, проживающих на территории Российской Федерации. Их численность составляет почти 10 процентов населения страны.

Время показало и состоятельность задуманной 21 год назад идеи, и ее значимость. Вопросы межнационального общения и духовного единения народов, сохранение родного языка, культуры, истории в условиях глобализации общества – темы животрепещущие. Каждый выпуск журнала «Финно-угорский мир» – это документальная картина жизни людей, преданных своей земле, традициям своих предков, это летопись жизни россиян финно-угорской языковой группы. Кроме того, это постоянная творческая учеба. За годы совместной работы в филиалах Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК), объединенных общей целью, сложился межрегиональный творческий коллектив людей, заинтересованных, стремящихся показать наиболее интересные аспекты жизни своих регионов. Программа имеет свое лицо, свой стиль, свое самобытное и достаточно современное оформление. Но главное – она имеет своего зрителя, который ее любит и ждет.

Символично, что впервые вопрос о необходимости создания совместной межрегиональной телевизионной программы финно-угорских телерадиокомпаний был поставлен на первом Международном фестивале телевизионных программ финно-угорских народов, который состоялся в октябре 1991 г. в столице Республики Марий Эл Йошкар-Оле. Реальное оформление идея получила в декабре 1992 г. на состоявшемся в Сыктывкаре на базе ГТРК «Коми гор» втором Международном фестивале телевизионных фильмов и программ «Финно-угорский мир», проходившем под девизом «Национальное возрождение и культурное сотрудничество» и при-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ и Правительства РК (проект № 13-11-11007(р)).

уроченном к первому Всемирному конгрессу финно-угорских народов, участники которого также собрались в это время в столице Коми. Именно тогда было принято решение о создании силами телерадиокомпаний финно-угорских регионов России совместной телевизионной программы «Финно-угорский мир». Ее учредителями стали ГТРК «Марий Эл», «Удмуртия», «Коми гор», «Мордовия», «Югория», «Карелия», «Пермь Т-7», «Коми-Пермяцкая».

Произошедшее было вполне закономерным событием в историческом контексте того времени. Процессы, происходившие в общественно-политической жизни во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX в. свидетельствовали о росте национального самосознания народов. Не оставались в стороне и финно-угорские регионы. Так, в столице Коми Сыктывкаре в январе 1991 г. состоялся I Съезд коми народа, по итогам которого было принято пять резолюций. В одной из них – «О национальной политике в области языка и культуры» – была заложена идея о необходимости применения в государственной сфере двух языков – коми и русского. В основу правовой базы новой национально-языковой политики в регионе был положен Закон Республики Коми «О государственных языках» (1992), в соответствии с которым коми язык приобрел государственный статус. В ноябре 1991 г. в Сыктывкаре состоялся чрезвычайный II Съезд коми народа. 10 февраля 1992 г. Президиум Верховного Совета республики принял постановление «О решениях II Съезда Коми народа», в котором отмечалось, что поднятые съездом проблемы, связанные с развитием национальной культуры коми народа и межнациональных отношений, требуют повышенного внимания со стороны органов государственной власти. Что касается объединительного процесса национальных движений финно-угорских народов России, первым шагом к их консолидации стало совещание представителей национальных движений финно-угорских народов России, которое состоялось в октябре 1991 г. в Сыктывкаре. А уже в феврале 1992 г. в столице Коми прошла учредительная конференция по созданию Всероссийской ассоциации финно-угорских народов. Конференция приняла решение о созыве Всероссийского съезда финно-угорских народов, который состоялся в Ижевске в мае 1992 г. В декларации I Всероссийского съезда финно-угорских народов «О языках финно-угорских народов Российской Федерации», в частности, говорилось о необходимости придания финно-угорским языкам статуса государственных.

Таким образом, к концу 1992 г. условия для принятия решения о создании силами телерадиокомпаний финно-угорских регионов России совместной телевизионной программы были вполне благоприятными. У истоков телевизионного проекта «Финно-угорский мир» стояли журналисты Г.Михайлова (ГТРК «Марий Эл»), В.Алашеев и С.Карпов (ГТРК «Удмуртия»), Г.Маркова (ГТРК «Коми гор»), Н.Лобанов (ГТРК «Мордовия»). Первоначально выпуски журнала формировались по очередности в каждом из регионов-участников. Впервые представители телерадиокомпаний – координаторы проекта – собрались в феврале 1993 г. в Ижевске, где на базе ГТРК «Удмуртия» была создана первая передача «Финно-угорский мир». Каждая телерадиокомпания предлагала для размещения в передаче самые интересные, колоритные, яркие сюжеты. Они обсуждались, отбирались, продумывался порядок верстки материалов внутри программы, каждый сюжет представлялся ве-

дущим (ими были координаторы из регионов). Такой подход изначально определил форму передачи – тележурнал. Как правило, в каждую передачу входило 5–6 материалов, хронометраж программы составлял от 30 до 50 минут. Затем передача монтировалась и тиражировалась для последующего выхода в эфир. Так выстраивалась и формировалась концепция цикловой ежемесячной межнациональной телевизионной программы «Финно-угорский мир». Об отношении к этому проекту телезрителей говорил уже тот факт, что после выхода в эфир первой передачи в адрес тележурнала пришло более 200 писем.

Через 1,5–2 года, когда становление «Финно-угорского мира» состоялось, работа над тележурналом перешла в форму так называемого заочного общения. Ежемесячно материалы для очередного выпуска отправлялись по почте в каждую из телекомпаний-участниц, где журнал собирался и тиражировался. Раз в год проводились семинары координаторов. Создание тележурнала способствовало привлечению внимания общественности к разнообразной и самобытной культуре финно-угорских народов, расширению обмена телевизионными программами. Появилась еще одна возможность узнавать, показывать и рассказывать о духовном потенциале финно-угорской культуры, учиться друг у друга. Творческое сотрудничество телерадиокомпаний способствовало размещению в их телеэфире и других обменных тематических передач, содействовало обмену опытом и повышало профессиональный уровень журналистов, режиссеров, операторов. Однако 1995–1996 гг. в финансово-экономическом отношении стали кризисными для отрасли. И сложившаяся система стала давать сбои, ломался привычный ритм выхода передач в эфир. Это не могло не беспокоить создателей тележурнала. В 1996 г. на семинаре координаторов телевизионной программы «Финно-угорский мир», который проходил в Сыктывкаре, было принято решение о том, что именно ГТРК «Коми гор» – наиболее технически оснащенная в то время региональная телерадиокомпания – возьмет на себя формирование, запись и тиражирование тележурнала для отправки в другие регионы. До 2004 г. включительно тележурнал выходил за счет средств федерального бюджета. С 2005 г. в результате реорганизации ВГТРК, структурными подразделениями которой были телерадиокомпании – участники тележурнала «Финно-угорский мир», ГТРК «Коми гор» была вынуждена искать для создания тележурнала «Финно-угорский мир» дополнительные средства. Перед телерадиокомпанией стояла непростая задача сохранения межрегиональной программы. В 2005–2007 гг. тележурнал «Финно-угорский мир» финансировался как государственный заказ Правительства Республики Коми. Поддержку межрегиональному тележурналу оказывали Консультативный комитет финно-угорских народов, Общество М.А. Кастрена (Финляндия).

С открытием в Сыктывкаре Федерального Финно-угорского культурного центра, а также учитывая данную Президентом России Д.А. Медведевым на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Ханты-Мансийске (2008 г.) высокую оценку финно-угорского движения как позитивной силы, работа над созданием единственного уникального тележурнала российских финно-угров обрела еще большую значимость. Об

этом говорит и тот факт, что в 2009 г. этот проект получил финансовую поддержку федерального бюджета Российской Федерации за счет гранта Департамента межнациональных отношений Министерства регионального развития Российской Федерации.

Передачи, в которых поднимаются проблемы сохранения финно-угорских народов, возрождения и дальнейшего развития национальных культур, освещается жизнь регионов с финно-угорским населением, актуальны и привлекательны для зрителей. Они способствуют пропаганде традиционных культурных ценностей, нравственности, чувства патриотизма и гордости за богатое культурное наследие своих народов. Сюжеты и видеоиллюстрации (интервью, стихи, песни) выходят на национальных языках с переводом – субтитрами на русском языке. Это обретает еще большую значимость в сохранении и развитии языковой культуры финно-угорских народов. А размещение передач тележурнала «Финно-угорский мир» на федеральном телеканале «Россия 1» обеспечивает широкую общероссийскую аудиторию.

В настоящее время в телеэфире журнал «Финно-угорский мир» доступен жителям девяти регионов России. Это республики Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Ханты-Мансийский автономный округ, Кудымкарский район Пермского края, а также ряд районов Кировской области и Башкортостана. Участники семинара в Йошкар-Оле, проходившего под девизом «Финно-угорский мир: расширение культурного пространства», одним из новых направлений работы назвали размещение в тележурнале материалов о представителях финно-угорских народов, проживающих в других регионах Российской Федерации. На встрече была отмечена огромная роль Интернета в расширении зрительской аудитории, в частности, размещение передач на сайтах телерадиокомпаний. Например, анализ географии посетителей сайта филиала ВГТРК ГТРК «Коми гор», говорит о том, что около 5% из них – из зарубежных стран. Что касается россиян, 25% – посетители из-за пределов Республики Коми. Именно поэтому следующим эффективным шагом в расширении культурного пространства названо создание специального сайта для размещения телевизионных передач и сюжетов по финно-угорской тематике. Это еще один значимый шаг Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании, передачи которой выходят на 54 языках народов России, к расширению культурного пространства нашей многонациональной страны.

Natalia Linkova, Alexander Popov

FINNO-UGRIC WORLD: THE EXPANSION OF CULTURAL SPACE. INTERREGIONAL TV MAGAZINE «FINNO-UGRIC WORLD» IS 21

Inter-regional television magazine «Finno-Ugric World» for more than 20 years is an integral element of broadcasting TV and radio program – RTR branches of Republic of Karelia, Komi, Mari El, Mordovia, Udmurtia, Khanty-Mansi Autonomous County, Kudymkar District of Perm Region. During this time more than 200 original releases are produced and aired. This is the only newsmagazine of life and unique culture of the Finno-Ugric and Samoyedic peoples living on the territory of the Russian Federation. The use of new technological opportunities, in particular the Internet, allows expand the cultural space and increase the audience.

ПЕРСОНАЛИИ

Маргарита Кузнецова
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ ПАУЛЯ КОКЛА

17 августа 2014 года отметил свой 85-летний юбилей широко известный эстонский финно-угровед Пауль Кокла, доктор философии, кандидат филологических наук, исследователь эстонского, финского, венгерского языков, один из крупных специалистов по проблемам марийской филологии. Он прекрасно владеет марийским языком, отлично знает историю и культуру марийского народа и остается его верным другом по настоящее время.

П. Кокла родился в 1929 г. в местности Кярдла Хийумааского района Эстонской ССР. Хотя научная и творческая деятельность связала его с Таллинном, с Институтом языка и литературы Академии наук Эстонии (с 1993 г. – Институт эстонского языка), он никогда не забывал свою малую родину, постоянно посещал и посещает ее. Кярдла в настоящее время является административным центром и крупнейшим городом эстонского уезда Хийумаа. Для жителей острова Хийумаа характерно спокойствие, терпимость и прекрасное чувство юмора. То же самое свойственно и Паулю Кокле. Кроме того, юбиляра отличают интеллигентность, высокий интеллект, удивительная скромность, доброта, требовательность и обязательность по отношению к самому себе, уважительное, толерантное отношение к своим коллегам, друзьям, знакомым. Он не только яркий представитель своего народа, но и кропотливый исследователь говоров острова Хийумаа. За составление словаря хийуского языка (*hiiu keel* – так в народном языке называют говоры жителей острова) 10 января 2014 г. П. Кокле была вручена ежегодная денежная премия «Tänu ja kummardus» («Благодарность и поклон») Хийумааского культурного общества. Выступая с ответной речью на торжественном празднике, П. Кокла напомнил слова

своего учителя академика Пауля Аристэ о том, что нет маленьких языков и маленьких народов, для каждого народа родной язык самый большой и богатый.

Среднюю школу П. Кокла окончил в родном городе Кярдла, в том же году поступил на финно-угорское отделение Тартуского университета. После университета (1955 г.) два года проработал на эстонском радио редактором отдела передач на финском языке. В 1957 г. стал аспирантом кафедры финно-угорских языков и под научным руководством академика П. Аристэ серьезно занялся исследованием марийского языка. В выборе марийского языка в качестве объекта научного изучения сыграло роль то, что он еще в студенческие годы прекрасно выучил марийский язык. Судьба предоставила счастливую возможность: он изучал марийский язык у И.С. Галкина, будущего профессора, одного из ведущих специалистов по марийскому языку и по финно-угроведению в целом (в 1953–1956 гг. И.С. Галкин был аспирантом П. Аристэ и работал над кандидатской диссертацией). Во время учебы в Тартуском университете и после окончания его П. Кокла несколько раз побывал в Марийской республике с экспедицией, занимался сбором лингвистического материала и одновременно совершенствовал практические знания по марийскому языку.

Темой кандидатского исследования П. Кокла выбрал проблему притяжательных суффиксов в марийском языке. Защита диссертации состоялась в 1964 г. на ученом совете отделения общественных наук Академии наук ЭССР (г. Таллинн). В работе марийские притяжательные суффиксы подвергнуты глубокому и многостороннему анализу: рассмотрены их употребление в отдельных типах слов и особенности присоединения к основе, их историческое развитие, использование в отдельных частях речи, основные функции, подробно освещены притяжательные и тесно связанные с ними *habeo*-конструкции. Проблемам марийских притяжательных суффиксов П. Кокла посвятил также ряд статей, которые опубликовал в различных изданиях в Таллинне, Тарту, Хельсинки, Сыктывкаре и др.

Карьера П. Коклы как ученого началась с должности научного сотрудника, в дальнейшем старшего научного сотрудника в секторе финно-угорских языков Института языка и литературы Академии наук Эстонии (1960–1991). Здесь он продолжил исследование марийского языка. А знание венгерского языка помогало решать ему совместно с коллегами многие практические задачи, связанные и с этим языком.

В научном финно-угорском мире имя П. Коклы тесно связывается с журналом «Советское финно-угроведение» (с 1990 г. «Linguistica Uralica»). Сотрудничать с редакцией журнала он начал еще в 1960 г. С 1965 по 1990 гг. был заместителем главного редактора журнала. В 1990–1996 гг. (после смерти Пауля Аристэ, основателя и главного редактора журнала) работал в качестве главного редактора журнала. А это был ежедневный кропотливый труд по редактированию научных статей на русском и иностранных языках, по подготовке к печати ведущего журнала по проблемам финно-угорских и самодийских языков. В 1997 г. Академия наук Эстонии наградила П. Коклу медалью.

П. Коклу как ученого, как ученика Пауля Аристэ характеризуют постоянный творческий поиск, глубокий научный подход к решению исследуемых проблем, доскональность разработки темы.

Круг научных интересов П. Коклы довольно широк. Он много занимался проблемами марийского языка, не оставлял без внимания и другие финно-угорские языки, например, вепсский, коми-зырянский. В марийском языке его интересовали формы инфинитива, причастия и деепричастия, вопросы исторической грамматики. Результаты таких исследований опубликованы в эстонских и зарубежных изданиях на эстонском, финском, венгерском, немецком и русском языках. В изысканиях, посвященных проблемам единого марийского литературного языка (Zum Problem einer einheitlichen Schriftsprache // CQIFU P. III, 1981; Über die Möglichkeit einer einheitlichen marischen Schriftsprache // Zur Frage der uralischen Schriftsprachen. Budapest, 1995), П. Кокла утверждает, что нет лингвистических препятствий для создания единого письменного языка, есть только экстралингвистические, которые вполне преодолимы марийской научной интеллигенцией. Кроме того, П. Коклу всегда волновали судьба эстонского литературного языка, проблемы языковой ситуации и языковой политики. Он выступал на страницах печати с актуальными статьями о настоящем и будущем родного языка, о развитии эстонского литературного языка («Überlebensmöglichkeiten einer Sprache: Estland», 1993; «Staatssprache und Minderheitssprache (Die estnische Sprache zwischen Ost und West)», 1994; «Gondolatok az észt nép nemzeti ünnepén», 1994; «Eesti keele ja eestluse väljavaateid», 1996 и др.).

П. Кокла был инициатором составления картотеки для эстонского этимологического словаря («Eesti keele etümoloogilise uurimise minevik ja tulevik», 1975; «Etümoloogia ja leksikograafia», 1977). Не последнюю роль здесь сыграло то, что во время работы в качестве лектора эстонского языка в Гёттингенском университете (1971–1973 гг.) П. Кокла совместно с лектором венгерского языка Й. Кишем участвовал в проекте по контрастивному изучению заимствованных интернациональных слов в финском, венгерском и эстонском языках под руководством заведующего кафедрой финно-угорских языков профессора В. Шлахтера. Их большой совместный труд опубликован в серии «Nyelvtudomanyi Közlemények» в 1975 г.

П. Кокла нашел международное признание и как лексикограф. В соавторстве с коллегами работал над составлением эстонско-финского (1972) и двухтомного финско-эстонского (2003) словарей. 7 декабря 2010 г. по случаю 93-й годовщины Финляндии за большой вклад в развитие культурных отношений между Финляндией и Эстонией и за составление финско-эстонского словаря П. Кокла был награжден рыцарским крестом первого класса ордена Белой Розы Финляндии. Он принимал участие и в составлении словаря водского языка (2013), был научным редактором немецко-эстонского (2003) и венгерско-эстонского (2010) словарей.

Наряду с большой редакционной и научно-исследовательской работой П. Кокла плодотворно занимался педагогической деятельностью. В основном преподавал эстонский язык, читал лекции по проблемам эстонского языка и финно-угроведения в целом, делал многое для ознакомления зарубежных студентов с языком и

культурой эстонского народа. Преподавать начал в 1970 г. Был лектором эстонского языка в Гёттингене (1971–1973), Гамбурге (1972, весенний семестр), Турку (1980–1982); в Хельсинки (1981, весенний семестр) преподавал грамматику марийского языка. С 1992 по 1995 гг. работал заведующим кафедрой финно-угорских языков Печского университета (Венгрия), в 1994 г. – профессором Будапештского католического университета. В 1996 г. при Сегедском университете (Венгрия) защитил докторскую диссертацию и получил ученую степень доктора философии. После возвращения из Венгрии в 1997 г. был снова приглашен в качестве гостя-профессора на кафедру финно-угорских языков университета г. Гамбурга. В 1995–2000 гг. был доцентом Таллиннского педагогического университета.

П. Кокла – участник многих международных конгрессов, симпозиумов, конференций, а также Конгресса финно-угорских народов.

П.Кокла уже в 1957 г. стал членом Общества родного языка (Эстония), в дальнейшем – членом многих зарубежных финно-угорских обществ (Хельсинки, Турку, Будапешт, Гамбург). В течение долгих лет был членом Международного комитета конгрессов финно-угроведов (ICFUC), членом Эстонского комитета финно-угроведов.

П. Кокла всегда поддерживал марийских лингвистов, помогал молодым марийским исследователям с публикацией статей на страницах журнала «Советское финно-угроведение» («Linguistica Uralica»), часто выступал официальным оппонентом на защите диссертаций (Е.Н. Мустаева, Г.Н. Валитова, А.Н. Куклина, С.С. Сибатровой, М.Н. Кузнецовой и др.). Написал многочисленные рецензии на новые книги по проблемам марийского языка, фольклора и этнографии, которые издавались как в Марийской республике, так и за рубежом.

В 1990 г. в Таллинне было создано марийское землячество. П. Кокла принимал самое активное участие в его работе, не пропускал почти ни одного мероприятия, всячески поддерживал и помогал марийцам.

Марийские филологии сердечно поздравляют своего эстонского друга, старшего брата с юбилеем, желают ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, неиссякаемой творческой энергии.

Таза да кужу курыман лий, пагалыме коллегына! Шке шанче пашат дене мемнам эре кумылан ден шого!

Галина Эрцикова
Йошкар-Ола

Ф.Т. ГРАЧЁВА – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МАРИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

18 апреля 2014 года исполнилось 80 лет со дня рождения замечательного марийского ученого и опытного методиста Феонии Тихоновны Грачевой. Она кандидат филологических наук (1977), доцент (1984). Награждена нагрудным знаком «Отличник народного просвещения» (1971).

Ф.Т. Грачева родилась в 1934 году в деревне Родюково Горномарийского района Марийской АССР в семье крестьянина. В 1940 году семья переехала в соседнюю деревню Эсяново, и свое отрочество Феония провела там.

После окончания Усолинской средней школы в 1949–1953 годах училась в Козьмодемьянском педагогическом училище. В 1953 году стала студенткой отделения русского языка для национальных школ историко-филологического факультета Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской.

Окончив вуз в 1958 году, Феония Тихоновна четыре года преподавала русский язык и литературу в Елеевской средней школе Параньгинского района.

В 1963–1972 годах работала в Марийском институте усовершенствования учителей: сначала методистом, затем заведующей кабинетом русского языка и литературы. В это время много занималась вопросами преподавания русского языка в марийских школах. Опубликовала ряд проблемных учебно-методических статей на страницах журнала «Русский язык в национальной школе». Проводила курсы и семинары для учителей русского языка республиканских школ, анализировала их уроки. По поручению Министерства образования республики готовила программы для школ. Показав себя весьма успешным и перспективным сотрудником, получила рекомендацию директора ИУУ А.И. Белянина на учебу в аспирантуру.

С 1972 по 1975 годы Ф.Т. Грачева училась в очной аспирантуре Марийского пединститута им. Н.К. Крупской. Под научным руководством профессора Л.П. Грузова написала кандидатскую диссертацию на тему «Фразеология марийского языка», где впервые в марийском языкознании глубоко и разносторонне проанализиро-

вала фразеологизмы с точки зрения их семантики, структуры, лексико-грамматического значения и происхождения. В 1975 году диссертация была завершена и Тартуским диссертационным советом допущена к защите. Однако жизнь преподнесла неожиданный «сюрприз» – именно тогда ученый совет на некоторое время закрыли. В связи с этим защита диссертации состоялась только в 1977 году.

С 1977 года Феония Тихоновна стала работать в Марийском пединституте на кафедре русского языка и литературы в должности старшего преподавателя. Через три года ее пригласили в Марийский государственный университет, где она читала лекции по методике русского языка и лексикологии русского языка, оказывала студентам научно-методическую помощь в написании исследовательских работ. В вузе Ф.Т. Грачева проявила себя высококвалифицированным специалистом, опытным преподавателем и наставником студенческой молодежи. В это время неоднократно выступала официальным оппонентом кандидатских диссертаций. В 1984 году ей присвоено ученое звание доцента кафедры русского и общего языкознания.

Область научных и творческих интересов Ф.Т. Грачевой довольно широка, это – методика преподавания русского языка в школе и вузе, фразеология марийского языка, фольклор народа мари, язык писателей, проблемы перевода православной литературы на марийский язык.

Имея серьезный опыт работы в качестве учителя в школе и в особенности в качестве методиста в институте усовершенствования учителей, Феония Тихоновна подготовила и выпустила несколько учебно-дидактических и учебно-методических пособий для школ: «Сборник упражнений по грамматике и развитию русской речи. 4 класс марийской школы» (1975), «Уроки русского языка в 8 классе национальной школы» (1979, 1-е изд.; 1980, 2-е изд.; в соавторстве), «Мары йӹлмӹ доно дидактический материал. 5 класс» («Дидактический материал по марийскому языку. 5 класс») (1985), «Уроки русского языка в 9 классе национальной школы» (1990, 3-е изд.), «Кружок русской фразеологии» (1993).

В 1997–2001 годах Феония Тихоновна преподавала русский язык и литературу детям-инвалидам в Таирском реабилитационном центре, вела кружок русской словесности. Результатом трехлетней работы кружка является сборник лучших сочинений учеников «Таирский родник».

Наибольшую известность в марийском языкознании Ф.Т. Грачева получила как исследователь совершенно особого языкового пласта – марийской фразеологии. Кроме кандидатской диссертации, по данной проблеме написала немало научных статей и выпустила первый марийский словарь фразеологизмов. Ее работа «Марий фразеологий мутер» («Фразеологический словарь марийского языка»), включающая в себя более одной тысячи наиболее употребительных горномарийских и лугомарийских единиц, была издана в 1989 году. В ней фразеологизмы приводятся с возможными вариантами компонентов и русскими эквивалентами, дается толкование их значения, указываются синонимические и антонимические отношения, каждая единица иллюстрируется цитатами из художественной литературы.

Ф.Т. Грачева практически все свое научное творчество посвятила сбору и систематизации марийской фразеологии. Результатом многолетнего и кропотливого труда является рукописный четырехтомный фразеологический словарь марийского языка, который уже много лет ждет своего выхода в свет. Малая часть из этой работы сведена автором в небольшой словарь под названием «Кырык мары 1000 дä ик идиома» («1000 и одна идиома горномарийского языка») (2001). В книге, содержащей более одной тысячи образных выражений, значительное место занимают идиомы о человеке и его качествах.

Исследуя вопросы фразеологии и фразеографии марийского языка, исследовательница параллельно собирала фольклорные материалы горных мари, что позволило впоследствии издать книги «Мыры, масак, тошты шамак» («Горномарийские песни, юмористические сказки, былички, устаревшие слова») (2000) и «Горномарийские пословицы, поговорки, приметы, загадки» (2001). Словесная сокровищница, вошедшая в эти сборники, интересная и многоплановая, она воссоздает историю, культуру, быт, традиции, верования народа. Кроме того, Ф.Т. Грачева опубликовала в газете «Жерä» («Заря») статьи-уроки, посвященные методике собирания народного слова. Через страницы журнала «У сем» («Новый лад») продолжала знакомить читателей с горномарийскими пословицами и поговорками.

В 2000-е годы Феония Тихоновна написала ряд докладов (прежде всего для выступления на ежегодных конференциях «Игнатьевские чтения», г. Козьмодемьянск) и научно-публицистических статей о языке художественных произведений горномарийского классика Н. Игнатьева. Их она посвятила особенностям лексики, образам в творчестве писателя, например, проанализировала негативную лексику как средство создания иронии, место сложносокращенных слов, образ ветра, религию «странничества» и др.

Следует отметить и о другой стороне работы Ф.Т. Грачевой. С начала 1990-х годов она активно занималась переводческой деятельностью. В 1992 году в Германии были изданы переведенные ею на горномарийский язык четыре Евангелия. На протяжении нескольких лет она работала в Комиссии по переводу Священного Писания на марийский язык при Йошкар-Олинской и Марийской епархии, участвовала в переводе богослужебной литературы.

Неизменным составляющим научной и творческой деятельности ученого является участие в конференциях и симпозиумах разного уровня.

Поздравляя Феонию Тихоновну Грачеву с замечательной датой, коллеги и друзья желают ей крепкого здоровья и долгих лет жизни.

«Финно-угроведение», 2014, № 2

Борис Соловьёв
Йошкар-Ола

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ (К ЮБИЛЕЮ Т.Б. НИКИТИНОЙ)

Отмечает юбилей известный российский археолог, крупный специалист по средневековой археологии финно-угров, доктор исторических наук, заместитель директора Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева Татьяна Багишевна Никитина. Основные вехи ее жизненного и научного пути отражают многочисленные справочные издания (1, с. 59–60; 2, с. 382; 3, с. 242–243; 4, с. 254; 5, с. 46–47; 6, с. 3–6; 7, с. 127–130).

С археологической наукой судьба связала ее в далеком 1973 году, когда Татьяна стала старостой археологического кружка, организованного В.С. Патрушевым на историко-филологическом факультете недавно открывшегося Марийского государственного университета. Тогда мы и познакомились. Это был «золотой век» студенческой археологии. Прежде всего нас привлекала романтика экспедиций, но, не секрет, что сильная школа Уральских (Урало-Поволжских) и Всероссийских студенческих конференций 1970-х – начала 1980 гг. воспитала поколение высококлассных ученых, много сделавших для развития советской, а затем и российской археологии.

Таня месяцами пропадала в экспедициях Г.А. Архипова, В.В. Никитина, В.С. Патрушева, П.Н. Старостина. Яркий пример – насыщенный полевой сезон 1974 года: после досрочной сдачи экзаменов участие в исследовании широкоизвестных Ахмыловского могильника и Майданской стоянки (июнь–июль), нижнекамских азелинских некрополей (август), IV Кокшайской стоянки (ноябрь), в разведке по Большой Кокшаге (сентябрь).

Хотелось все узнать, всему научиться. Трудно забыть нашу авантюрную поездку на раскопки нижнекамских Нармонского и Усть-Брыскинского могильников азелинской культуры. Начальник экспедиции П.Н. Старостин нахмурился, увидев неожиданно появившихся миниатюрную кудрявую блондинку и худого парня с прической «хиппи». Но после короткого объяснения мы все же были приняты в отряд,

а вскоре доклад студентки третьего курса Марийского государственного университета Тани Шикаевой по материалам исследования Нармонского могильника получил высшую награду VIII УПАСК (Сыктывкар, 1975) – путевку на Всесоюзную археологическую студенческую конференцию (г. Москва).

Татьяна – постоянный участник интенсивного археологического обследования Марийского Поволжья. В 1976 году получен первый Открытый лист (форма №3). Вспоминая эту разведку, прошедшую через леса и болота Марийского Полесья под куплет: «Солнца не будет, жди, не жди, третью неделю льют дожди», не могу понять, как хрупкая двадцатидвухлетняя девушка могла контролировать четырех своенравных парней – далеко не рафинированных «ботаников». Тогда были открыты два десятка археологических памятников, в том числе Красномостовские поселения, позднее ставшие основой выделения «протоволосовского» этапа средневолжской волосовской культуры (8, с. 115–128).

Работая по индивидуальному плану, Татьяна участвует в работах Марийской археологической экспедиции, Уральско-Поволжских и Всесоюзных археологических студенческих конференций. Ее студенческие исследования, написанные на материалах, полученных при личном участии в раскопках, характеризуются высоким профессиональным уровнем.

Быстро пролетели студенческие годы. В 1977 году Татьяна Багишевна принята в Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, с которым навсегда связала свою судьбу, пройдя путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора. Одновременно она становится стажером Института археологии Академии наук СССР, затем – соискателем под руководством известного советского археолога доктора исторических наук, профессора С.А. Плетневой. Предложенная ей практически неизученная тема «Марийцы XVI–XVII вв. по данным археологии» требовала кардинального расширения источниковой базы. Десятилетие уходит на ежегодные (порой по 3–4 месяца) разведки и раскопки марийских могильников позднего средневековья. Самоотверженный труд завершился успешной защитой кандидатской диссертации «Марийцы конца XVI – начала XVIII вв.», отраженной в многочисленных статьях и монографии (9).

Дальнейшая научная деятельность юбиляра посвящена разработке проблем этнической истории, материальной и духовной культуры финно-угорских народов в эпоху средневековья. В 1999 году выходит книга «История населения Марийского края в I тыс. н. э. (по материалам могильников)» (10). Анализируя детально опубликованные комплексы Младшего Ахмыловского, Уржумкинского, Арзебелякского, Лушмарского, Шорунжинского могильников, автор кардинально пересматривает точку зрения о местной городецко-азелинской основе древнемарийского этноса (А.П. Смирнов, Г.А. Архипов), связав его происхождение с волго-окскими древнефинскими племенами, проникшими на территорию Волго-Камья не ранее середины VI в. н. э. Свою монографию Татьяна Багишевна посвятила памяти первого учителя Геннадия Андреевича Архипова.

В конце прошлого – начале текущего столетий Т.Б. Никитина осуществляет прорыв в изучении поселенческих комплексов эпохи средневековья. Широкими площадями исследуются многочисленные городища и селища: Сомовское II, Васильсурское V (Репище), Красное Селище и другие. Среди них особый интерес представляет крепость Аламинер (Важнангерское городище). Скрупулезный анализ результатов многолетних раскопок этого уникального памятника значительно дополнил средневековую историю марийского народа (11).

Наступило время обобщения обширных накопленных материалов. Татьяна Багишевна защищает докторскую диссертацию, подготовленную под руководством академика, профессора Валентина Васильевича Седова (Институт археологии РАН. 2003). Основные положения этой фундаментальной работы содержит высоко оцененная специалистами капитальная монография «Марийцы в эпоху средневековья» (12). За книгу автору присуждена Государственная премия Республики Марий Эл в области науки.

Как и прежде, Татьяна Багишевна успешно продолжает изучение средневековой археологии марийцев. Источниковая база дополнена материалами обследований и раскопок на территории Республики Марий Эл, Кировской, Нижегородской, Костромской областей известных и недавно открытых памятников IX–XIII вв.: Юмское жертвенное место; могильники Веселовский, Черемисское кладбище, Русенихинский, Нижняя стрелка, Кузинские хутора, Выжумские. Результаты полевых исследований частично опубликованы и проанализированы в многочисленных статьях и книге, посвященной некрополям Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. н.э. (13).

Всего Т.Б. Никитиной в российских и зарубежных изданиях опубликовано свыше 150 трудов (7, с. 127–130), включая 7 книг (9, 10, 11, 12, 13, 14, 15). Она участник многочисленных международных, всероссийских, региональных научных конференций. Большой вклад в развитие науки отражают награды и почетные звания: заслуженный деятель науки Республики Марий Эл (1998), лауреат Государственной премии Республики Марий Эл имени М.Н. Янтемира» (2003), почетная грамота Правительства Республики Марий Эл (2004), благодарность Президента Республики Марий Эл за вклад в развитие гуманитарных наук (2009), медаль ордена «За заслуги перед Марий Эл» (2014).

Следует отметить активную организационную и педагогическую деятельность юбиляра. Татьяна Багишевна была одним из инициаторов создания Научного центра финно-угроведения (МарНИИ, 1993 г., исполнительный директор); состоит в редколлегии ежегодника «Марийский археографический вестник» (с 1991 г.), журналов «Финно-угроведение» (с 1994 г.), «Финно-угрика» (с 1997 г.), «Поволжская археология» (с 2012 г.), серии изданий «Труды Марийской археологической экспедиции», «Археология и этнография Марийского края»; часто оппонирует докторские и кандидатские диссертации; является членом специализированного диссертационного совета при Институте истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. При ее непосредственном организационном участии проводились

I Всероссийская научная конференция финно-угроведов (Йошкар-Ола, 1995), III Международный исторический конгресс финно-угроведов (Йошкар-Ола, 2003); полевые семинары «Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР» (Юрино, 1989), «Итоги и перспективы археологического изучения Марийского края» (Юрино, 1996), «Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье» (Юрино, 2000), «Этническая история финно-угорских народов Поволжья и Прикамья (Козьмодемьянск, 2002), другие многочисленные научные мероприятия.

Татьяна Багишевна по-прежнему полна энергии и творческих замыслов. От всей души поздравляем ее с юбилеем и желаем ей всего наилучшего.

СОКРАЩЕНИЯ

АЕС – Археология евразийских степей
МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
РАН – Российская академия наук
УПАСК – Урало-Поволжская студенческая археологическая конференция

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Археологи Волго-Уральского региона: Справ. – Уфа, 2002.
2. Кто есть кто в Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2002.
3. *Айплатов Г.Н., Иванов А.Г.* Никитина Татьяна Багишевна (К 50-летию со дня рождения) // Марийский археографический вестник. Вып. 14. – Йошкар-Ола, 2002.
4. Марийская биографическая энциклопедия. – Йошкар-Ола, 2007.
5. *Никитин В.В.* Отдел археологии МарНИИ и его сотрудники // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья (Пятьдесят лет Марийской археологической экспедиции). АЭМК. Вып. 30. – Йошкар-Ола, 2007.
6. *Зеленеев Ю.А.* Татьяна Багишевна Никитина. 30 лет в науке // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. – Йошкар-Ола, 2010.
7. *Иванов А.А., Иванов А.Г.* Историки Марий Эл XX – начала XXI века. Библиогр. справ. – Йошкар-Ола. 2013.
8. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края. Труды МарАЭ. Том IV. – Йошкар-Ола, 1996.
9. *Никитина Т.Б.* Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.). – Йошкар-Ола, 1992.
10. *Никитина Т.Б.* История населения Марийского края в I тыс. н. э. (по материалам могильников). Труды МарАЭ. Том V. – Йошкар-Ола, 1999.
11. *Никитина Т.Б., Михеева А.И.* Аламнер: миф и реальность. Важнангерское городище и его округа. – Йошкар-Ола, 2006.
12. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола. 2002.
13. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. АЕС. Вып. 14. – Казань, 2012.
14. *Никитин В.В., Никитина Т.Б.* К истокам марийского искусства. – Йошкар-Ола, 2004.
15. *Архипов Г.А., Никитина Т.Б.* Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Вып. 2. Ранний железный век и средневековье. – Йошкар-Ола, 1993.

«Финно-угроведение», 2014, № 2

Ольга Орлова
Йошкар-Ола

ВИТАЛИЮ ИВАНОВИЧУ ШАБЫКОВУ – 60 ЛЕТ

Виталий Иванович Шабыков является высококвалифицированным ученым-практиком, единственным в Республике Марий Эл социологом, получившим фундаментальную профессиональную подготовку в Институте социологии при АН СССР. Научная биография В.И. Шабыкова отличается исключительной цельностью, верностью избранной траектории исследования, преданностью своему учреждению – МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева.

Виталий Иванович родился 12 августа 1954 года в д. Поташково Сернурского района Марийской АССР в дружной многодетной семье. Родители Иван Васильевич и Нина Филипповна воспитали шестеро детей в уважении и любви , привили им трудолюбие и чувство ответственности. В 1961 году Виталий Иванович пошел в школу. Первоначально окончил Куськинскую восьмилетнюю школу, а затем Казанскую среднюю школу в Сернурском районе. Получив среднее образование, он поступил в Марийский политехнический нститут им. М.Горького на экономический факультет, по окончании которого в 1976 году пришел на работу в Марийский научно-исследовательский институт. Его трудовая деятельность началась с должности младшего научного сотрудника отдела экономики. МарНИИЯЛИ является единственным местом его трудовой деятельности. Осенью 1976 года он был призван в ряды Советской Армии, после воснной службы осенью 1977 года вернулся в родной институт в отдел социологии. С 1981 по 1983 гг. являлся стажером-исследователем Института социологии АН СССР, готовился к поступлению в аспирантуру, по окончании стажировки успешно поступил в аспирантуру и завершил ее в 1987 году защитой кандидатской диссертации, и снова вернулся в родные стены МарНИИЯЛИ.

В настоящее время он работает в нем старшим научным сотрудником отдела социологии. Отдел социологии к началу XXI века стал крупнейшим научным центром по проведению важнейших исследований республиканского, общероссийского и международного масштаба, в этом немалый вклад и Виталия Ивановича. Его

опыт и знания нашли приложение при организации и проведении социологических исследований по различным актуальным проблемам социально-экономической и культурной жизни Республики Марий Эл и Российской Федерации, например: настоящее и будущее республики; межнациональные отношения; условия и уровень жизни пенсионеров, детей-инвалидов, неполных семей; духовные потребности сельского населения; религиозное сознание населения; отношение населения к политике руководства Российской Федерации и Республики Марий Эл и др. Дважды (1990 и 1991) был организатором международных социологических исследований на территории Пермской и Челябинской областей и в г.Йошкар-Оле, проводимых в рамках научной программы Центра общечеловеческих ценностей Института социологии РАН. В 2000 году участвовал в двух социологических опросах, проводимых Центром стратегических разработок (г. Москва) в преддверии выборов Президента РФ. В 2007 году был организатором социологического исследования «О положении финно-угорских народов Российской Федерации» на территории Республики Марий Эл в рамках международного российско-финляндского проекта. Кроме того, в период стажировки и обучения в аспирантуре Института социологии РАН принимал участие в проведении всесоюзных социологических исследований на территории Горьковской и Новосибирской областей, Азербайджанской, Литовской и Туркменской ССР, а также международного сравнительного исследования в странах СЭВ; является соавтором научных отчетов по результатам этих исследований.

В.И. Шабыков всегда придавал большое значение изданию материалов исследований, организации и практическому участию в научных форумах, укреплению сотрудничества отдела с ведущими социологическими центрами Москвы, Казани, Уфы, Кирова, Чебоксар. Именно благодаря ему поддерживается научно-информационное сотрудничество в области социологии с Институтом социологии РАН.

При активном участии В.И. Шабыкова и при его авторстве был подготовлен к изданию целый ряд научно-статистических бюллетеней и научных сборников, обобщающих результаты социологических опросов, содержащих аналитические справки, отчеты и практические рекомендации для органов государственной власти, среди которых: «Образ жизни населения Марийской АССР» (1989, 1990), «Межнациональные отношения в Республике Марий Эл» (1995, 2002), «Национально-региональные проблемы государственного строительства» (1996), «Религиозное сознание населения Республики Марий Эл» (2005), «Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений» (2013). Им разработано около 50 анкет и вопросников для проведения социологических исследований разного уровня.

Он является автором около 150 публикаций, в их числе – 114 научных изданий, посвященных исследованию различных сфер общественного сознания населения РМЭ. Ему принадлежат 7 научно-информационных и научно-статистических бюллетеней, в том числе «Республика Марий Эл: языковая ситуация и языковая политика в сфере образования. Русский язык в формировании межэтнической солидарности», изданная в РУДН (Москва, 2002); множество статей, в том числе восемь – в научных изданиях ВАК России (Москва, Анкара, Тамбов, Саранск, Чебоксары);

семь – в зарубежных изданиях (Турция, Венгрия, Польша, Великобритания, Эстония, Туркмения, Литва); библиографический указатель «Этносоциология» (2006); подготовлена к изданию монография «Межэтнические отношения в Республике Марий Эл в конце XX – начале XXIвека» (20,8 п.л.). Этносоциологический материал, содержащийся в научных изданиях ученого, активно используется в практике преподавания гуманитарных дисциплин и в научных исследованиях студентов и аспирантов марийских и других финно-угорских вузов, что обусловило постоянное его участие в рецензировании дипломных работ студентов и магистерских диссертаций по социально-гуманитарным наукам.

В.И. Шабыков был участником 15 международных, 18 всероссийских, трех межрегиональных, 10 республиканских научных конференций, конгрессов, симпозиумов и семинаров по гуманитарной проблематике.

Научная и организаторская деятельность В.И. Шабыкова отмечена Почетными грамотами Правительства РМЭ (2000) и МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (2005,2010), Благодарностью Государственного Собрания РМЭ (2009). Памятной медалью Министерства культуры, печати и по делам национальностей РМЭ «Йыван Кырля 1909–2009» (2009).Он пользуется заслуженным уважением и авторитетом не только в своем трудовом коллективе, но и среди научной общественности РМЭ и финно-угорского мира.

Его вклад в развитие науки был высоко оценен: в 2014 г. Указом Главы Республики Марий Эл Л.И.Маркелова ему присвоено звание «Зслуженный деятель науки Республики Марий Эл».

Елизар Мустаев
Йошкар-Ола

УЧЕНЫЙ ШИРОКОГО ДИАПАЗОНА (К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.Н. ГЛУХОВОЙ)

Доктор филологических наук, профессор Н.Н. Глухова – яркий представитель отечественного и зарубежного языкознания, ученый широкого диапазона: специалист по общему и финно-угорскому языкознанию, сопоставительной и сравнительной грамматике, лингвокультурологии, истории и методике научных исследований, финно-угорской этнолингвистике, а также по английскому языкознанию (со всеми его разделами – теоретическая фонетика, лексикология, грамматика, история английского языка, его диалекты) и др. Знаток марийского фольклора – по этой проблеме защитила докторскую диссертацию.

Вот неполный круг интересов этого крупного ученого – теоретика и практика, ведущего преподавательскую работу, совмещающего многие годы руководство факультетом в качестве декана и кафедрой в должности заведующей. В настоящее время заведующая кафедрой финно-угорской и сравнительной филологии Марийского государственного университета.

Глухова (Семенова) Наталья Николаевна родилась 16 октября 1954 года в селе Пектубаево Новоторъяльского района в семье учителей. Отец, Семенов Николай Артемьевич, работал в местной школе учителем физики и математики, был завучем. Мать, Семенова Елена Ивановна, преподавала химию и биологию, отвечала за пришкольный участок и сад, которые дважды были награждены серебряной медалью ВДНХ.

Через некоторое время отец поступил в аспирантуру к профессору З.И. Равкину, известному ученому Марпединститута им. Н.К. Крупской. В 1963 году семья переехала в Йошкар-Олу. После успешной защиты кандидатской диссертации по педагогике Николай Артемьевич начал работать на кафедре педгогики и психологии, мать заведовала технологическим отделением в Марийском технологическом техникуме. После открытия Маргосуниверситета отец становится заведующим кафедрой педагогики и психологии нового вуза.

«Родители привили нам с сестрой любовь к книгам, к труду, воспитали дисциплинированными и ответственными людьми», – вспоминает Наталья Николаевна.

В 1–4-ом классах Наташа училась в школе № 9, но с 5 по 10 класс обучалась в школе № 11. Живая, озорная, еще в школьные годы отличалась любознательнос-

тью, пытливостью ума. Параллельно занималась в музыкальной школе, в которой работали замечательные педагоги – Г.Т. Горохова, М.И. Ключникова-Палантай, Р.С. Волкова, А.В. Александрова. «Были очень интересные предметы, – делится воспоминаниями Наталья Николаевна, – из которых, помимо занятий на фортепиано, особенно нравилась «Музыкальная литература». Во время учебы мы участвовали в различных музыкальных конкурсах, пели в хоре, играли произведения для дуэта со скрипкой, виолончелью, фортепиано. Впоследствии мои навыки фортепианной игры пригодились во время учебы и работы в пединституте, когда мы выступали на концертах «Студенческая весна». Музыкальную школу окончила Наташа с отличием.

С большой теплотой вспоминает Наталья Николаевна своих учителей средней школы № 11: интересными были для нее уроки истории Н.И. Чернова, математики А.Н. Куклиной, физики В.В. Попова и С.С. Леухина, химии с опытами Л.П. Мокеевой, русского языка и литературы А.М. Анциферовой. Однако самое сильное впечатление оставалось от уроков иностранного языка, которые вел В.П. Хлюпин. Именно его занятия повлияли в дальнейшем на выбор профессии. «В 10 классе, – продолжает свои воспоминания Н.Н. Глухова, – однажды купила книгу по фразеологии английского языка и, прочитав ее буквально на ходу от книжного магазина, который был расположен на улице Советской, до квартиры на улице тогдашней Коммунистической, я поняла, что буду заниматься фразеологией английского языка». Школу закончила Наталья Николаевна с золотой медалью.

В 1972 году Н.Н. Глухова осуществила свою мечту – поступила в Марийский педагогический институт им. Н.К. Крупской на факультет иностранных языков. Училась она отлично, была активной общественницей, инициатором многих мероприятий. Институт закончила с красным дипломом.

Проработав на родном факультете три года, Наталья Николаевна – поступила в аспирантуру МГПИ им. В.И. Ленина в Москве. В ходе учебы в аспирантуре большую помощь оказывали ей преподаватели кафедры лексики и фонетики английского языка: в первую очередь ее научный руководитель Н.М. Сидякова, сотрудники кафедры Е.М. Дианова, О.В. Афанасьева и др. Но особую роль в подготовке кандидатской диссертации сыграл, как с благодарностью вспоминает Наталья Николаевна, заведующий кафедрой Владимир Дмитриевич Аракин. Этот ученый с мировым именем щедро делился своими знаниями с аспирантами кафедры. Он вел кружок шведского языка, юная аспирантка охотно и с большой пользой для себя посещала его занятия. В.Д. Аракин был председателем общества дружбы Швеция – СССР, благодаря этому аспиранты имели возможность встречаться с шведскими журналистами, учеными, писателями, что было редкостью в то время.

В 1983 году Н.Н. Глухова защитила кандидатскую диссертацию по фразеологии трех германских языков, осуществив свою мечту десятого класса, своеобразно «перевыполнив план»: диссертация была посвящена комплексному анализу фразеологизмов, выражающих понятие количества, в английском, немецком и шведском языках.

После окончания аспирантуры Наталья Николаевна вернулась работать в родной пединститут, на ту же кафедру, где она училась и преподавала после окончания вуза. Ее окружали и во всем помогали доброжелательные коллеги – это Л.С. Михайлова, декан факультета, отзывчивый человек, А.Н. Куклина, С.В. Лесина, А.Н. Винокурова, М.В. Семенюк, А.Н. Ляпунова и др.

В 1990 году Н.Н. Глухова перешла на должность старшего научного сотрудника для написания докторской диссертации по стилю и языку марийских заговоров и молитв. Такое резкое изменение интересов было «запланировано», по ее словам, еще в 1977 году и связано с поездкой в Эстонию на защиту кандидатской диссертации по марийской фразеологии Ф.Т. Грачевой. Встречи с эстонскими учеными – с академиком П. Аристэ, проф. Э. Лаугасте, проф. А. Кюннапом определили дальнейшие лингвистические планы Н.Н. Глуховой.

В 1993 году Наталью Николаевну пригласили преподавать в Марийский государственный университет. Работу в этом вузе считает она самой продуктивной в своей жизни. В стенах университета начинается интенсивная и плодотворная исследовательская деятельность.

Многогранна ее научная работа. Н.Н. Глухова – целеустремленный ученый, способный к решению серьезных проблем, творческая личность, обладающая необходимыми для научно-педагогической деятельности качествами. Коллеги нередко называют ее «генератором новых, оригинальных идей».

Основные научные направления Н.Н. Глуховой: общее и сравнительное языкознание, сравнительная типология и фразеология германских языков, языки и фольклор народов России, гендерные исследования в финно-угристике, финно-угорская этнолингвистика, культурная антропология, этнопсихология, лингвокультурология, лингвофольклористика и др. По этим дисциплинам она читает лекции и ведет спецкурсы.

Профессор Н.Н. Глухова является автором более 180 научных работ, среди которых шесть монографий, три из них – в соавторстве, одна – на английском языке. Свыше 40 публикаций вышли в 11 странах на английском языке. Ею изданы 15 учебно-методических пособий и рекомендаций по вопросам методики преподавания и методики научных исследований в области филологии и лингводидактики, среди них: «Методы лингвистических исследований в изучении марийских фольклорных текстов», «Методы типологического исследования», «Методические рекомендации по сравнительной типологии», «Финно-угроведение: материалы для проведения аудиторных занятий», «Грамматические категории глагола неродственных языков» и др.

Научно-исследовательская работа Натальи Николаевны неоднократно субсидировалась грантами отечественных (РГНФ, 1994–1998) и зарубежных фондов (Институт открытого общества, 1999; Центральный Европейский университет, 2005; Институт финноугроведения-уралистики Гамбургского университета, 2010) и др.

Н.Н. Глухова – активный участник международных, всероссийских, республиканских и вузовских научных конференций, конгрессов, симпозиумов и семинаров

по проблемам финно-угроведения и их преподавания в школе и вузе. Она – организатор двух международных конференций в Марийском государственном университетете: «Структура и развитие волжско-финских языков» (1996), «225-летие марийской письменности» (2000). Участвует в редактировании сборников научных трудов и материалов конференций, симпозиумов.

Результаты научно-исследовательской работы Н.Н. Глуховой широко используются в вузовской и школьной практике.

С 1999 по 2012 год профессор Н.Н. Глухова являлась членом специализированного диссертационного совета Д 212.116.01 в ФГБУ ВПО «Марийский государственный университет» по специальности 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские и самодийские языки). Под руководством Н.Н. Глуховой в последние годы защищены четыре кандидатских диссертации по финно-угорскому языкознанию. В 2013 году она избрана экспертом Российского научного гуманитарного фонда (РГНФ), а в 2014 году – экспертом вновь образованного Российского научного фонда (РНФ).

Наталья Николаевна пользуется большим уважением и авторитетом среди студентов и преподавателей университета, научной и педагогической общественности Республики Марий Эл и за ее пределами.

Педагогическая и научная деятельность Н.Н. Глуховой отмечена Почетной грамотой Республики Марий Эл (2002), Почетной грамотой администрации г. Йошкар-Олы (1997), почетными грамотами Марийского государственного педагогического института и Марийского государственного университета (1979, 1985, 1987, 2004).

Мы, ваши коллеги, выражаем Вам, Наталья Николаевна, нашу благодарность и признательность за многолетний, безупречный труд, за подготовку и воспитание молодых специалистов, знаем и ценим Вас как опытного, глубоко профессионального педагога. Ваше трудолюбие, высокое чувство ответственности, требовательности к себе и к окружающим, скромность, порядочность и отзывчивость в отношениях с коллегами вызывают большое уважение всех сотрудников, аспирантов и студентов.

Искренне желаем Вам сохранить на долгие годы молодость души и постоянное стремление к достижению положительных результатов в научно-педагогической деятельности. Крепкого здоровья, счастья, семейного благополучия и творческих успехов во всех Ваших делах.

Олег Сергеев,
Валерий Максимов
Йошкар-Ола

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА ИЗ СУОМИ (К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА С. САРИНЕН)

Сиркка Ауликки Сааринен – один из ведущих финно-угроведов, крупнейший специалист по волжско-финским и пермским языкам, доктор философии, профессор (по финно-угроведению). Она – заведующая кафедрой финно-угорского и общего языкознания (1998–2009), заведующая кафедрой языка и переводоведения университета г. Турку (2010–2012); член редакционной коллегии журналов «Dialectologia et Geolinguistica» (Германия, 1997–2012), «Finnisch-Ugrische Forschungen» (Хельсинки, 1998–), «Ural-Altaische Jahrbücher» (Гёттинген, 2010–), электронного журнала «Finno-Ugric Languages and Linguistics» (2012–); главный редактор журналов «Sananjalka» (Турку, 1998–), «Finnisch-Ugrische Forschungen» (2001–); ответственный за издание Европейского лингвистического атласа с финской стороны (1986–), член правления комитета Европейского лингвистического атласа (1987–), председатель Финского национального комитета Европейского лингвистического атласа (1994–); член правления общества М.А. Кастрена (1990–2012), заместитель председателя общества М.А. Кастрена (2002–2012); член Международного оргкомитета по изучению волжско-финских языков при Туркуском университете (1993–); член правления Общества финского языка (1997–), вице-председатель Общества финского языка (2000–); заместитель председателя Международного диалектологического и геолингвистического общества (1997–2003); второй вице-председатель Финно-угорского общества (2000–), первый вице-председатель Финно-угорского общества (2001–); член Академии наук Финляндии (2002–), секретарь отдела финно-угристики Финской Академии наук (2004–2008), председатель отдела финно-угристики Финской Академии наук (2009–2013); вице-президент «Societas Uralo-Altaica» (2006–); главный редактор словаря «Tscheremissisches Wörterbuch» (1986–2008); член Международного комитета финно-угроведов (1995–), член исполкома Международного ко-

митета конгрессов финно-угроведов (2000–2010), заместитель председателя исполкома Международного комитета конгрессов финно-угроведов (2010–), заместитель председателя комитета конгрессов финно-угроведов Финляндии (1995–2000. 2010–), председатель комитета конгрессов финно-угроведов Финляндии (2000–2010).

Сиркка Сааринен является продолжателем научной школы марийского языка профессора Алхо Алхониеми в университете г. Турку. Ею опубликовано около 300 научных работ и учебно-методических пособий, из них – девять монографий. В своих исследованиях она, опираясь на новейшие достижения общей лингвистики и финно-угроведения, скрупулезно изучает вопросы волжских, пермских, венгерского и, конечно, родного финского языков. Фундаментальные работы талантливого ученого известны как в Финляндии, так и за пределами.

Юбиляр родился 21 декабря 1954 года на юге-западе Финляндии, в устье реки Аура в г. Турку. После школы училась в гимназии. С 15 лет стала интересоваться финно-угроведением. Любовь к этой науке пробудила статья, опубликованная в газете «Helsingin sanomat» о немецком ученом Мартине Фогеле (1635–1675), который исследовал финно-угорские языки. Сиркка стала самостоятельно изучать финно-угорские языки. Уже в школьные годы владела, кроме родного финского языка, шведским, немецким, английским и латинским. В настоящее время, помимо них, хорошо владеет французским, русским, венгерским, эстонским, мордовским, удмуртским, коми и марийским языками. Свободно говорит и пишет на немецком, английском, шведском, венгерском и русском языках.

Весной 1974 года сдала экзамен на аттестат зрелости. В этом же году поступила в знаменитый университет г. Турку. С июня 1979 года С. Саринен – магистр философии. В магистратуре успешно изучала финно-угорское языкознание (laudatur, отличные знания), фольклористику (cum laude approbatur, хорошие знания), русский язык и литературу (approbatur, хорошие знания), религиоведение (approbatur, хорошие знания), теоретическую философию (approbatur, хорошие знания).

Следующим этапом в биографии С. Саринен является усиленная учеба в Туркуском университете русского языка и литературы (cum laude approbatur, май 1982 г.), по которым она показала хорошие знания. Проявила очень хорошие знания по таким курсам, как охрана окружающей среды (approbatur, май 1986 г.) и фольклористика (laudatur, май 1987 г.).

28 февраля 1990 года защитила лицензиатскую работу по финно-угорскому языкознанию.

16 октября 1991 году в Туркуском университете Сиркка Саринен блестяще (eximia cum laude approbatur) защитила диссертацию на тему «Marilaisen arvoituksen kielioppi», 16 октября этого же года диссертация была одобрена. 30 октября 1991 года молодая исследовательница стала доктором философии.

Свою трудовую деятельность С. Саринен начала в 1976 году на кафедре финского языкознания Туркуского университета, где она работала стипендиатом Финно-угорского общества и редактировала марийские рукописные материалы соотечественника Ю. Вихманна, собранные в начале XX века среди марийцев. С 1 сен-

тября 1979 года по 31 июля 1981 года замещала должность временно исполняющего обязанности ассистента кафедры финно-угорского языкознания. С 1 сентября 1981 года по 30 ноября 1986 года являлась исследователем, а с 1 января 1986 года по 1998 год главным научным сотрудником Центра исследования языков Финляндии. Здесь в течение 17 лет кропотливо занималась над проектом «Tscheremissisches Wörterbuch». Работа завершена в 2008 году, и марийский диалектный словарь, составленный ею совместно с Арто Мойсио, издан в Хельсинки. С 1 января 1997 года является профессором университета г. Турку (область – финно-угроведение).

Научная деятельность профессора С. Сааринен весьма многогранна. Она распространяется на различные области финно-угорского языкознания.

В своей докторской диссертации на тему «Грамматика марийских загадок» С. Сааринен подвергла тщательному анализу 951 загадку. Фактической базой для исследования послужили фольклорные тексты знаменитого марийского этнографа и краеведа Т. Евсеева. В работе выявлены такие особенности марийских загадок, как обилие в них подражательных слов и идеофонов, их метафоричность и нереалистичность.

Огромен вклад С. Сааринен в исследование марийских диалектов. По проблемам диалектологии марийского языка она часто выступала на научных форумах разного уровня. Из-под ее пера вышли весьма интересные работы «Die Dialekte des Tscheremissischen: Einteilung und Klassifizierungskriterien» (1985), «Stand der Erforschung der tscheremissischen Dialekte» (1990) и др. Несомненно, крупным достижением является словарь «Tscheremissisches Wurterbuch», написанный совместно с А. Мойсио. В него вошли марийские диалектные материалы конца XIX – первой половины XX вв., собранные В. Поркка, А. Генецом, Ю. Вихманном, М. Рясяненом, Т. Уотила и Э. Итконеном. Словарь дает четкую картину говоров марийского языка того времени. Этому немало способствовало и сохранение графического оформления первоисточников, на что не зря обратил внимание венгерский исследователь марийского языка Г. Берецки: «А. Мойсио и С. Сааринен в основном сохранили фонетическую транскрипцию своих источников. Их модификации незначительны и служат унификации подачи материала».

К сфере научных интересов С. Сааринен относятся также морфология и синтаксис марийского языка. В таких работах, как «Ns. Marginaaliset sijat marin sijasysteemissä» (1993), «Diachronische Variation in der morphologischen Beschreibung der tscheremissischen Sprache» (1999), «Marin lainaperäiset postpositiot» (2003), «Die lativischen Postpositionen im Mari» (2005), «Die Nominalkategorie und das Postpositionssystem der Wolgasprachen» (2005), «Die entlehnten Wortbildungssuffixe in der ost- und in der westmarischen Schriftsprache» (2005), «Entwicklungestendenzen der Postpositiossysteme im Mari und im Mordwinischen» (2007), «Über dialektale Variation der Postpositionen im Mari» (2012) и других, глубоко освещены вопросы различных грамматических категорий марийского языка, о послеложных конструкциях и их вариациях в диалектах, роли личных местоимений, заимствованных словообразовательных суффиксах. Отдельные статьи юбиляра посвящены проблемам совре-

менного марийского литературного языка и языковым контактам: «Marin kirjakielen kehitys» (1984), «Volgalaiskielten sanaston nykytilasta» (1994), «Language Contacts in the Volga Region: Loan Suffixes and Calques in Mari and Udmurt» (1997), «Тюрко-татарские заимствования в марийском и удмуртском языках» (1999), «Sprachgesetze und Neologismenbildung bei den wolgaischen und permischen Völkern» (2003), «Роль суффиксального словообразования в формировании литературного языка» (2004).

Как зарубежный исследователь, профессор С. Саариnен активно занимается популяризацией марийского языка в мире. Об этом свидетельствуют, например, следующие ее публикации: «Mari el eller Marilandet» (1992), «Säilyttävätkö marit kielensä?» (2007), «Suomalais-ugrilaiset kielet Venäjällä nyt. Volgan mutkasta Siperiian. Sukulaiskansat tämän päivän Venäjällä» (2012). Она является автором словарных статей о марийцах в ряде иностранных энциклопедий: «Tscheremissisch» (Klagenfurt, 2002), «Tscheremissen» (Berlin–New York, 2010), «Maris» (Santa Barbara, Denver, Oxford, 2011).

С. Саариnен часто выступает в качестве рецензента новых изданий по марийскому языку. Ею написаны объективные содержательные рецензии на монографию А.А. Саватковой «Горное наречие марийского языка» (2003–2004), словарь И.Г. Иванова «Мутвундынам пойдарена. У мут-влак мутер» (2004). Высокая оценка дана ею первому тому «Словаря марийского языка» (1992). Положительный отзыв нашли учебники и монографии зарубежных исследователей марийского языка и истории А. Алхониеми (1994), Й. Луутонена (1999), А. Хессельбака (2002), С. Лауллукка (2004).

Значительную работу она проводит по составлению и редактированию коллективных сборников. Наиболее ценными являются лингвистические, фольклорные и этнографические материалы марийского языка Ю. Вихманна, подготовленные к изданию совместно с профессором А. Алхониеми (1978). Вместе с А. Алхониеми составила и выпустила первые два тома фольклорных и этнографических материалов нашего земляка Т. Евсеева, хранящихся в архиве Финно-угорского общества, и отредактировала последние два тома («Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissischen» I–IV, Helsinki: 1983, 1989, 1992, 1994 – MSFOu 184:212 S., 199:313 S., 211:237 S., 219:448 S.). В этих томах нашли место сказки, сказания и народные байки, молитвы и заклинания, толкования снов, пословицы, стихи-насмешки и загадки, песни.

С. Саариnен активно участвует в академическом и научно-педагогическом сотрудничестве финно-угорских вузов и научных центров. Благодаря ей продолжается начатый еще профессором А. Алхониеми обмен аспирантами, преподавателями российских вузов в финно-угорских регионах. По приглашению кафедры лекторы из Республики Марий Эл, Республики Коми, Мордовской Республики и Удмуртской Республики преподают свой родной язык в университетах гг. Турку и Хельсинки, а лекторы из Туркуского и Хельсинского университетов – финский язык в вузах России.

С. Саариnен часто приглашают для чтения лекций в зарубежные учебные центры. С большим интересом слушали ее глубокие и содержательные лекции студен-

ты и преподаватели Мюнхенского, Гёттингенского университетов Германии, университета г. Уппсала Швеции, Сегедского университета Венгрии, Киевского лингвистического университета, Удмуртского и Сыктывкарского государственных университетов России.

Профессор С. Сааринен является кавалером ордена Белой Розы Финляндии I степени (2008), почетным профессором Удмуртского государственного университета (2012). За большую и плодотворную работу она награждена Офицерским крестом Венгерского ордена заслуг (2013).

Коллеги и многочисленные друзья от всей души поздравляют уважаемого профессора с юбилеем и желают ей крепкого здоровья, творческих успехов в дальнейшей научной и педагогической деятельности.

Hyvää syntymäpäivää, kunnianarvoinen professori! Шочмо кечыда дене, пагалыме профессор! Кужу ӱмыран, таза лийза! Марий йылме шанче Тендан дене кугешна!

ПУБЛИКАЦИИ С. СААРИНЕН О МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

МОНОГРАФИИ

1. Marilaisen arvoituksen kielioppi. (Väitöskija) Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia 210. Helsinki 1991. 184 s.

2. Tscheremissisches Wörterbuch. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXXII. Helsinki 2008. XIX+924 S. (Arto Moision kanssa).

СТАТЬИ

1. Marin kirjakielen kehitys. Teoksessa: Puhuttu kieli, kirjoitettu kieli ja kielen muutos. Suomen kielitieteellisen yhdistyksen julkaisuja 12. Turku 1984.

2. Die Dialekte des Tscheremissischen: Einteilung und Klassifizierungskriterien. Teoksessa: Dialectologia Uralica. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, Band 20. Wiesbaden 1985.

3. Über einige tscheremissische Enklitika. Ural-Altaische Jahrbücher, Neue Folge Band 6. Wiesbaden 1986.

4. Über Bedeutung und Funktion der modifizierenden Verbalsuffixe im Tscheremissischen. Teoksessa: Papers on Derivation in Uralic. Szegeder und Turkuer Beiträge zur uralischen Derivation. Studia Uralo-Altaica 28. Szeged 1987.

5. Loputtomaan pylvääseen kiipeän pää ylösalaisin: marilaisten arvoitusten rakenne. Sananjalka 29. Turku 1987.

6. F.J. Wiedemann volgalaisten ja permiläisten kielten tutkijana. Teoksessa: Ferdinand Johann Wiedemannin muisto. Castrenianumin toimitteita 31. Helsinki 1989.

7. Stand der Erforschung der tscheremissischen Dialekte. Teoksessa: Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum: «Dialectologia Uralica». Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica Heft 10. Hamburg 1990.

8. Mittel der Koordination von zwei Nomina in den wolgafinnischen Sprachen. Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum 3C. Sessiones sectionum. Debrecen 1990.

9. Ferdinand Johann Wiedemann als Erforscher der wolgaischen Sprachen. Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge Band 9. Wiesbaden 1990.

10. Karakteristiska drag i tjeremissiskan. Fenno-Ugrica Suecana Nr 10. Stockholm 1991.

11. Volgalaiskielet vallan alta. Teoksessa: Kieli, valta ja eriarvoisuus. Kieli 6. Helsinki 1991.

12. Typological Differences between the Volgaic Languages. Suomen kielitieteellisen yhdistyksen vuosikirja. Helsinki 1991.

13. Die Sprache der tscheremissischen Gebete. Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge Band 11. Wiesbaden 1992.

14. Marilaisen arvoituksen metaforat. Teoksessa: Metafora. Ikkuna kieleen, mieleen ja kulttuuriin. Suomi 162. Helsinki 1992.

15. Ns. Marginaaliset sijat marin sijasysteemissä. Teoksessa: Systeemi ja poikkeama. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 42. Turku 1993.

16. Zu den sprachlichen Besonderheiten der tscheremissischen Rätsel. Nyelvtudományi Közlemények, 91. Kötet. Budapest 1990.

17. Vuorimarilaista eron lyriikkaa. Festschrift für Raja Bartens zum 25.10.1993. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 215. Helsinki 1993.

18. Volgalaiskielten sanaston nykytilasta. Teoksessa: Volgalaiskielet muutoksessa – Izmenenija v volzhkih jazykah. Turun yliopiston suomalaisen ja kielitieteen laitoksen julkaisuja 45. Turku 1994

19. On the present state of the Mari lexicon. Resume: Voprosy leksiki marijskogo jazyka. Teoksessa: Zur Frage der uralischen Schriftsprachen. Red. Gábor Zaicz. Linguistica series A. studia et dissertationes 17. Budapest 1995.

20. Zur Entwicklung der morphophonologischen Beschreibung des Ceremissischen. Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Band 18/19. Hrsg. Von István Futaky. Hamburg 1996.

21. Language Contacts in the Volga Region: Loan Suffixes and Calques in Mari and Udmurt. Teoksessa: Language in Time and Space. Studies in Honour of Wolfgang Viereck on the Occasion of his 60th Birthday. Ed. by Heinrich Ramisch and Kenneth Wynne. Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, Beihefte. Stuttgart 1997.

22. Borrowed vocabulary in Mari and Udmurt dialects. Teoksessa: Finnisch-ugrische Sprachen in Kontakt. Hrsg. Sirkka-Liisa Hahmo, Tette Hofstra, László Honti, Paul van Linde, Osmo Nikkil?. Maastricht 1997.

23. Структура и развитие волжско-финских языков // Финно-угроведение. – 1997. – № 3.

24. Словообразовательная архитектоника в волжских языках: диахронная перспектива // Словообразовательная архитектоника в волжско-финских языках. Материалы международного научного симпозиума. – Саранск, 1999.

25. Diachronische Variation in der morphologischen Beschreibung der tscheremissischen Sprache. Teoksessa: Diachronie in der synchronen Sprachbeshreibung. Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, Heft 21. Hamburg 1999.

26. Тюрко-татарские заимствования в марийском и удмуртском языках // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии. – Ижевск, 1999.

27. The Mari Dough-hero. Teoksessa: Telling, remembering, interpreting, guessing. Kultaneito III. Suomen Kansantietouden Tutkijain Seura. Joensuu 2000.

28. Diachronische Variation in der morphologischen Beschreibung der tscheremissischen Sprache. Finnisch-Ugrische Mitteilungen, Band 23. Helmut Buske Verlag 2001.

29. Фреквентативность (многократность) в марийском и удмуртском языках // Пермистика 5. – Ижевск, 2002.

30. Marin lainaperäiset postpositiot. Teoksessa: Permistica et uralica. Ünnepi könyv Csúcs Sándor tiszteletére. Fenno-Ugrica Pázmániensia I. Piliscsaba 2003.

31. Miteinander verflochtene Ausläufer: zur Problematik der auf / anlautenden Wörter im Tscheremissischen. Teoksessa: Ünnepi kötet Honti László tiszteletére. Szerk. Bakró-Nagy Marianne – Rédei Károly. Budapest 2003.

32. Sprachgesetze und Neologismenbildung bei den wolgaischen und permischen Völkern. Teoksessa: Die ural-altaischen Völker. Identität im Wandel zwischen Tradition und Moderne. Hrsg.

von Gerson Klumpp und Michael Knüppel. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica Band 63. Wiesbaden 2003.

33. A cseremisz (mari) nyelv distributiv helyviszonyt jelölö névutói. Nyelvtudományi Közlemények 100. Budapest 2003 (2004).

34. Роль суффиксального словообразования в формировании литературного языка // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья. – Ижевск, 2004.

35. Die lativischen Postpositionen im Mari. Teoksessa: Lihkkun lehkos! Beiträge zur Finnougristik aus Anlass des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica Band 65. Wiesbaden 2005.

36. Die Nominalkategorie und das Postpositionssystem der Wolgasprachen. Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Orationes plenariae. Joshkar-Ola 2005.

37. Die entlehnten Wortbildungssuffixe in der ost- und in der westmarischen Schriftsprache. Teoksessa: Mari und Mordwinen im heutigen Russland. Sprache, Kultur, Identität. Hrsg. von Eugeny Helimski, Ulrike Kahrs und Monika Schötschel. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica Band 66. Wiesbaden 2005.

38. Entwicklungestendenzen der Postpositiossysteme im Mari und im Mordwinischen. Incontri Linguistici 30. Pisa – Roma 2007.

39. Das marische Personennamensystem. Europäische Personennamensysteme. Ein Handbuch von Abasisch bis Zentralladinisch. Hrsg. von Andrea Brendler und Silvio Brendler. Hamburg 2007.

40. Sanaston variaatio volgalaisissa ja permiläisessä kielissä Euroopan kielikartaston materiaalin valossa. – Kodukeel ja keele kodu. Home language and the home of a language. Pühendusteos Helmi Neetarile 75. sünnipäevaks 29. januaari 2009. Eesti Keele Instituudi Toimetised 13. Tallinn 2009.

41. Timofej Jevsevjev – marilaisen perinteen tallentaja. Kenttäretkistä tutkimustiedoksi. Uralica Helsingiensia 4. Helsinki 2010.

42. Marin sanaston alkuperästä. Sanoista kirjakieliin. Juhlakirja Kaisa Häkkiselle 17. marraskuuta 2010. Toim. Sirkka Saarinen, Kirsti Siitonen ja Tanja Vaittinen. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 259. Helsinki 2010.

43. Negation in Mari. Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VI, Dissertationes symposiorum ad linguisticam. Piliscsaba 2011.

44. Находятся ли волжские и пермские языки под угрозой? // Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития). Материалы VIII Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья». – Йошкар-Ола: МарГУ, 2011.

45. Suomalais-ugrilaiset kielet Venäjällä nyt. Volgan mutkasta Siperiaan. Sukulaiskansat tämän päivän Venäjällä. Toim. Ildikó Lehtinen. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki 2012, s. 12–25.

46. Finno-Ugric languages in Russia today. From the Volga to Siberia. The Finno-Ugric Peoples in Today's Russia. The Finnish Literature Society. Helsinki 2012.

47. Вариация в послеложной системе волжских языков // Чувашская письменность: история и современность. – Чебоксары, 2012.

48. Über dialektale Variation der Postpositionen im Mari. Lapponicae investigationes et uralicae. Festschrift zum 65. Geburtsttag von Lars-Gunnar Larsson. Hrsg. Eberhard Winkler, Hans-Hermann Bartens und Cornelius Hasselblatt. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica Band 82. Wiesbaden 2012.

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

49. Myrskyn lehto. Marien kulttuurin vaiheita. Elias 3/1989.

50. Research into the Volgaic Languages in Finland. Teoksessa: Problems of Uralistics. Vol. I. Moscow 1990.

51. Mari el eller Marilandet. Teoksessa: Gamla folk och nya stater. Det upplösta sovjetimperiet. Red. av Sven Gustavsson och Ingvar Svanberg. Stockholm 1992.

52. Язык и культура уральских народов // Финно-угорский вестник. информационный бюллетень. № 2. – Йошкар-Ола. 2000.

53. Tscheremissisch. Wieser Enzyklopedia des europäischen Ostens. Band 10. Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt 2002.

54. Juri Anduganov 1949-2005. Finnish-Ugrische Forschungen 58. Helsinki 2004.

55. Säilyttävätkö marit kielensä? Alio Helsingin sanomissa 02.08.2007.

56. Tscheremissen. Enzyklopedie des Märchens. Hadwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Band 13. Lieferung 3: 987–991. Walter de Gruyter, Berlin-New York 2010.

57. Maris. In: Ethnic Groups of Europe. An Encyclopedia. Ed. By Jeffrey E. Cole. Ethnic Groups of the World. ABC-CLIO. Santa Barbara, Denver, Oxford 2011.

58. Ivan Galkin 1930–2010. Finnish-Ugrische Forschungen 61. Helsinki 2012.

59. Ivan Ivanov 1935–2012. Finnish-Ugrische Forschungen 61. Helsinki 2012.

60. Lidija Vasikova 1927–2012. Finnish-Ugrische Forschungen 61. Helsinki 2012.

РЕЦЕНЗИИ

61. Slovar' marijskogo jazyka – Marij muter I. Arvostelu. Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge Band 11. Wiesbaden 1992.

62. Alhoniemi, Alho: Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Arvostelu. Ural-Altaische Jahrbücher, Neue Folge Band 13. Wiesbaden 1994.

63. Areaalinen näkökulma Volgan alueen kieliin. Arvostelu Walter Wintschalekin teoksesta. Die Areallinguistik am Beispiel syntaktischer Übereinstimmungen im Wolga-Kama-Areal. Sananjalka 37. Turku 1995.

64. Die rätselhafte Reihenfolge von Morphemen. Arvostelu teoksesta Jorma Luutonen: The Variation of Morpheme Order in Mari Declension. Finnish-Ugrische Forschungen 55. Helsinki 1999.

65. Der Einfl3uss der türkischen Sprachen auf das Tscheremissische. Arvostelu teoksesta André Hesselbäk: Tatariska och tjuvassiska kodkopier i mariskan. Finnish-Ugrische Forschungen 57. – Helsinki 2002.

66. Arvostelu teoksesta A.A. Savatkova, Gornoe narechie marijskogo jazyka. Ural-Altaische Jahrbücher N.F. 18 Wiesbaden 2003/2004.

67. Die Mari in der Diaspora. Arvostelu teoksesta Seppo Lallukka. From Fugitive Peasants to Diaspora. The Eastern mari in Tsarist and Federal Russia. Finnish-Ugrische Forschungen 58. Helsinki 2004.

68 Kurzrezension: I.G. Ivanov, Mutwundynam pojdarena. U mut-wlak muter. Finnish-Ugrische Forschungen 58. Helsinki 2004.

РЕДАКТИРОВАНИЕ, ПЕРЕВОД

69. Tscheremissische Sätze gesammelt von Yrjö Wichmann. Herausgegeben von Alho Alhoniemi und Sirkka Saarinen. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 163. Helsinki 1978. 343 s.

70. Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissischen I. Märchen, Sagen und Volkserzählungen. Herausgegeben von Alho Alhoniemi und Sirkka Saarinen. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 184. Helsinki 1983. 212 s.

71. Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissischen II. Vorzeichen, Traumdeutungen, Sprichwörter, Spottverse und Rätsel. Herausgegeben von Alho Alhoniemi und Sirkka Saarinen. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 199. Helsinki 1989. 313 s.

72. Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissischen III. Gebete und Zaubersprüche. Herausgegeben von Sirkka Saarinen. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 211. Helsinki 1992. 237 s.

73. Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissischen IV. Lieder. Herausgegeben von Sirkka Saarinen. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 219. Helsinki 1994. 448 s.

Серафима Сибатрова
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ М.Н. КУЗНЕЦОВОЙ

9 мая этого года отметила свой юбилей известный марийский лингвист Маргарита Нифонтовна Кузнецова, магистр философии (Эстония, 1991), кандидат филологических наук (Россия, 1993), доктор философии (Венгрия, 2008). Она является автором более 80 публикаций по проблемам марийской лексикологии, грамматики, диалектологии, литературного языка, написанных на русском, немецком и венгерском языках, в том числе нескольких отдельных изданий научно-исследовательского, лексикографического, учебно-методического характера. Однако в финно-угорском научном мире ее широко знают прежде всего как одного из редакторов девятитомного «Словаря марийских диалектов» Э. Беке (Венгрия, Сомбатхей, 1997–2001).

Родилась М.Н. Кузнецова в 1954 году в деревне Чекеево Горномарийского района Марийской АССР. После окончания Пертнурской средней школы училась на факультете немецкого языка Горьковского государственного педагогического института иностранных языков им. Н.А. Добролюбова (1971–1976). Она, еще в школьные годы проявила себя в спорте, была включена в сборную команду института по легкой атлетике, за успехи в спорте не раз награждалась ценными подарками и грамотами.

Закончив вуз, Маргарита Нифонтовна три года проработала по специальности в Крайнешнмарской средней школе Горномарийского района и в ГПТУ №10 г. Козьмодемьянска (1976–1979). В первые же годы работы показала себя превосходным педагогом, инициативно и с душой подходящим к своей профессиональной деятельности. Об этом свидетельствует, например, то, что ее ученики занимали призовые места не только на школьных, но и на районных олимпиадах по иностранным языкам.

В 1979 году М.Н. Кузнецова перешла на работу в Марийский государственный университет, стала преподавателем немецкого языка на кафедре иностранных язы-

ков, одновременно являлась старшим лаборантом кафедры марийского языка и литературы. К занятиям и общественным обязанностям всегда относилась очень ответственно, творчески, за что коллеги и студенты уважали, ценили ее. За активное участие в общественной, профсоюзной и спортивной жизни университета неоднократно отмечалась поощрениями ректората и профкома.

Работа в качестве лаборанта на кафедре марийского языка и литературы, ежедневное общение с известными марийскими филологами сыграли важную роль в дальнейшей жизни Маргариты Нифонтовны. В 1987 году она поступила в очную аспирантуру Тартуского университета (Эстония). Под руководством крупного эстонского лингвиста профессора П. Алвре написала кандидатскую диссертацию на тему «Названия диких и домашних животных в марийском языке», которую успешно защитила в 1991 г. В работе впервые подвергнуты подробному историко-этимологическому, лингвогеографическому и словообразовательно-семантическому анализу более 400 марийских зоонимов. Надо заметить, М.Н. Кузнецова стала первым магистром философии в Республике Марий Эл (в Эстонии после ее выхода из состава СССР была введена европейская градация ученых степеней). В годы учебы в аспирантуре вела занятия по марийскому языку, культуре и истории марийского народа в первой марийской воскресной школе в Таллинне, также была участницей общественного движения «Форум народов Эстонии».

С 1992 по 2009 год на основе соглашения о сотрудничестве между областью Ваш (Венгрия) и Республикой Марий Эл М.Н. Кузнецова работала на кафедре уральской филологии педагогического института им. Даниэла Бержени (позже: кампуса «Савария» Западновенгерского университета) (Сомбатхей, Венгрия). С самого начала активно включилась в научно-исследовательскую, а через некоторое время и в преподавательскую деятельность кафедры. В течение многих лет занималась редактированием и подготовкой к печати самого крупного диалектного словаря марийского языка, составленного венгерским академиком Эденом Беке. Благодаря превосходному знанию родного и немецкого языков и довольно быстрому овладению венгерским языком и компьютерной техникой она была единственным специалистом, который смог выполнить такую сложную и ответственную работу. После выхода словаря в свет упорный труд составителей, редакторов и издателей был высоко оценен венгерским и марийским обществом. М.Н. Кузнецова «за эффективную работу в редактировании словаря, за высокий уровень научной деятельности и за заслуги в развитии дружбы между марийским и венгерским народами, сородичами по языку» была награждена Генеральной Ассамблеей области Ваш почетной грамотой и юбилейной серебряной медалью «Тысячелетие венгерской государственности» (2001), «за активную деятельность в интересах института» была отмечена почетной грамотой ректора института им. Д. Бержени (2002), а в 2003 году она вместе с Эденом Беке (посмертно) и другими членами редакционной коллегии Габором Берецки и Яношем Пустаи удостоена звания лауреата Государственной премии Республики Марий Эл им. М.Н. Янтемира.

Одновременно с работой по подготовке к изданию марийского диалектного словаря Маргарита Нифонтовна участвовала в редактировании и других томов серии «Bibliotheca Ceremissica», а также двух томов серии «Vocabularia Terminologiæ» и пяти томов серии «Specimina Sibirica», издаваемых кафедрой. Так, в серии «Bibliotheca Ceremissica» под ее редакцией, помимо марийского диалектного словаря, выпущена монография А.А. Саватковой «Горное наречие марийского языка» (2002) (была разработана в стенах МарНИИЯЛИ), в серии «Vocabularia Terminologiæ» – «Словарь лингвистических терминов марийского языка», составленный на кафедре марийского языка Марийского университета под руководством И.Г. Иванова (2005), «Словарь цветообозначающих слов современного марийского языка», составленный З.С. Артюшкиной и И.Г. Ивановым (2008).

Параллельно с работой над словарем Э. Беке и другими изданиями кафедры М.Н. Кузнецова продуктивно занималась исследованием актуальных вопросов марийского языкознания, в частности, марийско-венгерскими контрастивными исследованиями. Результаты таких изысканий освещены в многочисленных публикациях и представлены на международных конгрессах, симпозиумах, конференциях, состоявшихся в разных странах (Россия, Венгрия, Германия, Австрия, Швеция, Эстония, Финляндия). Маргарита Нифонтовна написала отдельные главы в книгах «Finnugor kalauz» («Финно-угорский путеводитель») (Будапешт, 1998, 2001), «A Volga-Káma-Vidék finnugor népei» («Финно-угорские народы Волго-Камского региона») (Сомбатхей, 2005). Кроме того, в годы пребывания в Венгрии подготовила и опубликовала первый марийско-венгерский словарь (Сомбатхей, 2003) и первый марийско-эстонский разговорник «Эстонла кутыралтена мо?» (Йошкар-Ола, 2007). Принимала непосредственное участие в подготовке ряда международных конференций, проведенных кафедрой уральской филологии института им. Д. Бержени.

В институте Маргарита Нифонтовна занималась и педагогической деятельностью, преподавала студентам отделения уралистики марийский язык и культуру марийского народа, контрастивную лингвистику, а также историю, этнографию, фольклор и литературу финно-угорских народов Российской Федерации. Помимо этого, с большим удовольствием выступала с докладами научно-популярного характера перед студентами и школьниками.

В Венгрии М.Н. Кузнецовой нередко приходилось работать в качестве переводчика с эстонского, немецкого, венгерского языков на русский и наоборт. Она часто сопровождала международные делегации, организовывала учебно-ознакомительные поездки студентов кампуса «Савария» и университета города Геттингена, изучающих финно-угорские языки, в Республику Марий Эл, чем способствовала расширению международных связей республики, в том числе Марийского госуниверситета с зарубежными вузами.

Начиная с сентября 2009 года М.Н. Кузнецова работает в стенах родного Марийского государственного университета. В 2009–2012 годах преподавала венгерский и немецкий языки на факультете международных отношений, в 2012–2014 годах – венгерский и латинский языки, а также дисциплины, связанные с проблема-

ми финно-угроведения, в институте финно-угроведения (с июня 2013 года институт национальной культуры и межкультурной коммуникации). Помимо преподавательской, она довольно плодотворно занималась научно-исследовательской деятельностью. В последние годы издала две книги – монографию «Названия диких и домашних животных в марийском языке» (Йошкар-Ола, 2010), написанную на основе кандидатской диссертации, и учебное пособие для вузов «Венгерский язык» (Йошкар-Ола, 2014), где представлены краткая характеристика и основные грамматические правила венгерского языка, а также содержательный лингвострановедческий материал. Находится в печати подготовленное ею весьма интересное учебное пособие «Венгерские финно-угроведы и вопросы марийского языкознания. Часть первая: Эден Беке и «Марийский диалектный словарь».

В 2014 году за значительные заслуги в развитии науки и образования, а также за активную общественную деятельность Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл наградило Маргариту Нифонтовну Кузнецову памятной медалью «Сергей Чавайн 1888–1937 – Служение народу».

Своей лексикографической, научно-исследовательской и педагогической деятельностью Маргарита Нифонтовна Кузнецова внесла существенный вклад в марийское и во все финно-угорское языкознание, в дело подготовки молодых кадров для финно-угроведения. Коллеги желают ей доброго здоровья и новых достижений на научном поприще.

«Финно-угроведение», 2014, № 2

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ С.П. МАНАЕВОЙ-ЧЕСНОКОВОЙ

Софья Петровна Манаева-Чеснокова известная в финно-угорском мире исследовательница. Она критик-литературовед, достигла успехов и своей переводческой деятельностью. Много лет работала научным сотрудником отдела литературы МарНИИЯЛИ, многие годы преподавала курс истории марийской литературы и финского языка студентам МарГУ и МГПИ им.Н.К.Крупской, учила детей в школе, была заведующей литературно-драматической частью Марийского национального театра драмы им.М.Шкетана. В настоящее время Софья Петровна живет и работает в Финляндии, занимается любимым делом – преподает финский язык. Успешно работает над переводами с марийского на финский, с финского на марийский, русские языки, переводит поэтические произведения марийских и финских авторов.

Одаренная девочка, будущая исследовательница Соня родилась 9 августа 1959 г. в Башкириской АССР в Дюртюлинском районе, д.Байгильдино (Елтек) в семье Манаева Петра Баировича и Манаевой Менас Калямовны. Родители вырастили и дали образование трем дочерям, из которых Соня была старшей. Деревня эта находится на возвышенности, в удивительно красивом и живописном месте, откуда видны прекрасные просторы, виды на реку Белую, которые просто завораживают. Селение окружает несколько озер. Именно здесь зародилась ее любовь к литературе и поэзии, к культуре родного народа. В этом же селении родился известный марийский писатель, драматург, критик-литературовед Ахмет Асылбаевич Асылбаев (1912–1997), произведения которого тоже оказали влияние на выбор ее профессии.

В воспитании детей большую роль сыграли дедушка и бабушка – родители отца, которые знакомили их с фольклором, историей, культурой местных марийцев, богатством родного языка. В семье всегда содержали пчел. Сестры с детства были знакомы с деревенским трудом, во всех домашних делах помогали родите-

лям. Несомненно, в том, что Соня всегда любила марийский язык, литературу и фольклор, сыграли ее родственники, это она впитала с молоком матери. Мать Сони – Менас Калямовна замечательная красивая женщина, труженица и талантливая мастерица по ткачеству паласов.

В 1966 г. Соня поступила в Байгильдинскую восьмилетнюю школу. В 1974 г. успешно ее закончила и стала студенткой Благовещенского педагогического училища, где одним из основных предметов был марийский язык и литература. В 1978 г. по рекомендации писателя А.Юзыкайна она поступила в Литературный институт им. А.М.Горького на переводческое отделение. Студенческие годы самые счастливые, с одной стороны, в Москве было очень интересно учиться, и жизнь была насыщена событиями, но надо было успевать в учебе. Здесь у нее и возник большой интерес к финскому языку, его преподавали в институте. В 1983 г. она окончила институт по специальности «литературная работа (переводчик художественной литературы)». Ее как молодого специалиста направили в МарНИИ в Йошкар-Олу, где она начала свою трудовую деятельность с 3 августа 1983 г. в качестве младшего научного сотрудника в отделе литературы. Софья Петровна с интересом и энтузиазмом начала свою научную деятельность, в институте проявила себя как целеустремленный, талантливый сотрудник. Она активно участвовала в жизни института, добросовестно выполняла все поручения администрации. Она разрабатывала тему «Современная марийская поэзия». Часто публиковалась в периодической печати со статьями и рецензиями по вопросам развития литературы и искусства.

В 1989–1993 гг. С.П.Чеснокова-Манаева обучается в аспирантуре, магистратуре Тартуского государственного университета под научным руководством доктора филологических наук, профессора К. Муру. С 01. 09.1994 по 31.08. 1997 г. обучалась в докторантуре Тартуского университета при кафедре эстонской литературы. В 1998 г в Тарту защитила докторскую диссертацию по философии на тему «Марийская поэма» и опубликовала одноименную монографию (Марийская поэма: диссертация. – Тарту. 1998. 164с.). Значительное место в этом исследовании отведено лирико-эпическому творчеству Олыка Ипая, Яныша Ялкайна, С.Чавайна, О.Шабдара, В.Колумба и др.

После окончания докторантуры продолжала работать в МарНИИ, с 2001 г. в МарГУ и занималась научными исследованиями творчества марийских поэтов и прозаиков. Ее перу принадлежат работы по изучению творчества поэтов В.Бояриновой, А.Степанова, Ю.Чавайна, М.Казакова, Г.Матюковского, А.Тимиркаева, А.Ивановой, В.Изиляновой, С.Николаева, В.Регеж-Горохова, З.Дудиной, А.Мокеевой, Г.Сабанцева, С.Эсауловой и др. В 2006 г. она опубликовала монографию «Художественный мир марийской поэзии».

Софья Петровна – человек многранный, неравнодушный к научным и общественным делам. Она многократно совершенствовала знание финского языка на курсах финского языка и культуры. В 2004–2007 гг. возглавляла Финское общество в Республике Марий Эл, работала гидом-переводчиком в группах финских туристов. Большую роль сыграла в переводе «Калевалы» на марий-

ский язык и в постановке в Марийском государственном театре драмы финским режиссером Паво Лиски.

С.П.Чеснокова-Манаева немало труда вложила в перевод поэзии Лены Лаулаянен, Сирки Туркканат, их произведения были опубликованы на марийском языке. Переводческую работу она продолжает и в настоящее время, не отказывается от общественной работы, находясь за рубежом. Софья Петровна от природы одарена многими талантами – любовью к поэзии, великолепным чувством вкуса и меры, умением общаться с разными людьми, сочувствовать и помогать в разных ситуациях многочисленным друзьям и знакомым. Она всегда с радостью встречает и провожает своих марийских земляков в Финляндии.

Вклад Софьи Петровны в развитие марийского литературоведения высоко оценен. Она награждена памятной медалью «Йван Кырля 1909-2009», Почетной грамотой Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Почетной грамотой Государственного собрания Республики Марий Эл.

Марийская общественность и редколлегия журнала «Финно-угроведение» сердечно поздравляют Софью Петровну со славным юбилеем и от души желают ей творческих успехов во всех делах, здоровья, исполнения всех желаний. Пусть Вам всегда сопутствует успех, удача, любовь родных и близких!

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. Matkat udmurtien ja marien luo. Uno Holmbergin kirjeitä vuosilta 1911 ja 1913 years. Под редакцией С. Лаллукки, Т.Г. Минниях-метовой, Р.Р. Садикова. – Серия «Финляндия в России». – Издательство «Европейский Дом». – Санкт-Петербург, 2014. – 224с., илл.

Рецензируемое издание подготовлено совместными усилиями финского ученого Сеппо Лаллукка и учеными Удмуртии Татьяной Минниях метовой и Ранусом Садиковым при финансовой поддержке Фонда «Коне». Книга знакомит читателей с полным собранием газетных корреспонденций (в оригинале и переводе на русский язык) известного религиоведа, фольклориста, этнолога, ведущего академического ученого Финляндии Уно Хольмберга (Харвы). Всего опубликовано 15 его писем, написанных в форме путевых записок и этнографических очерков во время экспедиционных поездок к удмуртам Пермской, Уфимской и Казанской губерний в марте-июле 1911 года и к марийцам Уфимской и Вятской губерний в июне-августе 1913 года. Эти письма были опубликованы автором в газетах «Turun Sanomat» и «Uusi Aura» с целью популяризации научных знаний и приобщения финнов к культуре и традициям родственных народов, проживающих в России. Таким образом он стремился формировать у своих соотечественников представление о древней культуре предков, пробудить у них патриотические чувства и укрепить национальное самосознание.

Публикация писем У.Хольмберга имеет немалое значение для восстановления еще не изученной истории налаживания культурных взаимосвязей между финно-уграми в дореволюционной России. Сегодня эти письма представляют большой научный интерес, ибо они позволяют восстановить неизвестные подробности экспедиционной работы ученого, раскрыть его взгляды и личное отношение к исследуемым народам и происходящим событиям того времени. Подобные источники способствуют обогащению этнографической науки новыми, ранее неизвестными сведениями из жизни и быта народов Волго-Уралья.

В кратком предисловии, составленном редакторами книги, дается общая характеристика источника, его историческое значение, приводится список изученных архивных фондов библиотек, музеев, научных обществ Финляндии, позволивших

осветить отдельные детали подготовки и проведения экспедиций Уно Хольмберга в Россию, научные позиции и общественные взгляды ученого.

Во введении авторы осветили некоторые биографические данные из жизни У. Хольмберга, указали роль известных ученых-профессоров: социолога Э. Вестермарка, фольклориста К. Крона, языковеда Э. Сетяля в формировании научных интересов и выработке комплексного подхода в научно-исследовательской деятельности ученого. В книге подчеркивается, что молодой ученый решил провести экспедиции в Россию, желая восстановить глубинные черты древнефинской религии путем сравнительно-исторического изучения бытующих у родственных народов дохристианских верований и культов. Авторам удалось уяснить источники финансирования экспедиций, восстановить примерный маршрут экспедиционных поездок У. Хольмберга, составить карту с обозначением деревень и сел, в которых он проводил сбор этнографических и фольклорных материалов. В книге отмечается практическая помощь профессора Казанского университета Н.Катанова, учителей Казанской учительской семинарии И.Михеева и А.Емельянова при подготовке экспедиции к удмуртам.

Изучение публикуемых писем и полевых дневников финского ученого позволило авторам охарактеризовать методику его полевой исследовательской работы. В частности отмечается, что У. Хольмберг перед тем, как начинать сбор основного материала, в каждой деревне стремился выяснить существующие родственные отношения между ее жителями. Это давало ему возможность уяснить социальную обусловленность религиозных обрядов. Большое значение он придавал описанию культовых объектов, изучению особенностей мировоззрения, нравов, устного поэтического творчества народов. Хольмберг преимущественное внимание придавал выявлению древних пластов духовной культуры, выяснению времени и ареала распространения сходных религиозных представлений.

Использование современных для того времени методов полевых исследований позволило ученому установить общинный характер религиозных культов удмуртов и мари, показать тесную взаимосвязь жертвенных ритуалов, основанных на родстве, с социальными институтами общины. Авторы книги справедливо отмечают, что на основе полевых исследований У.Хольмбергу удалось собрать значительный этнографический и фольклорный материал, ближе узнать образ мышления удмуртов и мари, уяснить существующую в регионе религиозную ситуацию, оценить характер влияния соседних народов и монотеистических религий на их верования и мировоззрение. На основе собранных материалов ученый за короткое время написал диссертационную работу, подготовил основополагающие труды по религии пермских народов и мари, которые остаются научно востребованными и в наши дни.

Авторы книги показали, что У.Хольмберг и в дальнейшем стремился расширить свои исследования финно-угорских народов России, провел экспедицию среди енисейских хантов, хотел провести полевые исследования среди мордвы. Он постоянно выступал в поддержку финно-угорских исследований. Работая в Хельсин-

ском, Туркуском университетах, читал курс лекций по финно-угорской мифологии. После второй мировой войны состоял членом общества «Финляндия – СССР».

Особый интерес в книге представляют письма У.Хольмберга, текст которых с примечаниями авторов приводится в двух последних разделах книги. Девять писем 1911 года были написаны им в ходе экспедиции к удмуртам. В них сообщаются впечатления ученого, сложившиеся после посещения столичных городов России, во время поездки на поезде из Москвы в Казань и на пароходе по Волге и Каме. В письмах живым и образным языком характеризуется жизнь и быт удмуртов, мари, татар, описываются удмуртские обряды, совершаемые во время коллективных жертвоприношений, свадьбы, освещаются религиозные представления, связанные с почитанием умерших.

Опубликованные письма позволяют узнать внутреннее состояние души и переживаемые настроения самого ученого в ходе поездок. В первом же письме, написанном по пути в Москву, Хольмберг восторженно пишет о волновавших его племенных узах, объединяющих финские племена, возможности исторической реконструкции древней духовной культуры финнов. По пути в Казань его поразили бескрайние просторы России, суровый климат, спокойный, размеренный ритм жизни, тесное соседство нищеты и богатства среди окружающих его россиян.

Письма довольно убедительно свидетельствуют о том, что Хольмберг отличался наблюдательностью, умением подмечать наиболее значимые элементы культуры. Так, описывая жизнь удмуртской деревни Старая Кирга (Пермская губерния), жители которой придерживались язычества, автор отмечает влияние башкир и мусульманской культуры на убранство жилища, одежду, язык, песни и танцы удмуртов. Не прошло мимо его внимания сохранившийся среди некоторых богатых удмуртов обычай многоженства, наличие избы для приема гостей по праздникам. Письмо красноречиво рассказывает о встретившихся трудностях при первой встрече ученого с жителями деревни, которые не имели элементарных представлений о финнах. Хотя жители деревни и прозвали ученого удмуртом из Финляндии, однако полностью доверять не стали. Выпавший в начале лета снег они расценили как месть умерших предков за посещение гостем священных рощ без жертвоприношений. После этого старики посоветовали ему срочно уехать из деревни.

В одном из писем дается характеристика марийской деревни, сообщается, что в местностях чересполосного расселения марийцев и удмуртов, марийцы свободно владеют удмуртским языком. Они, по словам У.Хольмберга, в отличие от удмуртов бойки. Те, в свою очередь, «умеют взвешивать обстоятельства более разносторонне, чем черемисы» (с.80). Автор восхищается наличием у марийцев многочисленных узоров и образцов ткани, которых, по его мнению, нет у соседних народов. При описании марийского кладбища упоминается обычай оставления возле кладбищенской калитки вещей, бывших в контакте с умершим. Хольмбергу удалось посетить священную рощу марийцев, увидеть липовые жертвенные пояса, свисающие с веток шкуры жертвенных лошадей с головой, копытами и хвостом.

Довольно интересно в этнографическом плане описание многодневного коллективного жертвоприношения, свадебных обрядов и обычаев, представлений о человеческих душах, похоронно-поминальных обрядов удмуртов.

По материалам экспедиции к марийцам в 1913 году У.Хольмберг написал 6 писем, которые во многом носят очерковый характер. В них уже нет упоминаний о месте собранного материала, легшего в основу того или иного очерка. В первых письмах, написанных по пути из Петербурга в Уфу, автор размышляет об истории древних финнов, роли языческих волхвов в сохранении национальных традиций. В Уфимской губернии его поразили уважительное отношение местных народов друг к другу, культура семейной жизни татар.

С особым благоговением ученый пишет о родственных народах: удмуртах и мари, считая их носителями «древней культуры собственного рода». При первой встрече с марийцами У. Хольмбергу они показались застенчивыми и неразговорчивыми. В то же время, как он пишет, его не покидало ощущение некоей тайной любви к этому народу, «потому что в его языке есть слова, к которым я привык с детства…» (с. 125).

Очень содержательным и душевно проникновенным получился его очерк, посвященный описанию проведения марийцами пятницы - дня отдыха, веселья и хождения в гости. Судя по содержанию зафиксированной Хольмбергом песни можно считать, что речь идет о сернурских марийцах Вятской губернии. В этот день ему удалось ознакомиться с традицией сватовства, зафиксировать обычаи гостеприимства, общепринятые нормы приличия.

У. Хольмберг посвятил специальный очерк, посвященный описанию хозяйственных занятий мари. Здесь он рассказал об обрядах, совершаемых при первой пахоте и перед началом сева, описал обычай жертвоприношения филина в честь божества, покровительствующего плодородию овец. При характеристике охотничьих промыслов ученый упомянул о несохранившихся к настоящему времени луках, искусно обшитых берестой, и липовых колчанах.

Описание марийской свадьбы Хольмберг составил, на наш взгляд, на основе материалов, собранных среди восточных мари. Он считал, что формирование свадебной обрядности марийцев произошло под влиянием традиций умыкания.

Почитание умерших предков, по мнению У. Хольмберга, у марийцев является не только преданием или выученной наизусть верой, а своеобразным чувством, корнями, уходящими в сумерки глубокой веры. Об этом он рассказал в последнем письме «Сороковая ночь». Здесь он описал обычаи и обряды марийцев, проводимые в Уржумском уезде в 40-й день после смерти человека. Интересным является сообщение автора о том, что заместитель умершего появляется на поминках только к полуночи.

В опубликованных письмах У.Хольмберга можно встретить немало и других неизвестных ранее сведений об особенностяях жизни, религиозных представлений и традиций удмуртов и мари. Большой интерес в информативном отношении пред-

ставляют помещенные в книге фотографии, сделанные ученым во время своих экспедиционных поездок.

В целом, изданная книга представляет большой научный интерес и она, несомненно, привлечет внимание не только специалистов этнографов и фольклористов, но и студентов, учащихся образовательных учреждений, краеведов.

Никандр Попов
Йошкар-Ола

Рец.: Строительный комплекс Республики Коми в XX веке: Сборник документов и материалов / Сост. А.Н. Турубанов. – Сыктывкар, 2014. – 186 с.

Строительная отрасль сегодня занимает одно из ведущих мест в экономической системе страны. Растут объемы и темпы строительства на разных уровнях. Изучение истории развития строительного комплекса в Республике Коми пополнилось новым научным изданием – сборником документов и материалов, подготовленным А.Н. Турубановым и опубликованным Институтом языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН и Сыктывкарским лесным институтом (филиалом) Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета имени С.М. Кирова в рамках инициативного исследовательского проекта «История и культура Европейского Севера России в XVII – середине XX века (новые источники)», рассчитанного на 2012–2014 годы. Предлагаемый сборник стал одним из первых тематических изданий, посвященных истории строительного комплекса Республики Коми XX века.

Книга состоит из предисловия, основной части, включающей в себя 135 документов, списка источников и литературы, приложений, в которые входят примечания, именной указатель, географический указатель, список аббревиатур и сокращений, перечень документов, представленных в сборнике. Структура отличается четкостью и логичностью изложения, доступностью и наглядностью восприятия материала, продуманно раскрывает содержание поставленной проблемы.

В предисловии обосновывается актуальность темы научного издания. Особо подчеркивается, что «во многих российских регионах для исследования этого сюжета источниковая база отсутствует или находится на первоначальном этапе его изучения». Большинство документов публикуется впервые.

Основу работы составили, в первую очередь, документы из архивов – Национального архива Республики Коми, ведомственных архивов, а также материалы центральной и местной периодической печати, некоторые документальные издания. Критический подход к отбору источников и комплексный анализ их стали непременными условиями их включения в сборник. Так, в работе были использованы документы из фондов Коми областного комитета, Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми автономной области, Областной государственной плановой комиссии Коми автономной области, Статистического управления Коми АССР, Государственного лесопромышленного треста «Комилес» ВСНХ РСФСР, Совета Министров Коми АССР, Коми ССР, Респуб-

лики Коми, Президиума Верховного Совета Коми АССР, Общества изучения Коми края, Исполкома Коми АССР, Коми областного комитета профсоюза работников лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности, Совета народного хозяйства Коми экономического административного района, Всесоюзного лесопромышленного объединения «Комилеспром», комбината «Воркутауголь», Производственного лесозаготовительного объединения «Мезеньлес», Усинского горкома КПСС, Вуктыльского горкома КПСС.

В сборнике представлены материалы газет «Заполярье», «Известия», «Красное знамя», «Огни Вычегды», «Правда Севера», «Строительная газета», «Ухта».

А.Н. Турубанов условно выделяет два периода в истории развития строительного комплекса Республики Коми: 1) первая половина XX века – создание производственно-технического потенциала отрасли; 2) развитие строительного комплекса во второй половине XX века.

В результате изучения периодов составитель выделил их особенности. Для первого периода характерны доминирование ручного труда, слабая производственная и социальная инфраструктура, сложности в комплектовании кадров и тяжелые жилищные условия работников, преобладание в капитальном строительстве принудительного труда заключенных и спецпереселенцев. В то же время в этот период начинает «создаваться новый индустриальный центр на Европейском Северо-Востоке страны». Качественными характеристиками второго периода стали укрепление материально-технической базы отрасли и в то же время консервация новых производств строительных материалов и конструкций. Но несмотря на все противоречия и диспропорции в развитии «регион стал одной из важных топливных и лесоперерабатывающих баз страны».

Материалы сборника дают представление о становлении и развитии строительного комплекса Республики Коми в XX веке как одной из составляющих экономики страны. В них отражены вопросы функционирования материально-технической базы строительной отрасли в крае, проблемы формирования кадров, особенности развития в связи с привлечением материальных и финансовых ресурсов центральных министерств и ведомств для освоения природных богатств Коми.

Документы подготовлены к изданию в соответствии «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Составителем проведен источниковедческий анализ по установлению дат, заголовков и авторства документов.

Сборник документов и материалов «Строительный комплекс Республики Коми в XX веке» отличается не только актуальностью темы, но и привлечением широкого круга источников, подробным научно-справочным аппаратом, высоким теоретическим уровнем подготовки документов к публикации и вносит большой вклад в изучение истории развития строительного комплекса российских регионов в XX веке. В целом, издание имеет практическое значение для подготовки дальнейших научных публикаций, создания учебной и научной литературы, разработки лекционных курсов.

Ольга Кошкина
Йошкар-Ола

ХРОНИКА

IV (XX) ВСЕРОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

20–25 октября в г. Казани прошел IV (XX) Всероссийский археологический съезд. Возрождение этих масштабных совещаний (их дореволюционная история охватывает 1869–1911 гг.) обусловлено «не столько стремлением восстановить корпоративные традиции, сложившиеся в эпоху становления отечественной археологической науки, сколько реальной современной потребностью российского археологического цеха к более тесному общению» (1, с. 5). Организаторами выступили Институт археологии Академии Наук Республики Татарстан; Казанский (Приволжский) Федеральный университет; Институты Российской академии наук: Археологии, Истории материальной культуры, Археологии и этнографии Сибирского отделения. Значение этого неординарного мероприятия подчеркивают приветственные слова Председателя Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации и Российского исторического общества С.Е. Нарышкина, Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова, Государственного советника Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева, других видных государственных и научных деятелей.

Заявку на участие подали около 800 специалистов, представляющих множество научных учреждений почти всех регионов Российской Федерации. Была создана 21 специализированная секция. Для большинства из них характерна «классическая» археологическая тематика, охватывающая огромный отрезок времени от развития культурных процессов в палеолите Северной Евразии до средневековой археологии Восточной Европы и археологии северо-восточной Евразии в исторический период XVI–XVIII вв. Некоторые наиболее обширные секции, например «Этнокультурные процессы I тыс. в Евразии», были разбиты на подсекции. Отметим значительное количество докладов, посвященных древнейшей и древней истории финно-угорских народов России.

Работа остальных секций связана с проблемами сохранения, реставрации, музеефикации археологического наследия; компьютерных технологий и современных методов полевых работ; естественнонаучных исследований, палеогеографических и антропологических реконструкций; мультидисциплинарных подходов изучения древних и средневековых технологий и производств. Кроме того, были проведены

круглые столы по темам «Актуальные вопросы сохранения археологического наследия», «Памятники археологии – музеи под открытым небом: проблемы доступа к культурному наследию и сохранения научного потенциала», «Этика и археология». Программу дополнили ознакомительные экскурсии по Казанскому Кремлю, в г. Свияжск, Музей Болгарской цивилизации (г. Болгар).

Разумеется, рамки сообщения не позволяют даже кратко охарактеризовать огромные материалы съезда. Отметим лишь, что они оперативно опубликованы в трех обширных книгах (2). Первый том содержит доклады, отражающие наиболее древние эпохи от палеолита до перехода к раннему железному веку; второй – посвященные хронологическому отрезку от античности до раннего железного века Азиатской части России; третий – истории России периодов средневековья и нового времени.

На заключительном рабочем совещании по подведению итогов был отмечен высокий уровень проведения конференции, подчеркнуто ее большое значение для развития российской археологической науки. Следующий V (XXI) Всероссийский археологический съезд пройдет на Алтае в 2017 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Деревянко А.П., Макаров Н.А.* Археология в изменяющейся России // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том I. – М., 2008.

2. Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I–III. – Казань, 2014.

Борис Соловьев
Йошкар-Ола

ПАМЯТИ Л.С. ХРИСТОЛЮБОВОЙ

28 октября 2014 года в Ижевске скончалась известная как в России, так и за рубежом этнолог, общественная деятельница, кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки УР Людмила Степановна Христолюбова. Она родилась 26 марта 1939 г. в д.Волково ныне Завьяловского района Удмуртии в семье крестьян. В 1953–1957 гг. училась в Можгинском педагогическом училище, с 1963 по 1967 г. обучалась в Удмуртском государственном педагогическом университете. В 1967–1970-ом училась в аспирантуре Института этнографии АН СССР и вела исследование по теме «Семейные обряды удмуртов: свадьба, родины, похороны (опыт количественной характеристики)». В 1971 г. защитила кандидатскую диссертацию по данной теме. Она была из плеяды первых удмуртских этнографов – профессионалов своего дела. С 1970 года Людмила Степановна трудилась в Удмуртском НИИ (ныне УИИЯЛ УрО РАН). Она была старшим научным сотрудником, заведующей сектором этнографии и этносоциологии (1978–1989), ученым секретарем. В круг ее интересов входили традиционные и современные проблемы истории культуры удмуртского народа, вопросы историографии, этнокультурные процессы в Удмуртии, гендерные исследования. Она являлась одной из организаторов этносоциологических исследований в Удмуртии (1968, 1979–1980, 1993, 1997, 2002), итогом которых стали многочисленные авторские и соавторские публикации и монографии: «Удмурты: Этносоциологические очерки (Ижевск, 1976. В соавт.), «Семейные обряды удмуртов: традиции и процессы обновления» (Ижевск, 1984), «Народы Поволжья и Приуралья: Коми. Марийцы. Мордва. Удмурты» Серия «Народы и культуры» (М., 2000. В соавт.). Л.С.Христолюбова – автор более 200 научных работ, многие темы из которых рассмотрены впервые. Ряд ее исследований освещает проблемы удмуртской женщины, ее общественное положение, идентичность и ментальность. В последние десятилетия Л.С.Христолюбова занималась исследованием исторического пути удмуртской женщины. Она изучала биографии женщин, их судьбы на фоне истории страны и республики, их трудовую деятельность и достижения. Результатами кропотливого труда стали справочник «Удмуртские женщины. XX век» (Ижевск, 2002) и монография «Женщина в удмуртском обществе» (XVIII – начало XXI вв.)» (Ижевск,

2006). Л.С.Христолюбова совместно со своими коллегами трудилась над монографиями и энциклопедией: «Удмурты: историко-этнографические очерки» (Ижевск, 1993), энциклопедия «Удмуртская Республика» (Ижевск, 2000), «Удмуртская мифология» (Ижевск, 2003) и др. Много лет она являлась активным членом редколлегии журнала «Финно-угроведение», неоднократно на его страницах публиковались ее статьи и сообщения.

Л.С. Христолюбова известна в научном мире своими глубокими многогранными исследованиями. Людмила Степановна прошла замечательный путь ученого и общественного деятеля. В нашей памяти Л.С.Христолюбова останется как истинный патриот своего народа и Удмуртии. Научное сообщество понесло невосполнимую утрату. Ушла из жизни одаренная, талантливая, исследовательница, педагог, общественная деятельница. Редколлегия журнала «Финно-угроведение» выражает соболезнования родным и близким.

Редколлегия журнала «Финно-угроведение»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бландов Алексей Александрович – аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Григорьева Людмила Яковлевна – кандидат филологических наук, ученый секретарь МарНИИЯЛИ

Зеленеева Гульнара Султановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела социологии

Казанцев Дмитрий Егорович – доктор филологических наук, профессор МарГУ

Калинина Ольга Александровна – научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Кошкина Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом истории МарНИИЯЛИ

Кузнецова Маргарита Нифонтовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии института национальной культуры и межкультурной коммуникации МарГУ

Линкова Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, директор филиала ФГУП ВГТРК ГТРК «Коми гор»

Максимов Валерий Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры марийского языка и литературы МарГУ

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом этнологии МарНИИЯЛИ

Мустаев Елизар Николаевич – кандидат филологических наук, профессор МарГУ

Орлова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, заведующая отделом социологии МарНИИЯЛИ

Попов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Попов Никандр Семенович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Сергеев Олег Арсеньевич – кандидат филологических наук, заведующий отделом языка МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Соловьев Борис Степанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии МарНИИЯЛИ

Эрцикова Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

CONTENTS

ARTICLE

Kazantsev D.E. On the theory of compounding 3
Blandov A.A. The Valdai Karelians in XVII – the beginning of XVIII century 20
Kalinina O.A. Historiographical review of sources and literature about the wedding rituals of Mari 32

REPORTS

Orlova O.V. Student youth of Mari El Republic about the Motherland and themselves 50
Zeleneyeva G.S. The rural family in the Republic of Mari El: from tradition to modernity 63
Molotova T.L. Features of the organization and carrying out of religious rites of Maris of Malmyzh district of Kirov region 70
Grigoryeva L.Ya. Journalistic activities of Yu.V. Anduganov 78
Linkova N.Yu., Popov A.A. Finno-Ugric World: the expansion of cultural space. Interregional TV magazine «Finno-Ugric World» is 21 84

PERSONALS

Kuznetsova M.N. To the anniversary of Paul Kokla 88
Ertsikova G.A. F.T. Grachova is researcher of Mari phraseology (to the 80th anniversary) 92
Solovyov B.S. Roads we choose (the anniversary of T.B. Nikitina)... 95
Orlova O.V. Vitaliy Ivanovich Shabykov is 60 99
Mustayev Ye.N. Scientist of wide range (to the 60th anniversary of N.N. Glukhova) 102
Sergeyev O.A., Maksimov V.N. Researcher of Mari language from Finland (the anniversary of Professor S. Saarinen) 106
Sibatrova S.S. The anniversary of M.N. Kuznetsova 115
Molotova T.L. The anniversary of S.P. Manayeva-Chesnokova 119

SURVEYS AND REVIEWS

Popov N.S. Rev.: Journey to Udmurts and Maris. Uno Holmberg's letters of 1911 and 1913. Matkat udmurttien ja marine luo / Uno Holmbergin kirjeita vuosilta 1911 ja 1913 years. Edited by S. Lallukka, T.G. Minniyahmetova, R.R.Sadikov. – Series «Finland in Russia». – Publisher «European House». – St. Petersburg, 2014. – 224 pp., ill. 122
Koshkina O.A. Rev.: Building complex of the Republic of Komi in the XX century: a collection of documents and materials / Ed. A.N. Turubanov. – Syktyvkar, 2014. – 186 p. 127

CHRONICLE

Solovyov B.S. IV (XX) Russian Archaeological Congress 129
In memory of L.S. Khristolyubova 131
Informations about the authors 133

«Финно-угроведение», 2014, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360

Компьютерная верстка *З.Г. Ворощовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*
Литературный редактор номера *Н.И. Сазонов*

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
Телефон: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: mamii@mari-el.ru

Подписано в печать 19.11.2014. Формат 70x100/16.
Усл.п.л.10. 97. Тираж 300 экз. Заказ № 3928.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО НПФ «СТРИНГ»
424006, РМЭ, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95